

TERRA
HISTORICA



Марсель Лобе,
Ги Фо

ТРАГЕДИЯ ТАМПЛИЕРОВ



Annotation

Орден тамплиеров и его судьба — одна из самых драматических и таинственных загадок средневековой истории. Официальная история, которую начали писать еще в ходе процесса тамплиеров, гласит: братство рыцарей-монахов, истово преданных христианской вере, чьей честности доверяли даже их враги-мусульмане, постепенно погрязло в пороках и алчности, а в конце концов впало в ересь. Но так ли все было на самом деле? Авторы книги Марсель Лобе и Ги Фо следуют за чередой взлетов и падений знаменитого ордена, стремясь ответить на сакраментальный вопрос — были ли тамплиеры на самом деле виновны в вероотступничестве, или же просто стали жертвой корыстолюбия и сговора французского короля и Папы Римского.

- [Лобе Марсель, Фо Ги](#)
 - [Предисловие к русскому изданию](#)
- [Марсель Лобе](#)
 - [Введение](#)
 - [ЧАСТЬ ПЕРВАЯ](#)
 - [Глава I](#)
 - [Глава II](#)
 - [Глава III](#)
 - [Глава IV](#)
 - [ЧАСТЬ ВТОРАЯ](#)
 - [Глава I МОНАХИ-БАНКИРЫ](#)
 - [Глава II](#)
 - [Глава III](#)
 - [ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ](#)
 - [Глава I](#)
 - [Глава II](#)
 - [Глава III](#)
 - [Глава IV](#)
 - [Глава V](#)
 - [Глава VI](#)
 - [Заключение](#)

- 1
 2
 3
 4
 5
 6
 7
 8
 9
 10
 11
 12
 13
 14
 15
 16
 17
 18
 19
 20
 21
 22
 23
 24
 25
 26
 27
 28
 29
 30
 31
 32
 33
 34
 35
 36
 37
 38
 39
 40
 41
 42
 43
 44
 45
 46
 47
 48
 49
 50
 51
 52
 53
 54
 55
 56
 57
 58
 59
 60
 61
 62
 63
 64
 65
 66
 67
 68
 69
 70
 71
 72
 73
 74
 75
 76
 77
 78
 79
 80
 81
 82
 83
 84
 85
 86
 87
 88
 89
 90
 91
 92
 93
 94
 95
 96
 97
 98
 99
 100
 101
 102
 103
 104
 105
 106
 107
 108
 109
 110
 111
 112
 113
 114
 115
 116
 117
 118
 119
 120
 121
 122
 123
 124
 125
 126
 127
 128
 129
 130
 131
 132
 133
 134
 135
 136
 137
 138
 139
 140
 141
 142
 143
 144
 145
 146
 147
 148
 149
 150
 151
 152
 153
 154
 155
 156
 157
 158
 159
 160
 161
 162
 163
 164
 165
 166
 167
 168
 169
 170
 171
 172
 173
 174
 175
 176
 177
 178
 179
 180
 181
 182
 183
 184
 185
 186
 187
 188
 189
 190
 191
 192
 193
 194
 195
 196
 197
 198
 199
 200
 201
 202
 203
 204
 205
 206
 207
 208
 209
 210
 211
 212
 213
 214
 215
 216
 217
 218
 219
 220
 221
 222
 223
 224
 225
 226
 227
 228
 229
 230
 231
 232
 233
 234
 235
 236
 237
 238
 239
 240
 241
 242
 243
 244
 245
 246
 247
 248
 249
 250
 251
 252
 253
 254
 255
 256
 257
 258
 259
 260
 261
 262
 263
 264
 265
 266
 267
 268
 269
 270
 271
 272
 273
 274
 275
 276
 277
 278
 279
 280
 281
 282
 283
 284
 285
 286
 287
 288
 289
 290
 291
 292
 293
 294
 295
 296
 297
 298
 299
 300
 301
 302
 303
 304
 305
 306
 307
 308
 309
 310
 311
 312
 313
 314
 315
 316
 317
 318
 319
 320
 321
 322
 323
 324
 325
 326
 327
 328
 329
 330
 331
 332
 333
 334
 335
 336
 337
 338
 339
 340
 341
 342
 343
 344
 345
 346
 347
 348
 349
 350
 351
 352
 353
 354
 355
 356
 357
 358
 359
 360
 361
 362
 363
 364
 365
 366
 367
 368
 369
 370
 371
 372
 373
 374
 375
 376
 377
 378
 379
 380
 381
 382
 383
 384
 385
 386
 387
 388
 389
 390
 391
 392
 393
 394
 395
 396
 397
 398
 399
 400
 401
 402
 403
 404
 405
 406
 407
 408
 409
 410
 411
 412
 413
 414
 415
 416
 417
 418
 419
 420
 421
 422
 423
 424
 425
 426
 427
 428
 429
 430
 431
 432
 433
 434
 435
 436
 437
 438
 439
 440
 441
 442
 443
 444
 445
 446
 447
 448
 449
 450
 451
 452
 453
 454
 455
 456
 457
 458
 459
 460
 461
 462
 463
 464
 465
 466
 467
 468
 469
 470
 471
 472
 473
 474
 475
 476
 477
 478
 479
 480
 481
 482
 483
 484
 485
 486
 487
 488
 489
 490
 491
 492
 493
 494
 495
 496
 497
 498
 499
 500
 501
 502
 503
 504
 505
 506
 507
 508
 509
 510
 511
 512
 513
 514
 515
 516
 517
 518
 519
 520
 521
 522
 523
 524
 525

- III. ДЕЛО БОНИФАЦИЯ И ПРОЦЕСС ТАМПЛИЕРОВ
 -
 - Великое отречение
 - Бонифаций VIII
 - Бенедикт XI и инжир
 - Климент V
 - Дело Бонифация
- IV. НАЧАЛО ПРОЦЕССА ТАМПЛИЕРОВ
 -
 - Предложение об объединении
 - Жак де Моле
 - Встреча в Пуатье
 - Предосторожности
- V. ПРОЦЕСС ИНКВИЗИЦИИ
 -
 - Приказы короля
 - Вмешательство инквизитора
 - Первые признания
 - Пытки
 - Протест Папы
 - Признания Жака де Моле
 - Признания других высших сановников ордена
 - Итог
 - Реакция Папы
 - Расследования за рубежом
- VI. РЕАКЦИЯ ПАПЫ
 -
 - Колебания
 - Генеральные Штаты
 - Консистория
 - Папское расследование
 - Решение Папы
 - Допрос высших сановников ордена
 - Буллы 1308 г.
 - Последствия
- VII. РАССЛЕДОВАНИЕ КОМИССИИ
 -

- [Общие впечатления](#)
- [Первый допрос великого магистра](#)
- [Рьяный защитник](#)
- [Второй и третий допрос великого магистра](#)
- [Допрос других высших руководителей](#)
- [Другие свидетели](#)
- [Вопросник](#)
- [Расследование до 10 мая](#)
- [Совет в Париже](#)
- [Крах](#)
- [Завершение работы](#)
- [VIII. КЛЮЧЕВЫЕ ОБВИНЕНИЯ](#)
 -
 - [1. Принудительная содомия](#)
 - [2. Непристойные поцелуи](#)
 - [3. Пропуск слов в молитве](#)
 - [4. Идолопоклонство](#)
- [IX. ОТРЕЧЕНИЕ ОТ ХРИСТА](#)
 -
 - [Свидетельства](#)
 - [Форма и природа ритуала](#)
 - [Смысл и распространенность ритуала](#)
 - [Ритуал и исповедь](#)
- [X. СТРАННАЯ ЕРЕСЬ](#)
 -
 - [Герметизм](#)
 - [Катары](#)
 - [Манихейцы и гностики](#)
 - [Ислам](#)
 - [Ассасины-убийцы](#)
 - [Доктрина всеобщего братства](#)
 - [Политические амбиции](#)
 - [Параллельная иерархия и секретные уставы](#)
 - [Ускользающая правда](#)
- [XI. КОНЕЦ ДЕЛА](#)
 -
 - [Церковный Собор](#)

Лобе Марсель, Фо Ги
Трагедия тамплиеров

Предисловие к русскому изданию

Феномен военно-монашеских орденов давно является одним из приоритетных и изученных тем в историографии крестовых походов. Тем не менее он по-прежнему притягивает к себе внимание историков. И нельзя сказать, что это внимание незаслуженно — ведь ордены на протяжении Средневековья сыграли немаловажную роль в политической истории как Ближнего Востока, так и Западной Европы; некоторые из них существуют и поныне.

Зарождение военно-монашеских орденов неразрывно связано с достигшей своего расцвета на заре XI в. идеей борьбы с неверными и возвращения христианскому миру Святого Града — Иерусалима и, как следствие, с крестовыми походами на Ближний Восток. Крестоносному движению, увлекшему к Иерусалиму тысячи добровольцев, были свойственны необычайно высокий религиозный пыл и рвение, которые позволили западноевропейским воинам справиться со значительными трудностями, вставшими на их пути, и создать свои собственные государства на Востоке. Этот энтузиазм нашел свое отражение и в основании военно-монашеских орденов, которые были призваны выполнять двойственные функции — бороться с мусульманами и соблюдать свойственную монахам аскезу.

Сама идея создания военно-монашеских орденов была необычайно близка духу Средневековья, можно даже сказать, что для многих представителей Церкви она была мечтой. В эпоху Средневековья Церковь всячески поддерживала представление о христианском обществе, которое по мере своих сил борется с дьяволом и его приспешниками: монахи — молитвами, воины — оружием. Военно-монашеские ордены позволяли слить воедино эти два воинства — духовное и светское — для реализации благочестивых целей. Недаром св. Бернар Клервоский, автор «Похвалы новому воинству», противопоставлял светское рыцарство рыцарям-монахам. Безусловно, военно-монашеские ордены стали одним из этапов в длительной и иногда противоречивой эволюции средневекового монашества: отшельничество, столь популярное на заре христианской эры, сменилось киновийной жизнью, но периодически возрождалось

— в VIII в. в лице ирландских монахов, прибывших на континент, чтобы проповедовать, в XI в. — клюнийских монахов, в XII в. — монахов цистерцианцев. Сам смысл и задачи монашеской жизни неоднократно претерпевали серьезные изменения. Идеал отчуждения от общества не испытывал напора новых веяний в социальной и экономической жизни Западной Европы. Развитие городов, с их новыми ценностями и мировосприятием, породило монахов-францисканцев, доминиканцев, кармелитов, которые были более, нежели их предшественники, связаны с миром. Иные формы монашества (францисканцы) были признаны официальной Церковью, другие (альбигойские совершенные) пошли иной, своей дорогой. Военно-монашеские ордены также балансировали на грани: многие из первых членов орденов сомневались в законности своего дела.

Сначала основной функцией орденов, возникших в Святой Земле в начале XII в., была охрана паломников, которые спешили посетить Гроб Господень, от нападений мусульманских разбойничьих банд. Позднее они полностью переключились на военные операции против неверных, так что Римским Папам приходилось неоднократно напоминать орденам, что они позабыли о своей первоначальной цели, для которой и были созданы. Орденны выгодно отличались от существующих в XII–XIII в. войск крестоносных и западноевропейских государств. Их отличала строгая дисциплина, беспрекословное повиновение великому магистру в бою и в мирное время. Как отмечает автор представленной читателю книги Марсель Лобе, ордены были своего рода «жандармерией» христианского Леванта, почти регулярным войском. Помимо гарнизонного войска, размещенного по орденским замкам, рыцари-монахи составляли настоящую «мобильную армию», готовую в любой момент выступить в поход. Тамплиеры и госпитальеры в меньшей степени, чем правители Святой Земли, испытывали нехватку в людях. Орденны сначала были очень популярны в Западной Европе, и в них постоянно прибывали добровольцы. Именно поэтому охрану крепостей в Святой Земле часто доверяли именно тамплиерам и госпитальерам, особенно в княжестве Антиохийском и графстве Триполи. И, в отличие от христианских государей Ближнего Востока, которые постоянно испытывали нехватку в денежных средствах для оплаты военных действий, госпитальеры, и, прежде всего, тамплиеры, располагали

колоссальными средствами, приобретенными в результате потока дарений и пожалований, просто обрушившиеся на ордены после их основания, затем стали практиковать банковские сделки, приносявшие им солидный доход. Благодаря постоянным денежным поступлениям с Запада тамплиеры и госпитальеры сумели выстроить ряд надежных замков, на которых зиждилась безопасность Святой Земли. Многие и поныне поражают воображение своими размерами и мощью.

Однако со временем положение военно-монашеских орденов менялось, как менялось и отношение к ним. Разлагающее влияние на военно-монашеские ордены оказала и политическая ситуация в Святой Земле, где фактическое отсутствие королевской власти привело к настоящей анархии; в борьбе за деньги и власть там сталкивались местные сеньоры (пулены) и приехавшие из Западной Европы крестоносцы, итальянские купцы. Посреди этого политического хаоса ордены были единственно надежной и постоянной опорой, готовые без конца сражаться с неверными. Но сами ордены приняли активное участие в этом хаосе, не желая утратить собственную автономию. Они старались пропихнуть наверх своих ставленников: так, при энергичном содействии тамплиеров в 1277 г. Иерусалимским королем был объявлен Карл Анжуйский, король обеих Сицилий. Постепенно тамплиеры и госпитальеры, опираясь на свои замки и резиденции, стали проводить собственную политику, которая зачастую шла вразрез с официальной политикой королевства. Прибывавшие из Западной Европы рыцари далеко не всегда разбирались в хитросплетениях ближневосточной политики и неоднократно отказывались повиноваться иерусалимским государям. Частенько ордены заключали с мусульманами свои отдельные перемирия и договоры, невзирая на то, что это противоречило интересам крестоносцев: французский король Людовик Святой строго наказал великого магистра тамплиеров, посмеявшегося заключить с султаном Дамаска перемирие, в то время как король воевал с мусульманами. По мере того как росла независимость орденов, усиливалась и их гордость и строптивость, нежелание считаться с официальными властями. Фридрих II Гогенштауфен, император Священной Римской империи и король Иерусалимский, попытался сломить независимость тамплиеров, но потерпел неудачу. Чтобы потеснить ненавистный орден, ему пришлось создать новую

военно-монашескую организацию, получившее название Тевтонского ордена.

Наиболее известным из военно-монашеских орденов является орден тамплиеров (храмовников): он был, пожалуй, самым удачливым и богатым из существующих военных орденов до 1307 г., когда по инициативе французского короля Филиппа IV Красивого против тамплиеров начали обвинительный процесс, приведший к роспуску ордена. Едва ли не самым притягательным и волнующим исследователей и широкую аудиторию является сам процесс против тамплиеров, изначально обросший всевозможными легендами и домыслами. Сама закрытость внутренней жизни ордена лишь способствовала распространению невероятных слухов, которые были подхвачены и раздуты королевскими чиновниками и инквизиторами, допрашивавшими тамплиеров. Трагическая гибель ордена на долгое время превратила тамплиеров в своего рода «мучеников», невинно пострадавших от преследования деспотической государственной машины, а перед историками поставила до сих пор неразрешимый вопрос о степени виновности рыцарей-монахов в преступлениях против Бога, в которых их обвиняли судьи.

Уничтожение ордена нельзя объяснить, если не учитывать эволюцию крестоносного движения. Сама идея крестовых походов начиная с XIII в. все меньше и меньше волновала умы западноевропейцев. Регулярные неудачи, которые терпели крестоносные воинства, охладили пыл воинов из Западной Европы. Героический ореол, окружавший военно-монашеские ордены, постепенно исчезал, особенно после того, как христиан окончательно изгнали с Ближнего Востока мамлюки. Некоторые ордены нашли себе иное занятие — госпитальеры захватили Родос и сделали его базой в борьбе против мусульман в Средиземном море. Тевтонские рыцари переселились в Восточную Пруссию, где создали свое собственное орденское государство. Испанские ордены Калатрава и Алькантара по-прежнему боролись с испанскими маврами. Лишь одному ордену — тамплиеров — не нашлось места, точнее сказать, он его не успел найти.

Мы уже упоминали, что орден тамплиеров вызывал недовольство и даже ненависть у представителей высшей власти. Но тамплиеров ненавидели и в иных кругах. Монахи-францисканцы и доминиканцы

видели в них своих естественных соперников. Еще на Востоке тамплиеры навлекли на себя неприязнь купцов и судовладельцев, чьими конкурентами были в сфере банковского дела и морских перевозках. Ненавидело ордена и духовенство, поскольку те, пользуясь привилегиями, дарованными папством, всячески ущемляли епископов, аббатов и приходских священников, отказывались выполнять их требования, укрывали у себя отлученных от церкви и т. д. Наконец, в народе орденские рыцари, особенно тамплиеры, пользовались неприязнью из-за своей скупости и гордыни. Естественно, когда в 1291 г. Акра, последний христианский город на Ближнем Востоке, пал под ударами мусульман, ответственность за поражение стали все громче и громче возлагать на тамплиеров и госпитальеров, которые были удобной мишенью для нападок.

Таким образом, к началу XIV в. все слои общества были настроены против военно-монашеских орденов, поэтому в 1307 г.; когда рыцарей-тамплиеров арестовали по обвинению в идолопоклонничестве и ереси по приказу французского короля Филиппа IV Красивого (1285–1314 гг.), общественное мнение во многом было подготовлено к такому развитию событий, хотя, конечно, первое известие повергло христианский мир в ступор, столь тяжелы были обвинения, выдвинутые против тамплиеров. Можно только догадываться об истинных намерениях Филиппа Красивого: французский король, чья молчаливость вошла в поговорку уже при его жизни, как никто умел хранить в тайне свои мысли. Исследователи выдвигали самые разные предположения. Одни считали, что Филиппу IV нужны были деньги на оплаты дорогостоящих войн, которые он вел в Аквитании и Фландрии, поэтому он и позарился на казну тамплиеров; другие утверждали, что короля, который прославился своими деспотическими замашками, не могло радовать то, что тамплиеры создали своего рода государство в государстве и, будучи причастны к Церкви, были неподвластны короне и т. д. Французский ученый Ж. Фавье, автор биографии Филиппа Красивого вообще полагает, что Филипп действовал исключительно из религиозного рвения, считая своим долгом как короля и христианина искоренить ересь из своего государства.

В 1307 г. по приказу французского короля Филиппа IV тамплиеры во главе с великим магистром, находившиеся во Франции, были

арестованы. Их арест вызвал шок в обществе: да, тамплиеров многие не любили, но признавали их особые заслуги в борьбе с сарацинами. По инициативе французского короля против тамплиеров был начат грандиозный процесс. Этот процесс интересен уже не только тем, что на нем судили рыцарей-монахов — казалось бы, признанных защитников веры Христовой; на самом деле речь шла о еще более драматическом противостоянии, оказавшем огромное влияние на судьбы Западной Европы — борьбе папства и королевской власти за господство на христианском Западе. Процесс тамплиеров представляет собой один из этапов этой борьбы. В действительности сам король Филипп Красивый не имел никакого права арестовывать тамплиеров и начинать против них расследование: приказ об этом мог отдать только папа Римский Климент V, которому орден и подчинялся непосредственно. Однако Филипп сумел узаконить свое вмешательство в дела церкви, так как формально распоряжение о начале расследования деятельности тамплиеров поступило от инквизитора Франции, обладавшего всеми прерогативами отдавать такой приказ. К тому времени, как папа высказал свое недовольство и потребовал от короля отчета, были подготовлены признательные показания большинства тамплиеров. В ходе допросов даже высшие сановники ордена, включая великого магистра Жак де Моле, признались в вероотступничестве. Тем не менее следствие и процесс растянулись на долгие годы и ставкой в игре стал уже не пресловутый орден, а влияние на христианский мир. Лишь в 1312 г. Папа Климент своей властью на Вьеннском церковном соборе распустил орден.

И у современников процесса, так и у исследователей возникали и возникают сомнения в справедливости приговора. Одни справедливо указывали, что признания вырывались у тамплиеров под пытками; что следствие начал французский король, явно заинтересованный в уничтожении ордена; что самые шокирующие признания давали низшие чины ордена, часто личности сомнительные или легко поддающиеся давлению. Другие ссылались, что орден уже в Святой Земле забыл о своем предназначении, втянувшись в борьбу за мирскую власть и стяжая богатство; что Филипп IV действовал не из-за корыстных побуждений, но лишь по благочестивому намерению очистить Церковь от скверны.

Неослабевающий интерес к ордену тамплиеров связан со слухами, которые начали стремительно распространяться в обществе уже во время процесса: в резиденциях тамплиеров так и не удалось отыскать несметных богатств, которые, как считалось, скопили рыцари-монахи за долгие годы сражений на Святой Земле. И поныне многие уверены, что сокровища ордена покоятся в каком-то потаенном месте. Тайны и мистика всегда притягивали широкую публику. В наше время спрятанные богатства ордена стали увлекательным сюжетом для ряда публикаций, фильмов, неизменно пользующихся широким спросом. Повышенный интерес до сих пор вызывает и дальнейшая судьба членов ордена. Многие до сих пор не хотят верить, что блистательный и таинственный орден тамплиеров был распущен, а рыцари кто погиб на костре, кто умер в заточении, искупая свои — придуманные или настоящие — прегрешения. Неоднократно вспоминали, что несколько тамплиеров заявили папе Клименту во время заседаний Вьеннского собора, будто в округе города скрывается около полутора тысяч вооруженных до зубов воинов, готовых доказать свою правоту силой оружия. Эти мифические полторы тысячи так и не были найдены. Эти и другие рассказы дали основания предполагать, что орден продолжил свое существование тайно или лег в основу других орденов — масонов, розенкрейцеров и т. д. Многочисленные публикации делали из тамплиеров едва ли не «хранителей тайны Иисуса Христа». В силу этого обстоятельства история тамплиеров обросла самыми разными и подчас невероятными легендами и рассказами, в которых невероятно сложно разобраться современным исследователям. Издательство «Евразия» предлагает читателю взглянуть на проблему с разных позиций. Два французских историка — Марсель Лобе и Ги Фо — изложили свою точку зрения на драматические события, связанные с возникновением и гибелью знаменитого ордена. Марселю Лобе больше было интересно само существование ордена, Ги Фо — процесс, легенды и предполагаемое последующая тайная жизнь ордена.

А. Ю. Карачинский

Марсель Лобе

Трагедия ордена тамплиеров

Введение

На протяжении всей своей истории дело тамплиеров породило столько пламенных комментариев, столько пристрастных трудов и столько бессмысленных толкований, что теперь стало весьма затруднительно говорить о нем объективно и по существу.

Чтобы написать серьезную книгу на эту спорную тему, следовало быть одновременно историком Средневековья, юристом, надлежащим образом разбирающимся в инквизиторском судопроизводстве начала XIV в., и востоковедом, знающим нравы, обычаи и секты Леванта.

Разумеется, довольно сложно обнаружить все вышеназванные качества у одного человека. Поэтому ни одна из многочисленных книг, посвященных тамплиерам, не смогла до настоящего момента полностью удовлетворить любопытство тех, кто желает во что бы то ни стало добраться до сути этого дела.

Мы, выступая как простые эссеисты, не обладающие ни одной из перечисленных способностей, отнюдь не стремимся возобновить дело о тамплиерах или развеять окружающую их тайну. Темой нашей работы стало краткое изложение истории ордена Храма, чтобы современный читатель мог кое-что прояснить для себя в этом вопросе. После того как многие историки признались в своей неспособности достоверно доказать вину или невиновность тамплиеров, мы не можем быть настолько самоуверенными, чтобы намереваться разрешить эту проблему.

Однако нам показалось полезным разобраться в «этом крупном деле, быть может, самом значительном во всем Средневековье» (Мишле). Действительно, дело тамплиеров тесно связано с несколькими наиболее важными вопросами, возникавшими в середине Средневековья: вопросом о роли крестовых походов, влиянии Востока на Запад, жестокости инквизиции, о конфликте между церковной властью Папы Римского и королевским абсолютизмом, воплощением которого стал Филипп Красивый^{1}. Для специалистов добавим, что тамплиеры были инициаторами крупных финансовых операций и предвосхитили современную систему денежного учета.

Прежде чем перейти к этапам знаменитого судебного процесса, мы решили изучить роль, которую тамплиеры сыграли во время Священной войны. Поскольку большинство работ, посвященных ордену Храма, рассматривали только судебное дело, порожденное жадностью Филиппа Красивого, все привыкли как-то забывать об услугах, которые тамплиеры оказывали в течение первых ста лет существования ордена, когда их черно-белое знамя, «босеан», развевалось на всех полях сражений во время крестовых походов.

Наше эссе не пытается ни реабилитировать, ни обличить тамплиеров. Мы не стали ограничиваться перечислением и оценкой фактов и процитировали и сопоставили множество свидетельств, а затем попытались отстоять наиболее убедительные доводы.

* * *

Первый крестовый поход оставил Палестину изнемогающей и буквально корчащейся в судорогах. Латинское королевство, основанное Готфридом Бульонским^{2}, было весьма недолговечным. Ранее^{3} мы уже рассказали, насколько непрочным было франкское завоевание, «в то время как со всех сторон подстерегал враг, готовый воспользоваться малейшей слабостью, чтобы вновь занять эти по-прежнему являвшиеся предметом спора земли, перекресток трех континентов, духовный центр трех религий». Наибольшая часть Палестины оставалась в руках мусульман. Поэтому латинянам следовало думать не только об «оккупации», но и о завоевании.

Вместо того чтобы заниматься по своему усмотрению политическим и социальным обустройством молодого государства, Готфрид Бульонский был вынужден вести войну с бандами местных повстанцев и усмирять непокорные города. Сражение при Аскалоне 12 августа 1099 г.^{4} на некоторое время предотвратило опасность, грозящую со стороны Фатимидов^{5}, но требовалось сделать еще больше: поддержать сухопутное сообщение с побережьем, захватить очаги сопротивления и отбить арабские контратаки.

В начале XII в. в Святую Землю много раз прибывало подкрепление, но процесс восстановления мира был трудным и долгим. Власть Готфрида Бульонского была шаткой, и его наследник,

его брат Балдуин также был вынужден вести упорную борьбу, чтобы поддержать латинское и христианское господство на этих землях Ислама. Внезапные нападения и грабежи еще долго будут продолжаться в долине Иордана. Чтобы противостоять угрозе, которую неверные будут продолжать представлять для Святой Земли, потребуется поддерживать постоянное продолжение крестового похода. Короли Иерусалима напрасно будут обращаться с настойчивыми призывами о помощи к Западу, все равно число палестинских воинов будет недостаточным.

Именно этот недостаток людей и необходимость укрепить защиту христианства в Леванте станут причиной зарождения военных орденов: тевтонские рыцари, госпитальеры и тамплиеры будут играть роль королевской «жандармерии», бдительной конной стражи на больших перекрестках дорог паломников. Этим монахам-воинам, всегда готовым вступить в бой, чтобы поддержать орден, прекрасно подошло бы название «летучие отряды».

Поэтому следует напрямую связывать основание военных орденов с идеей крестовых походов. Казалось, все благоприятствовало благочестивым замыслам этих организаций. Их знание географии местности и стратегии противника окажет неоценимые услуги делу крестовых походов. Военные ордена будут сохранять героическую традицию первого крестового похода вплоть до полного поражения, которое будет означать провал двухсотлетней Священной Войны.

Когда в 1291 г. Акра, последняя латинская цитадель в Азии, падет под натиском мусульман, военные ордена будут единственными, кто сражался до самого конца ради торжества креста над полумесяцем. Измученные двухсотлетней борьбой, крестоносцы спешили вернуться на Запад, но военные ордена с сожалением покидали землю, которая действительно стала их духовной вотчиной.

Этим монахам, давшим обет защищать Святые Места и паломников, Земля Обетованная была дороже, чем та, откуда они родом. Вынужденный отъезд из Святой Земли стал для них началом скитальческой жизни, которая для тамплиеров трагически закончится на кострах, зажженных из зависти Филиппом Красивым.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава I

ИСТОКИ

Когда встает вопрос о военных и религиозных орденах Средневековья, часто бывает так, что между тамплиерами, госпитальерами, тевтонскими рыцарями, рыцарями Гроба Господня, Родоса и Мальты не проводят никакого существенного различия. А появление в истории некоторых военных орденов, чье существование было очень недолгим (мы имеем в виду, главным образом, рыцарей-меченосцев)^{6}, лишь увеличивает путаницу, с которой сталкивается читатель, стремящийся разобраться в этом вопросе.

Возникновение организации госпитальеров на Святой Земле произошло задолго до крестовых походов. В период с IV по XI век, время, во многих отношениях не изученное, совершалось множество паломничеств в Левант, и Св. Престол, поддерживавший связи с греческими патриархами Иерусалима, стремился устранить препятствия, возникавшие перед пилигримами. Следовало охранять их, помогать им и лечить, если они заболеют.

Мы не будем рассказывать о перипетиях запутанной и полной событий истории госпитальеров. Как и тамплиеры, они будут оказывать вооруженную поддержку крестоносцам всякий раз, как им будет предоставляться такая возможность, и внесут свой вклад в защиту франкского королевства Иерусалима.

После падения в 1291 г. Акра госпитальеры вместе с тамплиерами отступят на остров Кипр. В 1309 г. они завладеют Родосом, где будут оставаться на протяжении двух веков: поэтому их назовут «рыцарями Родоса». В 1522 г. на них нападут турки Сулеймана Великолепного. Шесть тысяч рыцарей под командованием великого магистра Филиппа Виллье де л'Иль Адана в течение некоторого времени будут оказывать сопротивление войску из 20 000 турок. Изгнанные с острова, они будут переходить из Кандии в Мессину и из Витербо в Ниццу. В конце концов, в 1530 г. Карл V отдаст им остров Мальту. Там они покроют себя славой, сражаясь с наследником Сулеймана Селимом.

Орден рыцарей Мальты был упразднен в 1789 г. Бонапарт занял остров во время похода в Египет. Он пообещал выплачивать ордену

пенсион, но обещания не сдержал.

Мальтийский орден сохранился до наших дней и продолжает выполнять медицинские функции, поскольку имеет в своем распоряжении медицинские центры и больницы, пользующиеся теми же привилегиями, что и больницы Красного Креста. В войну 1914–1918 гг. различные ассоциации Мальтийского ордена излечили за собственный счет около 500 000 раненых. И сегодня орден ведет обширную врачебную деятельность и интересуется множеством благотворительных мероприятий, которым оказывает значительную материальную помощь.

В Бельгии «Ассоциация рыцарей Мальтийского ордена» насчитывает около шестидесяти членов дворянского происхождения^{7}. Она шефствует над больницей и имеет собственную бригаду медицинских сестер, которой руководят врачи, примкнувшие к ордену.

* * *

Орден тевтонских рыцарей был основан только 5 марта 1198 г. в резиденции тамплиеров в Тире. Так немецкие крестоносцы хотели пресечь или хотя бы умерить слишком сильное влияние орденов тамплиеров и госпитальеров.

Позднее великий магистр Тевтонского ордена обосновался в Венеции, а затем в Марбурге. Те, кого называли тогда «тевтонскими рыцарями» приобрели много земель в Пруссии и с помощью рыцарей-меченосцев^{8} принялись завоевывать прибалтийские страны (Курляндию и Ливонию). Орден достиг расцвета в начале XV в., но вскоре начал приходить в упадок под влиянием роскоши и внутренних раздоров. Орден тевтонских рыцарей, разбитых поляками, сохранился до начала XIX в.: Наполеон упразднил его 24 апреля 1809 г., но он был восстановлен тридцать лет спустя и продолжает существовать до наших дней в таком же качестве, что и Мальтийский орден, то есть как почетная каста высшей знати^{9}.

* * *

Обратимся теперь к происхождению ордена Храма.

В отличие от госпитальеров и тевтонских рыцарей тамплиеры, за историей которых мы решили проследить, просуществовали недолго. Появившись в начале XII в., орден Храма был расформирован в начале XIV после трагических гонений, превратности которых нам предстоит изучить.

Около 1120 г. девять французских сеньоров под предводительством шампанского дворянина Гуго де Пейна или Пейена (Hugo de Paganis) решают посвятить себя защите паломников Святой Земли. Этими рыцарями были: Готфрид де Сент-Омер, Андре де Монбар, Гундомар, Годфрон, Рораль, Жоффруа Битоль, Нивар де Мондезир и Аршамбо де Сен-Эньян.

По примеру других религиозных орденов они принесли три монашеских обета в присутствии патриарха Иерусалимского. Вдобавок они взяли на себя обязанность охранять дороги Святой Земли. Они также обещали присутствовать на церковной службе в часовне, принадлежащей каноникам-августинцам. Тамплиеры не были клириками, хотя они и вели подобный им образ жизни. Они были «братьями», как мы до сих пор называем монахов, которые не были посвящены в духовный сан.

На первый взгляд, ничто не отличало тамплиеров от госпитальеров, и становится непонятно, зачем создавать новый военный орден, если Гуго де Пейен и его соратники могли просто присоединиться к госпитальерам, даже если последние и были итальянского происхождения. Следует ли предположить, что Гуго де Пейен желал создать *французский* орден в противовес итальянской организации госпитальеров? Мы так не считаем: принцип национального определения не был для *латинян* Святой Земли настолько важным, чтобы вызывать явно выраженное противостояние. Внутренние разногласия будут возникать, скорее, на почве торговых интересов между купцами одной национальности, как, например, между пизанцами, венецианцами и генуэзцами^{10}.

Возникновение французской организации, появившейся благодаря инициативе Гуго де Пейена, объясняется, скорее, тем фактом, что орден госпитальеров в 1118 г. еще не выполнял военные обязанности; тамплиеры искренне считали, что совершают нечто новое, посвящая свою жизнь исключительно защите паломников.

Однако, по-видимому, рыцари Храма и госпитальеры будут руководствоваться одним монашеским уставом и действия их будут направлены на одну цель: обеспечить безопасность паломников Святой Земли. Преобразование их в единый орден, возможно, помогло бы избежать бесчисленных распрей, вставших на путях, которыми в течение двухсот лет параллельно шли госпитальеры и тамплиеры. Слияние произойдет много позднее, поскольку избежать ни деморализующих расколов, ни постыдного соперничества не удалось.

Примечательно то, что и власть, и общественное мнение в основном будут отдавать предпочтение тамплиерам, несмотря на нарекания, накопившиеся задолго до знаменитого процесса, который приведет к уничтожению гонимого ордена.

Какой же была обстановка на христианском Леванте в момент создания ордена тамплиеров?

Святая Земля включала в себя графство Эдесское, княжество Антиохийское, графство Триполи и королевство Иерусалимское. В королевстве тогда правил Балдуин II, известный во время первого крестового похода под именем Балдуина дю Бурга и избранный королем Иерусалима на Пасху 1118 г.^[11].

Балдуин стал покровителем тамплиеров и отдал им часть королевского дворца, возведенного на месте древнего храма Соломона. Отсюда происходят имя, данное братству, — «Воинство Храма», и название «temples» (храмы), обозначавшее различные дома ордена.

Тамплиеры были очень бедны, и ничто пока не предвещало их богатства в будущем. Они были настолько нищи, что на двух человек у них была всего одна лошадь; в память об этом их печать долго представляла собой изображение коня, на котором сидят два всадника. Король, патриарх и другие сановники королевства предоставили им некий доход, дабы тамплиеры могли купить самое необходимое. Поэтому их называли «бедными рыцарями Храма».

Как представляется, тамплиеры, прежде всего, поставили перед собой конкретную задачу: наблюдать за прохождением паломников и охранять их по дороге, идущей от Иерусалима до ворот Яффы. Эта дорога была наводнена разбойниками-бедуинами. Было необходимо сопровождать путешественников, проходивших через ущелья и поставить стражу возле водоемов, которые могли быть отравлены или загрязнены неприятелем. К тому же на тамплиеров Иерусалима

возлагалась задача защищать паломников, направлявшихся к Иордану, чтобы совершить ритуальное омовение и вознести молитвы на берегах священной реки. Командор должен был брать с собой палатки и мясо для паломников. Все это перевозилось на выючных лошадях и оплачивалось с помощью подаяний.

В течение девяти лет девять рыцарей соблюдали устав св. Августина. По-видимому, они вели скромную жизнь, не принимая новых членов в братство и не нося никакой особой одежды до того дня, когда король Иерусалима, Балдуин II не решил воззвать о помощи к Западной Европе. Тогда он приказал великому магистру тамплиеров Гуго де Пейену отправиться к Папе Гонорию, дабы просить его начать новый крестовый поход. Также король Иерусалима передал Гуго письмо к св. Бернару Клервосскому. Балдуин просил аббата Клерво ходатайствовать за тамплиеров перед Святым Престолом и дать последним такие статуты, какие сохранили бы их на службе у христианских владык. Великий магистр воспользовался этим поручением, чтобы представить Папе своих соратников и попросить его утвердить новый орден.

Затем Гуго де Пейен и его братья совершили то, что можно было бы назвать «агитационной поездкой» по Европе. В Англии и Франции они призывали западноевропейских государей собирать подкрепление для отправки на Святую Землю. Потом, последовав совету Римского Папы, тамплиеры явились на церковный Собор, который проходил тогда в Труа, в Шампани.

Глава II

УСТАВ ТАМПЛИЕРОВ

Собор в Труа открылся 13 января 1128 г. Помимо Папского легата там присутствовали архиепископы Реймский и Санский, аббаты Сито, Клерво (св. Бернар) и Понтины.

Орден Храма остро нуждался в одобрении церкви, чтобы пополнить свои ряды множеством братьев во Франции. Поначалу к ордену, сочетавшему военное ремесло и монашеский аскетизм, относились с недоверием. Даже для этого времени крестовых походов было удивительно, что монахи собирались проливать кровь, чтобы исполнить свое предназначение. Не отрицая исконного отвращения к сражениям, Церковь снова приспосабливалась к обстоятельствам времени и места.

Выслушав речь великого магистра, просившего узаконить существование ордена, отцы Собора не замедлили дать свое согласие и поручили св. Бернару, секретарю собрания, сочинить устав для нового ордена.

В это время Бернар, несмотря на свою любовь к отшельничеству, принимал весьма активное участие в решении крупных политических и церковных проблем, возникавших не только во Франции, но и во всем мире. Неудивительно, что святые отцы доверили ему деликатное дело подвести под новый орден солидное основание. Св. Бернар знал тамплиеров со времен создания их ордена, доказательством тому является письмо, которое он впоследствии отправил графу Гуго Шампанскому, когда последний покинул свои земли, чтобы присоединиться к ордену тамплиеров. В этом послании аббат Клервоский сожалел, что новый тамплиер не предпочел орден Сито, однако далее будет видно, как высоко святой аббат ценил воинство Храма.

Долго обсуждался вопрос о том, каков был вклад Бернара в составление устава. Если верить *«Литературной истории Франции»*, св. Бернар не может быть автором устава храмовников, поскольку и стиль, и сам дух устава во многом отличаются от тех, что были присущи сочинениям святого аббата. Но можно заметить сходство

между уставами тамплиеров и цистерцианцев, а в тексте клятвы великие магистры называют цистерцианцев словом «братья»^[12]. В данном случае это предполагало близкое духовное родство. Устав создан человеком действия, который ставит акцент, прежде всего, на воинской активности тамплиеров: *corona non datur sine certamine* (Нельзя достичь тонзуры без борьбы). А многочисленные библейские тексты, которыми изобилует устав, доказывают, что св. Бернар, досконально знавший Писание, приложил к нему свою руку.

* * *

Впоследствии, чтобы помочь Гуго Шампанскому найти сторонников в время его проживания во Франции (1128–1130 гг.), св. Бернар написал некое подобие апологии тамплиерам: *De laude novae militiae ad milites Templi* (Похвала новому воинству Храма). Эта похвальное слово является всего лишь сравнением Божьего воинства и рыцарства той эпохи. Святой аббат находит удовольствие в том, чтобы превозносить первое и чернить второе. В своем чрезмерном усердии похвалить новое воинство он доходит до того, что приветствует вступление в ряды тамплиеров злодеев, безбожников, похитителей людей, святотатцев, убийц, клятвопреступников, прелюбодеев. (Итак, пред нами предстает нечто вроде «иностранный легиона». На самом деле мы увидим, что тамплиеры будут вести себя в Палестине как простые солдаты, и если им и случалось проявлять слабости с точки зрения морали, то их, без сомнения, следует относить к той легкости, с которой в орден принимались отлученные от церкви, «горячие головы», воры-карманники и авантюристы всех мастей.)

Возникал вопрос, не взял ли св. Бернар, сочиняя свое увещание, за образец Коран: и там и там звучит один и тот же призыв к священной войне и к изгнанию врага. Сторонники этой идеи опираются на тот факт, что Петр Достопочтенный, аббат Клуни, отправил в 1143 г. св. Бернару латинский перевод Корана вместе с историей Магомета и его учения. Но сегодня известно, что перевод Корана, сделанный по просьбе Петра Достопочтенного, датируется серединой 1143 г. Поэтому он не мог быть известен св. Бернару в 1128 г.

Орден состоял из рыцарей благородного происхождения, сержантов — выходцев из сословия горожан и капелланов. Помимо трех монашеских обетов тамплиеры должны были соблюдать многочисленные обязанности как церковного, так и военного характера. Они не имели права сдаваться в сражении, даже если один бился против трех. Они никогда не должны были просить пощады или платить выкуп: *ни одного куска стены, ни одного клокка земли*. Они должны были соблюдать дисциплину в бою; им следовало воздерживаться от дерзких поступков. Им не позволялось ни при каких условиях начинать атаку или же действовать, прежде чем их военачальники отдадут им приказ. Они были обязаны проявлять сдержанность и осмотрительность. Однако им следовало покидать поле боя последними.

Рыцари носили белые плащи^[13], а сержанты — коричневые или черные. Капелланы имели черное платье; когда они получали епископский сан, то тоже могли носить белый плащ. Позднее, в 1146 г., Папа Евгений III, покровитель тамплиеров, приказал им нашить на левую сторону плаща красный крест.

Среди одежды тамплиера помимо прочего должны были быть две рубашки, две пары штанов, или две пары исподнего белья, туника, наряд, подбитый мехом, меховая накидка для зимы, мантия и котта с кожаным поясом, одна шапка из хлопка и одна из войлока.

Во время военных действий тамплиер облачался в кольчужный доспех. Для сражения на голову одевался шлем, а на марше — железный шишак. В его снаряжение входили, в частности, оплечье, железные башмаки, кольчуга. Он владел мечом, копьем, кинжалом и турецкой палицей с торчащими шипами.

Это вооружение должно было быть хорошо сработано, но без позолоты или других украшений. Такова была реакция на обычную тогда пышность одеяний рыцарей того времени, украшавших себя и своих коней золотом, серебром и шелками: «Эмаль, чернь и золото украшали ленчики седел, чепраки, покрывала или попоны были из пайля, то есть самого дорогого шелка; стремяна из чистого золота, поводья с золотой отделкой, золотые удила, украшенные

драгоценными камнями, — таков образ, который вместе рисуют нам героические поэмы и аббат Клерво» (*Вакандар*).

Тамплиеры должны были носить небольшую бороду и коротко стричь волосы, в то время как у рыцарей той эпохи волосы были длинные.

Большинство рыцарей тамплиеров не состояли в браке. Иногда в орден принимались женатые мужчины, но тогда они должны были отдать часть своего состояния в казну ордена.

У каждого рыцаря должны были быть три лошади и один слуга или оруженосец. У него были две палатки: одна для него самого, другая — для его снаряжения. Куда же ушло прежнее время, когда совсем еще недавно первые братья имели лишь одного коня на двоих?

Тамплиеры проявляли особую заботу по отношению к лошадям: убийство лошади имело столь же большое значение, что и убийство раба. Для сражений выбирались лошади самой ценной в то время породы — туркменские.

Рыцарям запрещалось охотиться, разрешена была только охота на львов. Они не могли путешествовать как сокольничие с птицей на руке.

Знамя у них было черно-белым: его называли Босеан, якобы от «*vaucsent*» — то есть один тамплиер стоит сотни солдат... По мнению некоторых авторов, «Босеан» означало «белый и черный»: белый символизировал душевную чистоту и верность христианам, черный — гордость и ненависть к неверным. На знамени был один из самых смиренных девизов: *Non nobis, Domine, non nobis, sed nomini tuo da gloriam*. (*Не нам, Господи, не нам, но имени Твоему дай славу*).

На их печати были изображены двое рыцарей на одном боевом коне: намек на первоначальную бедность ордена, которому не хватало лошадей или же, по мнению Мас-Латри, знак единения и самопожертвования. Этими двумя рыцарями, изображенными таким образом, были якобы Гуго де Пейен и Годфрид де Сент-Омер.

Герб тамплиеров был из серебра с главой черного цвета. Позднее к нему будет добавлен крест с расширяющимися концами, идущий от одного края к другому.

Их боевой клич был таков: «За мной, добрый сир! Босеан идет на помощь!»

Религиозные обязанности тамплиеров были сокращены до минимума. Поскольку эти воины в своем большинстве не знали латинского языка, их молитва заключалась в произнесении определенного количества раз «*Отче наш*»^{14}. Они должны были также присутствовать на богослужениях, которые велись капелланами.

Тамплиеры были обязаны питаться подобающим образом и избегать продолжительных постов, чтобы находиться в форме: трижды в неделю им было запрещено есть мясо, но в эти дни воздержания им подавали три других блюда.

Трапеза проходила совместно, во время ее читалось Священное Писание. Братья ели по двое из одной миски, чтобы один мог помешать другому украдкой воздерживаться от еды или соблюдать чересчур строгий пост. Для сержантов, конюших и опоздавших накрывали второй стол. Послеобеденные молитвы читались в часовне. Ночью при желании можно было легко перекусить.

Однако братьям приходилось соблюдать пост гораздо чаще, чем того требовал общий порядок Церкви.

По уставу им следовало причащаться минимум три раза в год и присутствовать на мессе три раза в неделю. Милостыню также следовало подавать трижды в неделю всей общиной.

Наконец братья, нарушавшие устав, должны были подвергнуться трем ударам бича в присутствии всей общины, собравшейся на капитул. Бичевали с помощью кнута или кожаного ремня, называемого *эскорже*^{15}.

(Отметим настойчивость, с которой число три повторяется в правилах св. Бернара. Это число, выбранное, очевидно, в честь св. Троицы, будет играть таинственную роль у тамплиеров, так же как и его квадрат — число девять.)

В том, что касалось денег, были приняты жесткие меры. Братья не имели никакой собственности; они должны были вести строгий учет денег, которые были им доверены. Если в одежде почившего брата находили деньги, над его телом не читалось отходных молитв, и его хоронили на неосвященной земле, как какого-нибудь раба.

Устав ордена стал почвой для множества ученых споров. В итоге можно утверждать, что этот устав был создан в основных чертах на Соборе в Труа, получил устное одобрение Папы и в дальнейшем был дополнен великими магистрами, которым помогал их капитул. Изначально написанный на латинском языке, позднее он был переведен на французский. Устав состоял из семидесяти двух статей.

Первоначальный устав должен был быть преобразован в соответствии с обстоятельствами времени и места. Французская версия смягчает строгость латинского текста до такой степени, что порой искажает его. Помимо этого, добавления значительно изменили форму устава, и, как и в большинстве религиозных орденов, там появились некоторые допущения, которые можно отнести на счет человеческой слабости.

То же самое произошло и с предписаниями, касающимися срока послушничества. В последние годы ордена в него принимали любого давшего обет безо всяких приготовлений и без разбора. Между тем в первоначальном уставе при принятии нового брата предполагался испытательный срок. Готовящийся к вступлению в религиозный орден должен был выполнять тяжелую работу: ему нужно было топить печь, крутить мельничный жернов, работать на кухне, ухаживать за свиньями. В определенный срок ночью собирался капитул и его глава задавал ряд вопросов новому члену общины; он зачитывал ему основные предписания устава, затем советовался с присутствующими «членами комиссии», спрашивал, нет ли у них возражений против принятия готовящегося к вступлению в орден. Вся церемония, определенная уставом, носила дух набожности и сдержанности, которые, как кажется, мало-помалу ослабли, дойдя до полной вседозволенности.

В уставе, как утверждали некоторые, не было секретных пунктов, но полный текст устава могли иметь только великие командоры ордена (командоры провинций). Если бы тайный устав существовал, то его следы были бы обнаружены во время внезапных и тщательных обысков, прошедших 13 октября 1307 г. во Франции во всех орденских домах, в день, когда произошли массовые аресты всех тамплиеров.

Между тем были найдены лишь копии устава, приписываемого св. Бернару, переводы священных трудов и бухгалтерские книги.

* * *

Ошибочно утверждать, как это делали некоторые, что в клятве тамплиеров содержалось признание права великих магистров осуждать членов ордена на смертную казнь. Помимо трех монашеских обетов эта клятва включала в себя обязательство сражаться против неверных: «Я клянусь посвятить свои слова, свое оружие, свою силу и свою жизнь защите таинств веры и защите Господа Вседержителя (...). Я обещаю также подчиняться и во всем слушаться великого магистра ордена. Всякий раз, когда в том будет нужда, я буду отправляться за море, чтобы сражаться, я буду оказывать помощь в борьбе с королями и князьями неверных, и перед лицом трех врагов я не обращусь в бегство, но, пусть и один, я буду сражаться с ними, если это неверные».

Орден упрекали в том, что он включил в устав дополнительные предписания. Но в большинстве случаев подлинные монастырские обычаи были перепутаны с неправильными их толкованиями, сделанными, мягко сказать, недалекими братьями. Например, именно так признание вины (такое же, какое практикуется большинством религиозных орденов) в ограниченных умах смешалось с таинством покаяния. Однако это признание в нарушении дисциплины не имеет ничего общего со священной исповедью: отступления от монастырского порядка не могут быть приравнены к грехам.

Орден Храма управлялся великим магистром, которому помогал сенешаль. В военное время командование рыцарями и сержантами находилось в руках маршала. Затем шли прецепторы, за ними приоры, досмотрщики и, наконец, командоры. Избрание великого магистра проходило путем своеобразной кооптации.

Мы не будем вдаваться в детали иерархической лестницы тамплиеров. Отметим только, что *хранитель одежд (drapier)* заведовал платьем братьев, у *знаменосца (gonfalonier)* были в подчинении все оруженосцы, а *туркополье (turcoplier)* руководил легковооруженными вспомогательными войсками (туркополами). *Смотрители домов*

(*casaliers*) следили за сельскими владениями или поместьями, которые имелись у братьев на Святой Земле.

Что касается капелланов, они должны были читать требник перед всеми братьями. Они носили перчатки в знак почтения перед освящением святых даров. Среди капелланов были священники и клирики, нанятые на определенный срок, но они не имели никакой духовной власти над братьями.

Существовали генеральные капитулы, то есть верховные советы, возглавляемые великим магистром. Присутствовать на них могли только сановники ордена. Сначала эти генеральные капитулы проводились в Иерусалиме, затем в других городах Палестины, а под конец и на Кипре.

Что же до еженедельно проводимых капитулов, в каждом доме Храма существовало нечто вроде дисциплинарного совета. После краткой вступительной речи командора или капеллана виновные, нарушившие устав, публично признавались в совершении проступка. Иногда на капитуле виновных обвиняли их же братья. Затем обсуждалась форма наказания. После нового поучения председателя совета виновные подвергались бичеванию. И, наконец, капеллан даровал им окончательное прощение.

Было предусмотрено наказания: начиная от бичевания вплоть до изгнания из ордена (последнее за симонию, содомию, убийство, предательство или расхищение ценностей). Убийство христианина могло повлечь за собой пожизненное заключение в одной из крепостей ордена Храма. При самых тяжких преступлениях следовала *отсрочка*, то есть виновный должен был предстать перед верховным судом или великим магистром. Более легкое наказание включало в себя пост, труд и бичевание.

За нанесенные удары и раны и за нарушение закона об охоте следовала потеря одеяния. То же наказание назначалось, когда рыцарь на поле битвы нападал на неприятеля, не получив на то приказа. Речь шла о бесчестящем наказании, поскольку плащ считался самым почетным атрибутом тамплиера. Кающийся облачался только в одно платье без креста. Он должен был находиться в госпитале под присмотром духовника. Он постился три дня в неделю, ел на земле и трудился вместе с рабами. Его оружие и лошадей передавали в арсенал.

Все это, и в особенности крайние меры, должно было быть чрезвычайно тягостно для гордых рыцарей, большинство из которых были сеньорами.

Действительно, у будущих рыцарей спрашивали, являлись ли они «сыновьями рыцаря и дамы», а у будущих сержантов — были ли они свободными людьми.

Как и все сеньоры той эпохи, тамплиеры содержали большое количество сервов и свободных людей, чей труд использовали для распахивания целины, осушения и обработки земель, переданных им капитулами и монастырями, крупными землевладельцами того времени.

* * *

Как же было организовано ведение хозяйства в различных провинциях ордена?

Даже в начале существования ордена множество французских тамплиеров не покинули Францию, где те из них, кто не проявил особых способностей в военном деле, были определены для работ на земле. Рыцари освобождались от этой обязанности, она относилась только к *братьям-ремесленникам* (называемыми так в отличие от *братьев-капелланов*), то есть к сержантам, занимающимся внутренним хозяйством Дома и обработкой владений. В число этих слуг, работающих в домах и земледельческих хозяйствах командорств и гранжей^{16}, входили наемные работники, не имевшие отношения к ордену.

Ведение земледельческого хозяйства поначалу было для тамплиеров насущной необходимостью. Доходы с обработки земли должны были пополнять казну ордена, ведущего Священную войну. В Шампани, например, тамплиеры прибегнут даже к добыче железной руды.

У тамплиеров в подчинении было много людей: рабы, свободные земледельцы, вассалы и все те, кто «предавал себя» под покровительство ордена. Эти миряне, называемые «донатами» или «облатами» должны были принести оммаж^{17} командору и платить ордену ежегодный оброк в несколько денье в знак подчинения. Это

«покровительство» стало почвой для злоупотреблений, ибо множество должников или злоумышленников таким образом избегали преследования со стороны бальи^{18} их сеньоров.

Итак, можно сказать, что тамплиеры во Франции использовали феодальную систему. Их организация легко внедрилась в политический и социальный механизм общества, существовавший в XII в. То же самое произошло во всех их провинциях.

Как мы видим, это был рыцарский орден, сохраняющий вкусы, нравы и привилегии феодализма.

В своих владениях тамплиеры пользовались полной свободой: они могли быть похоронены в собственной церкви или монастыре.

В Западной Европе командорства тамплиеров располагались всегда поблизости от дорог, которые они в некотором роде охраняли, так же как и в Святой Земле. Иногда у них были сельские дома или городские резиденции.

Круглые купола их часовен напоминали крыши мечетей, а в жизнь ордена Храма вошло множество восточных обычаев. Орден внесет большой вклад в «знакомство с Востоком», которое в наших краях восходит к временам крестоносных походов.

Глава III

ТАМПЛИЕРЫ И СВЯЩЕННАЯ ВОЙНА

За время своего «агитационного турне» по Европе тамплиеры нашли множество последователей. Новые члены ордена, большинство из которых происходили из семей высшей знати, передали ему свое имущество, благодаря чему последний значительно приумножил свои богатства.

К тому же те, кто не имел возможности принять непосредственное участие в Священной войне, брали на себя обязательство помогать тамплиерам с помощью пожертвований и даров. В большинстве завещаний того времени можно найти пункты в пользу тамплиеров или госпитальеров; множество князей даже выразили желание быть погребенными в одежде того или другого ордена. Некоторые из них в своей набожности, которая в то время ставилась превыше всего, доходили до того, что отрекались от своего положения и звания и примыкали к воинству тамплиеров. Именно так поступил Раймунд Беренгарий, граф Барселоны и Прованса, который в старости стал храмовником и умер в резиденции тамплиеров в Барселоне.

Наконец, правители просто вверяли свои королевства тамплиерам или госпитальерам.

Вскоре храмовники стали крупными землевладельцами в Испании, где в 1144 г. им пришлось сражаться с маврами, чтобы защитить свои территории. В этой стране, над которой постоянно нависала угроза из-за близости исламского мира, некоторое время спустя ордена тамплиеров и госпитальеров объединили свои усилия с усилиями местных орденов Калатравы, Алькантары и св. Иакова Компостельского (Сантьяго), чтобы поддержать завоевание земель христианами.

Во Франции в 1222 г. Филипп Август завещал ордену Храма 2000 марок и пообещал еще 50000 при условии, что в течение трех лет тамплиеры будут содержать в Палестине триста рыцарей.

С самого начала своего существования во Франции орден был освобожден от уплаты десятины или других налогов. Он был свободен

от всех феодальных повинностей. Он имел права на рыбную ловлю, охоту, на пользование пастбищами, на рубку леса, торговлю и пр.

Мы еще расскажем о богатстве ордена Храма и о беспорядках, возникших из-за этого изобилия. Однако следует отметить, что поначалу рыцарям был необходим некий капитал, чтобы оплатить боевое снаряжение. Именно этим и объясняется существование пожертвований и завещаний, о которых мы говорили выше. Уже в это время деньги были главным двигателем войны, пусть даже священной... Однако вскоре одних только доходов от имущества, находящегося на Востоке, будет хватать на покрытие военных расходов.

Успех тамплиеров объясняется просто: в XII в., когда возникло так много религиозных орденов, вера была сильной, и тем, кто сражался против неверных, сулили многочисленные духовные блага. Помимо этого, военные цели ордена давали возможность сеньорам проявить воинственный дух.

Таким образом, орден Храма быстро разросся, и с самого начала потребовалось разделить его на провинции: Германию, Англию, Аквитанию, Арагон, Овернь, Чехию, Бранденбург, Кастилию, Кипр, Францию, Венгрию, Италию, Майорку, Португалию, Апулию, Сицилию, Славению. С 1131 г. у тамплиеров была резиденция в Ипре, возможно, ее основал Готфрид де Сент-Омер. За три года до этого, на следующий день после Собора в Труа, граф Фландрский сделал крупные пожертвования тамплиерам.

У каждой провинции был великий приор, которому подчинялись прецепторы.

Вскоре, следуя примеру богатых городов, таких как Венеция, Генуя, Пиза или Марсель, орден построил свой флот для перевозки паломников и торговцев, которые боялись пиратов, кишевших у берегов Средиземного моря. Корабли уходили из Марселя два раза в год, в апреле и августе. На судах разрешалось перевозить не более полутора тысяч пассажиров; но для товаров ограничений по весу не было, безусловно, оттого, что жители Марселя располагали пожалованными им многочисленными торговыми кварталами в разных городах Леванта. Это был новый источник доходов для ордена. При каждой отправке судов марсельские власти производили осмотр на борту, чтобы проверить, достаточно ли там места для паломников и

хорошо ли они устроены. Тамплиеры должны были встретить неимущих паломников после путешествия и позаботиться об их нуждах.

Именно к тамплиерам в 1248 г. обратился Людовик Святой, чтобы зафрахтовать суда, с помощью которых он смог бы добраться до Палестины.

* * *

По мере того как возрастало его влияние, орден Храма не желал более признавать иной власти, кроме власти Папы. Осудить тамплиеров мог только римский суд. Мало-помалу орден начнет считать себя если не государством в государстве, то, по меньшей мере, церковью в церкви. То же самое произойдет и с орденом госпитальеров. Как мы увидим далее, эти два ордена, созданные для защиты королевства Иерусалимского, своими междоусобицами и неповиновением будут способствовать его ослаблению.

Высшую власть в ордене Храма воплощал великий магистр, который считался независимым правителем. На ассамблеях великие магистры занимали положение сразу после епископов. В их личном распоряжении находились нечто вроде «военного дома» и крепости. В соответствии с дипломатическим протоколом послы ордена Храма везде имели особые привилегии.

Орден имел право завоевания на Востоке. Он мог свободно распоряжаться городами, землями и замками, которые захватывал у неверных. Это также было богатым источником доходов.

Престиж тамплиеров на Востоке был столь велик, что арабы неоднократно обращались к ним за поручительством при договорах, которые они подписывали с латинянами.

Орден Храма был не столько государством в государстве, сколько неким сверхгосударством, принадлежать к которому желали самые значимые люди; почетное место в ордене было предоставлено Иннокентию III. Но королю Франции Филиппу Красивому в 1304 г. в звании члена ордена было отказано: это стало первым поводом для враждебности со стороны того, кто в дальнейшем поклянется уничтожить орден Храма.

Орден не только не подчинялся светским властям, но мало-помалу сумел выйти из-под контроля власти церковной. 11 июня 1163 г. булла. *Omne datum optimum*, даровала ордену привилегированное положение в церкви. С этого момента тамплиеры имели своих собственных капелланов, что ставило их вне юрисдикции патриархов Иерусалима. В 1216 г. они выйдут из-под власти епископов. К счастью, таким образом они обезопасили себя от отлучений от церкви со стороны епископов, ибо последние, как, впрочем, и все белое духовенство, относились к ним враждебно.

В течение долгого времени казна тамплиеров пополнялась благодаря лепте, вносимой братствами и пожертвованиям братьев миноритов и проповедников. Первое, на что шли эти пожертвования — это снаряжение рыцарей, защищавших Святую Землю.

В течение многих лет история тамплиеров будет тесно переплетаться с развитием Латино-Иерусалимского королевства. Если бы нам нужно было шаг за шагом проследить все дела и поступки ордена, нам пришлось бы пересказать всю историю крестовых походов, а такую цель мы перед собой не ставим. Помимо прочего в 1171 г. тамплиеры участвовали в обороне Газы, в 1187 г. — в битве при Тивериаде, в 1219 г. — в завоевании Дамьетты и в 1250 г. — в походе на Египет.

* * *

Тамплиеры были более фанатичны, чем простые крестоносцы. В них в полной мере воплощались дух приключения и рвение, направленное против ислама. Тогда как короли Иерусалима порой склонялись к заключению сделок с неверными, тамплиеры никогда не шли на уступки, по меньшей мере, в первое время.

Мы убедимся в этом, если обратим внимание на правление короля Амори, который заключил перемирие с ассасинами, то есть с сектой исмаилитов, живших в Ливане и сделавших убийство основой государственной политики. Повелитель ассасинов, которого крестоносцы называли Старцем Горы, деспотически правил всей сектой благодаря хранимому в секрете употреблению гашиша.

Он держал всех в грозном повиновении. Его агенты были уверены, что если, выполняя приказания своего хозяина, погибнут, то сразу же обретут райское блаженство. Старец Горы использовал фанатичную преданность подданных каждый раз, когда хотел избавиться от какого-нибудь врага.^{19}.

Все, что касается ассасинов, окутано легендами. Однажды Хасан, один из самых знаменитых предводителей секты, принял посланника от султана Дамаска, угрожавшего разрушить замки и города ассасинов, если они не заплатят ему дань. Прежде чем ответить, Хасан приказал одному из своих людей броситься вниз с высокой башни, другому он приказал пронзить сердце кинжалом. Оба они исполнили приказание (об этом стоит сказать) без малейших колебаний. Посланнику, онемевшему от ужаса, Хасан сказал просто: «Иди и скажи своему хозяину, что у меня есть 60 000 человек таких же покорных и готовых действовать, как и эти двое». Султан Дамаска не стал настаивать.

Множество авторов, даже среди современников, посчитали тамплиеров подражателями «гашишинов». Повиновение великому магистру напоминало абсолютную покорность ассасинов их повелителю.

Короли Иерусалима, с удивлением убедившиеся, что учение ассасинов во многом противоречило мусульманской религии, лелеяли надежду если не обратить исмаилитов в свою веру, то хотя бы сделать их союзниками. Поэтому они вели себя с ними осторожно. Со своей стороны, ассасины считали франков своими возможными союзниками в борьбе с мусульманскими врагами (суннитами).^{20}.

Только тамплиеры не боялись нападать на замки ассасинов, и последние были вынуждены капитулировать. Было заключено перемирие, и исмаилитам пришлось выплачивать тамплиерам годовую дань в размере 2000 экю или золотых безантов.

В 1173 г. Хасан отправил посланника к королю Иерусалима, чтобы сообщить ему о намерении перейти в другую веру вместе со всеми своими подданными при условии, что дань будет отменена. Король Амори, радуясь тому, что сумел заполучить столь могущественную секту, взял на себя обязательство самому выплачивать тамплиерам 2000 золотых монет, и, оказав посланнику почести, отправил его обратно с добрыми напутствиями. Он снабдил его эскортом, чтобы пройти через опасные ущелья.

Рыцари Храма немедленно высказались категорически против данного соглашения. На обратном пути тамплиеры напали на посланника Хасана и убили его. Король Амори был возмущен известием об этом гнусном нападении на человека, за жизнь которого он поручился. Вся его новая политика была поставлена под удар, если вообще не перечеркнута.

Был созван совет, чтобы судить это преступление об оскорблении величества. Двум сеньорам было поручено разыскать великого магистра тамплиеров, Эда де Сент-Амана, чтобы потребовать загладить обиду и наказать убийцу. Великий магистр отказался выдать виновного, некоего Готье дю Мениля, поскольку орден Храма подчинялся только суду Папы. Он ответил, что Готье дю Мениль будет отправлен в Рим, где его и будут судить.

Приехав в Сидон, где находился пленник, король осадил резиденцию ордена Храма и захватил Готье, которого отправил в Тир. С другой стороны, он дал знать великому магистру ассасинов, что собирается покарать преступника. Но предать его суду он не успел. Он умер некоторое время спустя, когда собирался оказать давление на Папу, чтобы заставить его расформировать орден.

* * *

Всякий раз, когда между христианами и мусульманами заключалось перемирие, тамплиеры безжалостно расторгали соглашение.

Вся история тамплиеров отмечена приводящими в замешательство фактами, которые, как кажется, подтверждают самые противоречивые толкования. Монахов-рыцарей упрекают то в постоянной импульсивности, полном отсутствии политического здравомыслия, то их считают слишком хитрыми, слишком расположенными к заключению соглашений с врагами, слишком мало заботящимися об интересах крестовых походов. Последнее мнение преобладало, по крайней мере, во время существования ордена: сама церковь с недоверием относилась к своим верным слугам.

20 апреля 1236 г. Папа Григорий IX обвинит тамплиеров и госпитальеров в том, что они желают заключить союз с сектой

ассасинов против князя Антиохии. Он упрекнет их в том, что за ежегодную дань они взяли под свою защиту неверных.

Были ли данные обвинения обоснованны? Вполне возможно. Для этих монахов-воинов Священная война становилась порой чем-то вроде игры, где использовались интриги тайной дипломатии и политика равновесия, которая во все времена одерживала верх, когда сталкивались более или менее равные силы.

Стоит ли говорить о скандале, о противоестественном союзе, о политической нечистоплотности? Эти грубые люди, руководясь лучшими намерениями, забывали в пылу действий первоначальную цель, ради которой и был создан орден. Временами они снова становились сеньорами с Запада, ведущими бесконечные войны, в которых союзы заключались и распадались с одинаковой быстротой. В восточном климате из-под религиозного глянца вновь начинал проступать обыкновенный феодал.

* * *

Между тамплиерами и госпитальерами, посвятившими себя одним целям, как казалось, должны были бы существовать братские отношения. К тому же устав Храма предполагал частые контакты между двумя орденами. Тамплиерам разрешалось посещать лагерь госпитальеров. И тот же устав уточнял, что в случае поражения при отсутствии сигнала сбора тамплиеры могли присоединиться к госпитальерам.

Кроме того, во избежание трений между двумя «религиями», как их называли в ту эпоху, запрещалось братьям, изгнанным из одного ордена, вступать в другой.

Но, несмотря на эти примиряющие меры, между тамплиерами и госпитальерами существовало постоянное соперничество. Когда какие-либо две партии сталкивались в Палестине, тамплиеры и госпитальеры никогда не принимали одну сторону. Они были, как говорилось, «естественными соперниками», и между этими братьями-врагами возникли серьезные разногласия.

Христианский мир, как мы можем себе представить, был шокирован, узнав, что ордены тамплиеров и госпитальеров вели

междоусобную борьбу вместо того, чтобы объединить силы против неверных. Между тем эти раздоры были неизбежным следствием их образа жизни, который потворствовал возрастанию честолюбия и гордыни. Эти разногласия должны нас удивлять не больше, чем распри между вождями крестоносцев. Во время первого крестового похода и затем в течение нескольких лет после взятия Иерусалима мы видим, как, например, между Раймундом Сен-Жилльским^{21} и другими предводителями похода неоднократно вспыхивают яростные ссоры.

Из года в год оба ордена становятся все менее религиозными и все более военными организациями, приобретая всю грубость, высокомерие и гордость, что предполагает подобное превращение. Однако несмотря ни на что, они имели преобладающее влияние в проведении постоянного крестового похода, который они начали в Палестине. Ни одна масштабная операция не проходила без их помощи.

Идеалисты будут сожалеть, что эти два религиозных ордена не сыграли в рамках своих политических и военных полномочий духовную роль, которую, как казалось, предполагал их церковный характер. Но тамплиеры и госпитальеры с лихвой докажут, что они были сначала солдатами, а уж потом монахами, и что дома Храма были скорее казармами, нежели монастырями.

* * *

В чем никак нельзя упрекнуть тамплиеров — это в нехватке доблести. Эти воины умели сражаться: они наносили ужасные удары своим врагам и заставляли их дорого расплачиваться за свои жизни. В частности, можно рассказать об отваге Жаклена де Майе, маршала Храма, который в бою проявил такую стойкость, а при поражении такую неустрашимость, что мусульмане, принимая его за святого, предложили сохранить ему жизнь. Изнемогая от ран, тамплиер продолжал наносить удары тем, кто надвигался на него, но, в конце концов, пал, пронзенный множеством стрел. Мусульмане кричали от радости, ибо полагали, что убили св. Георгия^{22}.

Тамплиеров и госпитальеров мусульмане боялись особенно сильно. После знаменитого сражения при Тивериаде, где Саладин

одержал блестящую победу над королем Ги де Лузиньяном^{23}, победу, положившую конец франкской монархии в Палестине, султан был безжалостен к рыцарям-тамплиерам и госпитальерам. По этому поводу он якобы сказал следующее: «Я хочу очистить землю от этого грязного отродья». Он предложил рыцарям обоих орденов отречься от веры, чтобы избежать смерти. Все они отказались и им тут же перерезали горло. Король Ги де Лузиньян молил пощадить великого магистра, и Саладин уступил его просьбе. Правом казнить тамплиеров обладали служители Ислама.

Казнь Рено де Шатийона была особенно жестокой. Этот необычный человек, князь Антиохии и сеньор Заиордании (совр. Трансиордания) очень часто был товарищем тамплиеров по оружию. Саладин пожелал перерезать ему горло собственным кинжалом, а поэты исламского мира с удовольствием воспевали султана-победителя.

В истории ордена можно найти множество примеров отваги рыцарей.

В 1266 г. во время осады Сафеда Бейбарсом^{24} приор ордена Храма, комендант крепости, был вынужден капитулировать. Тамплиеры стояли перед выбором: умереть или отступить от христианской веры. Приор призвал братьев сохранить стойкость и верность, так что все предпочли казнь измене. Султан, пришедший в ярость от этой неустрашимости, приказал содрать живьем кожу с приора ордена Храма, а затем отрубить ему голову.

Благодаря этой храбрости тамплиерам часто доверяли сложные дела (защиту женщин или детей в случае опасности) или задачи, выполнение которых было сопряжено с особой опасностью. Именно им следовало прикрывать христианскую армию при отступлении, составлять арьергард или чаще — авангард войск при марше. Например, во время Второго крестового похода король Франции Людовик VII, окруженный сарацинами возле Латтакия, просил великого магистра Храма взять на себя командование его арьергардом.

К тому же существует письмо того же Людовика VII аббату Сугерию^{25}, в котором содержится ценное свидетельство в пользу тамплиеров: «Мы не желаем, — пишет король, — скрывать от тебя те многочисленные почести, те знаки уважения и ту помощь, которые братья ордена Храма оказали нам и нашим соратникам после нашего

приезда на Восток. Мы не представляем и даже не можем представить, как без их помощи и поддержки, в которых мы никогда не испытывали недостатка, мы сумели бы существовать в этой стране, каким бы кратким ни было наше пребывание в ней. (...) Мы не можем передать, какое рвение, какую любовь рыцари Храма проявляют по отношению к нам на Востоке. Поэтому те оскорбления и вред, которые им были бы нанесены, мы должны считать своими или даже еще более тяжкими, и направить все наши силы на то, чтобы отомстить за них».

Вот свидетельство храбрости и преданности, о котором следовало бы вспомнить Филиппу Красивому, когда он прислушался к наговорам, целью которых было подорвать репутацию ордена Храма.

Глава IV

КОНЕЦ ЭПОПЕИ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ

Мы могли бы шаг за шагом проследить историю участия тамплиеров в палестинских войнах. Но, повторим еще раз, мы не ставим перед собой такую задачу, ибо орден храмовников не играет достаточно важной роли в этих однообразных операциях, которые только слегка расцвечены нападениями Саладина и Бейбарса.

Мы знаем, как Саладин захватил Святой Город в 1187 г., меньше чем через век после начала первого крестового похода. Все попытки христиан отвоевать Иерусалим окончатся неудачей, первой такой попыткой будет поход Ричарда Львиное Сердце в 1192 г.

Сто лет спустя после неудачного маневра короля Англии крестоносцы потеряли одну за другой все свои крепости в Палестине; у них остались только города Акра, Сидон, Тир и Бейрут. Акра стала сосредоточением сил христианского сопротивления. Чтобы укрепить западный гарнизон, туда перешли тамплиеры, госпитальеры и рыцари Тевтонского ордена.

Весной 1291 г. мусульмане окружили город, но главный штурм начался только 16 мая. Он окончился провалом, в частности, благодаря вмешательству тамплиеров. Новая атака началась 18 мая и обернулась долгой рукопашной схваткой. Крестоносцы понимали, что им нужно было защитить последний оплот Святой Земли. Тамплиеры и госпитальеры действовали необыкновенно слаженно. Перед лицом смертельной опасности враждующие братья полностью примирились. Великий магистр ордена Храма, Гильом де Боже, пал в сражении. Неприятель шаг за шагом овладевал городом. Акра, последний бастион христианства в Леванте, доставалась мусульманам, систематически разрушавшим, все, что попадалось на их пути.

Большому числу осажденных удалось сесть на корабли, чтобы отплыть на Кипр, в Грецию или Армению. Тамплиеры, госпитальеры и тевтонцы еще некоторое время продолжали оказывать сопротивление. В конце концов, в разрушенном городе остались только полностью окруженные тамплиеры. Они укрылись в башне собственной резиденции, служившей убежищем женщинам и детям. Основательно

забаррикадовавшись, они сумели продержаться в течение многих дней. Несмотря на смятение и страх, царившие в этом последнем оплоте, там произошло избрание великого магистра: голосующие единодушно остановили свой выбор на монахе Тибо Годене, который был заместителем Гильома де Боже. Вскоре мусульмане бросили все свои силы на башню ордена Храма. Султан предложил тамплиерам сдаться, и последние согласились, попросив пощадить женщин, которых они охраняли, и позволить всем взойти на корабль. Это было им обещано. Тем не менее женщины были изнасилованы победителями; увидев это, тамплиеры вновь взяли за оружие, убили три сотни мусульман и возвратились в башню, которая незадолго до этого была подкопана. Когда на стены со всех сторон начали взбираться враги, башня рухнула, похоронив под собой и осаждавших, и осажденных. Тогда мусульмане обратили свой садистский пыл на Клариский монастырь.

Акра, Тир, Сидон и другие прибрежные города были разорены победителями.

То был конец великой авантюры крестовых походов.

В то время как тевтонские рыцари возвращались в Европу, около десяти тамплиеров, спасшихся после падения Акры, укрылись в Лимассоле, на Кипре, где уже находились несколько госпитальеров. Ранее Кипр принадлежал им, когда они купили его у Ричарда Львиное Сердце. Но некоторое время спустя они перепродали его Лузиньянам. Тамплиеры, вынужденные бездействовать, оказались «в положении регулярной армии, получившей известие о заключении всеобщего мира» (*Молла*).

Оба великих магистра в течение нескольких лет были заняты тем, что восстанавливали силы своих орденов.

В 1298 г. монах Годен умер, и место главы ордена занял Жак де Моле, бургундец из диоцеза Безансона.

В следующем году Жак де Моле вместе с госпитальерами принял участие в недолгом походе против мусульман, подготовленном татарским ханом Газаном. Жак де Моле возглавил один фланг татарской армии. Новые союзники недалеко от Хомса одержали победу над султаном Египта Малик-Назиром. Но они нашли города Палестины разграбленными, опустошенными, разрушенными.

Татарский хан призвал на помощь христианских князей Европы, однако вскоре должен был вернуться в свои земли.

Предоставленные сами себе тамплиеры и госпитальеры были не в состоянии оказать сопротивление неизбежному наступлению султана Египта. Они были вынуждены вернуться на Кипр, где им очень скоро стало тесно.

Король Кипра Генрих II не проявлял особой благосклонности и радушия по отношению к военным орденам. Тамплиеры и госпитальеры, размещавшиеся в одном небольшом городе, стали подумывать о том, чтобы покинуть эту негостеприимную землю. Госпитальеры вторглись на остров Родос.

Что касается тамплиеров, то они укрылись на Сицилии, откуда начали поход на Грецию. Они взяли Фессалоники и Афины, но ограничились лишь тем, что ограбили побежденных, оставив покорившиеся города сицилийцам.

Именно тогда тамплиеры, оставшиеся в живых после событий в Леванте и в Средиземноморье, отправились во Францию, чтобы присоединиться к тем братьям, которые с момента основания ордена никогда не покидали Западной Европы. Армия возвращалась в свои гарнизоны, то есть в основанные за последние двести лет практически повсюду в этих краях командорства.

Мишле заявляет, что пятнадцать тысяч тамплиеров привезли «несметные сокровища: сто пятьдесят тысяч флоринов золота, а серебра на десяти упряжках мулов». Сто пятьдесят тысяч золотых флоринов на пятнадцать тысяч рыцарей составляют десять флоринов на человека. Можно ли говорить о «несметных сокровищах»? Впрочем, цифра в пятнадцать тысяч рыцарей, очевидно, включает в себя помимо тамплиеров Святой Земли еще и тех братьев ордена, что жили во всех странах Запада.

С уверенностью можно сказать о том, что приезд войска тамплиеров в мирные западные командорства будет способствовать распространению в ордене Храма гарнизонного образа жизни, который вели во Франции все члены ордена, никогда не принимавшие участия в Священной войне. Между тем всем известно, насколько расслабляет и разлагает солдата жизнь в гарнизоне.

Уехав с Востока, тамплиеры покинули свое истинное отечество. Как Антей, они погибли, оторванные от родной земли, источника их

СИЛЫ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава I МОНАХИ-БАНКИРЫ

Падение Акры вновь пробудило на Западе стремление освободить Святые Места. Возникали планы и замыслы, но воодушевление первых крестоносцев уступило место сдержанной осмотрительности, если не холодности. Куда пропали пылкие проповедники, которые в течение двух предыдущих веков поднимали народ на Священную войну? Куда делись Петр Отшельник^{26}, св. Бернар и Фульк из Нейи^{27}? Казалось, Запад был истощен борьбой с Исламом. Оказавшиеся не у дел, тамплиеры, потеряв цель, ради которой и было основано их братство, активнее, чем когда-либо посвятили себя банковскому делу.

За два века своего существования орден весьма поднатерел в искусстве управлять деньгами. Тогда речь шла о финансировании тамплиеров, участвовавших в борьбе против Ислама.

Когда эта роль казначеев и распорядителей ценностями была сопряжена с военными действиями, то сочетание крестового похода и банковской деятельности еще допускалось: в общем устройстве ордена финансовая деятельность представлялась вторичной. Но когда Священная война закончилась, в новом положении рыцарей Храма появилось нечто тягостное: трудно было смириться с тем, что люди Церкви превратились лишь в дельцов, преумножающих деньги.

Папа Бонифаций VIII уже был встревожен этой метаморфозой, но он был чересчур поглощен борьбой с галликанским абсолютизмом.

Его преемнику Бенедикту XI, который находился у власти всего лишь с 22 октября 1303 г. по 7 июля 1304 г., не хватило времени заняться тамплиерами.

Когда после конклава, который продлился около года, выбор кардиналов пал на архиепископа Бордо Бертрана де Го, можно было опасаться за судьбу тамплиеров. Ведь в окружении короля шептались, что новый Папа пообещал последнему уничтожить опасный орден.

Бертран де Го ранее был капелланом Целестина V, во время правления Бонифация VIII он играл важную роль в папской дипломатии. Когда 14 ноября 1305 г. в Лионе в присутствии Филиппа Красивого он был увенчан папской тиарой, можно было надеяться, что управление ладьей св. Петра попало в умелые руки. Однако суеверные люди придавали большое значение происшествию, случившемуся в связи с коронацией понтифика. Во время процессии в честь торжественного въезда в город нового Папы стена, на которую взобралось множество любопытных, обрушилась прямо у ног Климента V. Погибло двенадцать человек. Папа упал с лошади, но всего лишь легко поранился. Драгоценная тиара, что была у него на голове, едва не сломалась об землю: из нее вывалилась жемчужина ценой в шесть тысяч флоринов, она была найдена только много позднее. Этот инцидент казался очень плохим предзнаменованием правления, начавшегося столь неприятным образом.

Молла рисует нам Климента V как «впечатлительную бесхарактерную личность, слабого дипломата, человека полумер, неспособного противостоять Филиппу Красивому, который, обладая твердой волей, привык действовать холодно и расчетливо. Папа будет прибегать к всевозможным уловкам, всевозможным проволочкам, чтобы в конце концов все же пойти на уступки. Именно так будет возобновлен скандальный процесс Бонифация VIII, прощено нападение на Папу в Ананьи^{28} и уничтожены тамплиеры».

Климент V был просвещенным человеком. Мы обязаны ему основанием кафедр древнееврейского, сирийского и арабского языков в различных университетах. Он не был лишен и прозорливости. Мы даже увидим, как в некоторых ситуациях он проявит решительность. Но в целом, столкнувшись с совершенно неприемлемыми требованиями Филиппа Красивого, он, в конце концов, сдаст свои позиции. Климент дойдет до того, что разрешит использовать пытки при инквизиторских процессах. С другой стороны, новый Папа проявит чрезмерную снисходительность, чрезмерную склонность к nepотизму^{29}; он сделает кардиналами трех членов своей семьи: Раймонда де Го, Бернара де Фаржа и Гайяра де Прессака. Наконец, он слишком легко поддастся шантажу со стороны короля.

Безусловно, можно добавить в его оправдание, что Папа мучился от боли, которая почти не отпускала его: он страдал от рака кишечника

и желудка.

Контакты Климента V с орденом тамплиеров восходят к началу его правления. В конце 1305 г. или начале 1306 Папа специально призывал двух великих магистров тамплиеров и госпитальеров, чтобы обсудить с ними различные вопросы, касающиеся обоих орденов, и особенно их участия в новом крестовом походе.

По общему мнению, тамплиеры и госпитальеры должны были сыграть важную роль в восстановлении христианства в Палестине. Было совершенно необходимо, чтобы Папа обсудил эту тему с великими магистрами обоих орденов.

* * *

Получив приглашение Папы, великий магистр Храма Жак де Моле, находившийся на Кипре, решил обосноваться в Париже. Он пустился в путь с тем большей спешкой, что уже знал, что именно замышлялось против ордена во Франции.

Что касается великого магистра госпитальеров Фулька де Вилларе, он принес извинения за то, что не может приехать во Францию: он задержался на осажденном Родосе, где лично руководил военными операциями.

Жак де Моле прибыл во Францию в конце августа 1306 г. Сначала он отправился в Париж, чтобы остановиться в резиденции тамплиеров (Тампле). Там он немного замешкался, отправившись поприветствовать короля. При дворе ничто не смогло заставить его поверить, что он находился под подозрением и что против ордена зрел заговор. В честь него, высокопоставленного лица, равного по титулу князю, был устроен праздник, и король даже попросил его стать крестным отцом одного из своих детей.

Затем в сопровождении шестидесяти рыцарей Жак де Моле направился к Пуатье, где Папа разместил свой двор. Климент V благожелательно принял великого магистра и говорил с ним, в частности, о плане, который он вынашивал уже давно и который имел отношение к слиянию двух военных орденов тамплиеров и госпитальеров.

Отвечая ему, Жак де Моле сослался на то, что его монахи не получили благословения на служение иному уставу, кроме устава ордена Храма; к тому же, к великому возмущению христиан, между тамплиерами и госпитальерами множились ссоры; помимо этого слияние повредило бы беднякам, которым помогал бы теперь только один орден; и, наконец, когда нужно будет упразднить звания и обязанности, чтобы объединить их, предстояло разрешить слишком много вопросов, связанных со старшинством. Жак де Моле также ссылаясь на то, что устав тамплиеров был более строгим, чем у госпитальеров: в случае слияния либо первые должны были пойти на уступки, либо вторым нужно было бы изменить устав.

Говоря об этом послании, Р. Фавтье пишет, что это «поступок умного и упрямого человека, добровольно отказывающегося следовать общим интересам, чтобы направить все свои помыслы только на орден, главой которого он является, и по корыстным материальным причинам выступающего против объединения его к другим подобным организациям»^{30}. Это суждение несправедливо. В речи великого магистра много здравого смысла.

Поскольку мы судим «*a posteriori*», мы склонны считать, что слияние было в высшей степени желательно, учитывая что, быть может, оно помогло бы избежать катастрофического судебного процесса, о котором пойдет разговор далее. Но разве невозможно представить, что, например, вражда, вспыхнувшая между двумя орденам в Палестине, лишь слабые отголоски которой достигли Западной Европы, могла вновь разгореться и на Западе, в рядах нового единого ордена, который был богат и ничем не занят? Теперь уже два ордена вызвали подозрение: внутренние раздоры, кажется, чрезвычайно тяготили западное христианство.

Папа же видел в этом проекте средство положить конец обвинениям, которые король Филипп Красивый вот уже несколько месяцев собирал против тамплиеров.

Когда Римский Папа задал ему вопрос о своевременности возобновления Священной войны, Жак де Моле выступил, скорее, за тщательно подготовленное массированное наступление, чем за создание разобщенных войск. Для осуществления плана, по мнению Моле, потребовалось бы 15 000 рыцарей и 50 000 пехотинцев. Новые крестоносцы должны были бы располагать большими судами для

перевозки войск. На разведку в восточное Средиземноморье была бы выслана эскадра, чтобы установить блокаду и производить осмотр торговых судов христиан, которые без зазрения совести снабжали продовольствием неверных. Наконец, была бы произведена высадка на Кипре, откуда крестоносцы вели бы подготовку к завершающему выступлению. На короля Кипра можно было рассчитывать, заключал Моле, но в отличие от того, что думал Папа, Моле считал союз с королем Армении маловероятным.

И снова это послание выдает человека весьма здравомыслящего, серьезного и талантливого. Если донесение Моле не смогли принять во внимание, то это потому, что обстоятельства для отправки нового похода на христианские земли Леванта складывались крайне неблагоприятно.

* * *

Каким в 1306 г. был социальный статус тамплиеров во Франции? Не были ли они всего лишь богатыми вельможами, бездельниками, озабоченными только проведением выгодных финансовых операций? Не были ли они всего лишь торговцами, держащими лавки на мостах, как это было в Нанте, где они оспаривали у епископа его право на торговлю вином?

Чтобы понять ту роль банкиров, которую сыграли рыцари-тамплиеры, нужно вспомнить, что в средние века церкви и монастыри считались самым надежным местом для помещения денег и хранения сокровищ. Церковные здания считались неприкосновенными. По этой причине они не только служили убежищем, но и своей надежностью привлекали всех тех, кто имел какие-то ценности, которые хотел уберечь от кражи или грабежа. Вероятно, эту финансовую роль, которую играли монастыри, военно-монашеские ордена исполняли более систематическим образом; но одни только тамплиеры превратили ее в профессиональное занятие.

Мы уже сказали, каким образом благодаря многочисленным дарам, огромным завещаниям и доходным операциям орден Храма стал обладателем несметного богатства. Однако их недвижимое имущество было гораздо меньше того, что принадлежало

госпитальерам и цистерцианцам. Тамплиеры владели неисчислимыми богатствами и были превосходными управляющими. Безопасность их домов, ловкость проведения торговых сделок, практическая сметка их предводителей — все это способствовало развитию доверия тех, у кого были ценности, которые следовало пустить в оборот или охранять.

Королевские судьи и духовные лица обычно передавали церквям те богатства, владение которыми могло стать причиной тяжбы в их судах. Но они часто предпочитали доверить свое имущество ордену Храма, так как последний внушал им уважение своей военной силой. Значительные ценности хранились в командорствах тамплиеров, превращенных в настоящие крепости. В большинстве командорств деньги помещались на текущие счета. Они приносили доход посредством кредитов, переводов и т. д. Тамплиеры были умелыми комиссионерами, и для них не существовало более никаких секретов в сложностях бухгалтерии. Как говорили, у них было больше картуляриев и бухгалтерских книг, чем догматических трактатов. В Париже тамплиеры владели целым кварталом, окруженным болотами и долгое время находившемся за городской стеной^[31]. Их владения охватывали треть города. До Великой Французской революции в квартале Тамплъ часто находили убежище преступники или несостоятельные должники.

Орден Храма в Париже был крупным центром управления финансами начиная с периода правления Филиппа Августа до царствования Филиппа Красивого; точно так же в резиденции ордена тамплиеров в Лондоне находились не только доходы Иоанна Безземельного и Генриха III, но и драгоценности английской короны.

Римские Папы прибегали к услугам храмовников для сбора и учета налогов, взимаемых Церковью. Все дома ордена в Европе имели счета, открытые на имя Папы. Тамплиеры обязаны были собирать и накапливать получаемые суммы.

Несмотря на запрет Филиппа Красивого, ведущего борьбу с папством, тамплиеры отправили в Рим в виде векселей деньги, собранные для Папы французским духовенством.

Тамплиеры занимались как переводом денег, так и самыми сложными финансовыми операциями. Например, они переводили в Левант общую сумму налогов, собранных для Палестины. Они вели торговлю ценными металлами.

Составляя конкуренцию евреям и ломбардцам, они еще до отъезда из Святой Земли соперничали с крупными итальянскими банками. Упреки, которые окончательно оформятся во время судебного процесса, уже прозвучали, правда, пока тихо, когда монахи-солдаты еще сражались в Палестине бок о бок с госпитальерами, которые подвергались той же критике, ибо все эти ордены в разной степени занимались финансовой деятельностью.

Однако тамплиеры верно служили французской королевской власти. Являясь в течение более ста лет хранителями королевской казны, они неким образом принимали участие в монархическом правлении. История королевской казны долгое время будет переплетаться с историей казны ордена (в Тампле).

Филипп-Август окажет наивысшее доверие тамплиерам, поскольку, отправляясь в крестовый поход, король назначит своим душеприказчиком брата Эмара, казначея Храма.

Еще в 1304 г., за несколько месяцев до начала процесса сам Филипп Красивый даст ордену Храма грамоту, гарантирующую ему поддержку и привилегии. Эти письма нужно понимать как награду за ту позицию, которую тамплиеры заняли в конфликте между Бонифацием VIII и Филиппом Красивым. В июне 1303 г. тамплиеры, в лице Гуго де Пейро, досмотрщика Франции, дали обещание защищать короля от Папы. И они потребовали созыва Собора^{32}. С другой стороны, кое-кто утверждает, что тамплиеры заключили соглашение с Папой к большому неудовольствию Филиппа. Как бы то ни было, похоже, что уже тогда король захотел избавиться от ордена тамплиеров.

Вероятно, упразднение ордена было навязано Клименту V как условие его избрания; произошло это во время долгих месяцев междуцарствия, протекших между смертью Бенедикта XI (7 июля 1304 г.) и избранием Климента (5 июня 1305 г.).

Попытки объяснить враждебность короля были тщетны: но следует постоянно помнить о том, что король с трудом переносил финансовое вмешательство тамплиеров в дела казны.

С 1295 по 1303 г. тамплиеры не будут управлять государственной казной. Но попытка короля взять дела в свои руки не принесла хороших результатов, и ключи от казначейства вернулись к брату — казначею ордена Храма. Филипп Красивый снова доказал свою

полную некомпетентность в финансовых вопросах. Однако этот урок вскоре был забыт. Алчность заглушит голос разума, не в обиду будь сказано приверженцам тоталитарного тезиса, которые в соответствии с тем, что необходимо для их дела, то утверждают, что Филипп Красивый был беспристрастен, то говорят, что, сдерживая себя, он совершил бы ошибку. Но обратимся к фактам.

Глава II

ОБВИНЕНИЕ

Каковы были причины обвинений, выдвинутых против ордена тамплиеров?

Историки сходятся во мнениях, приписывая первые «разоблачения» жителю Безье^{33} по имени Эскен де Флойран или Эскье де Флуаран и тамплиеру-отступнику, которым, как говорят, был приор Монфокона в провинции Тулузы.

Вот как якобы все произошло.

Это было в начале 1305 г. Заключенные в тюрьму за «огромные» преступления, они оказались в одной камере. Приор был осужден великим магистром на пожизненное заключение за ересь и недостойный образ жизни. Его товарища по камере якобы приговорил к строгому наказанию прево Парижа. Оба они хотели подготовиться к смерти, но поскольку в ту эпоху преступников не допускали к таинству исповеди, по распространенному в то время обычаю, как и в случае опасности, они исповедались друг другу.

Исповедь тамплиера якобы привела горожанина в такое негодование, что он известил об этом королевского чиновника и пообещал сделать сенсационное разоблачение, если ему даруют свободу. Как он утверждал, хранимый им секрет имел такое значение, что для короля он был важнее завоевания нового королевства. Однако только лишь король мог его услышать. Желание заключенного было удовлетворено, и по приказу Филиппа Красивого его отправили в Париж. Король пообещал этому человеку не только полную амнистию, но и крупное вознаграждение.

По другой версии, Эскье де Флуаран или де Флойран будто бы явился в Лериду, чтобы встретиться с королем Хайме II Арагонским, который весьма скептически отнесся к заявлению доносчика, хотя и пообещал ему награду в 3000 ливров и годовой доход в 1000 ливров, если его обвинения подтвердятся. Тогда Эскье де Флуаран отправился во Францию, где он объявил Филиппу Красивому, что тамплиеры были виновны не только в пьянстве и распутстве^{34}, но самое главное — в идолопоклонничестве. При принятии в орден они отрекались от

Христа и плевали на распятие. К тому же многие из них тайно приняли мусульманскую веру. Наконец, их обвиняли в том, что они предали дело христиан на Святой Земле.

Поддавшись атмосфере недоверия, царившей при дворе, король охотно прислушивался ко всему, что могло бы подорвать доверие к тамплиерам. Он завидовал их влиянию и особенно их богатству. Войны с Фландрией истощили его казну, а урожаи вот уж несколько лет были плохими. Нужен был козел отпущения, чтобы отвести от себя гнев народа. Обвинения, выдвинутые против тамплиеров, пришлись очень кстати.

* * *

Отныне виновность тамплиеров станет навязчивой идеей короля. Даже в следующем 1306 г., когда он будет укрываться в резиденции Храма (Тампле), чтобы избежать гнева народа, недовольного обесцениванием денег, Филипп Красивый обвинит хозяев дома в том, что это они разожгли мятеж. Только эти международные финансисты, по разумению настроенного против них короля были заинтересованы в том, чтобы денежный курс был стабильным, а налоги, ставшие причиной народного восстания, уменьшались. Впрочем, думал король, тамплиеры должны были бы его защитить: у них было оружие и военная дисциплина, которые помогли бы им противостоять мятежу.

Полный злобы и зависти, Филипп Красивый покинул дом Храма. Ему пришлось молчаливо согласиться с тем, что орден тамплиеров был готов к обороне лучше трона, и мог предоставить надежное убежище. Он воочию увидел блеск и могущество тех, кого считал «внутренними врагами» с того самого дня, как ему было отказано во вступлении в орден. Какую цель преследовал тогда Филипп Красивый, выдвигая свою кандидатуру? Очевидно, он рассчитывал подчинить себе орден Храма и использовать его. Король без труда добился бы титула великого магистра, и эта духовная власть дала бы ему возможность скрытым образом вмешиваться в политику соседних стран. Отказ пробудил в нем глухую злобу, и он был готов прислушаться не только к сплетням недоброжелателей из народа, но и

в особенности к измышлениям, сфабрикованным его собственными приближенными, фанатиками королевского абсолютизма.

По их словам, тамплиеры не приняли короля в свои ряды и не защитили его от народного гнева потому, что вынашивали подрывные идеи. Ногаре, Дюбуа^{35} и прочие советники легко сумели внушить королю мысль и заставить его поверить, что тамплиеры желали заменить монархическое правительство республиканским и что они с дерзостью говорили о короле и его министрах, особенно о Ангерране де Мариньи^{36}. Уж не собирались ли тамплиеры создать государство в государстве, как тевтонские рыцари в Германии? Они имели обыкновение вмешиваться в политические дела. В конфликте, возникшем между Анжуйским и Арагонским королевскими династиями^{37}, они приняли сторону последнего. Они могли стать судьями всей Европы, эти полные высокомерия рыцари, некогда сказавшие королю Англии: «Вы будете королем ровно столько, сколько будете справедливым!»

В глазах их клеветников тамплиеры проводили демагогическую политику, собирая вокруг себя слабых и недовольных. Между тем, как можно было совместить эту мнимую идею о демагогии с аристократическим и пренебрежительным поведением, в котором с другой стороны упрекали тамплиеров, обвиняемых в том, что они нарушили обычаи — если не законы — против роскоши и чрезмерных расходов, в то время как король был беден?.. Ибо так называемая или истинная «бедность» короля Франции и лежит в основе сложного дела, которое нам предстоит здесь распутать.

Уже в 1305 г. королю пришлось испрашивать субсидию для укрепления монеты, пока он не приказал изгнать евреев, чтобы завладеть их имуществом. Король мог бы взяться за госпитальеров, которые были богаче, чем тамплиеры, но орден госпитальеров все еще продолжал вести активные боевые действия. Госпитальеры готовились осадить остров Родос. В глазах общественности лучше было бы обрушить упреки на очевидно бесполезный орден.

Представлялась прекрасная возможность нанести сильный удар и оставить на милость королевской власти этих создающих неудобства подданных. Теперь, чтобы подчинить себе орден, королю уже не нужно было просить принять его в свои ряды. Больше не было необходимости подкупать народных сочинителей^{38} или

красноречивых ораторов, чтобы очернить ненавидимый орден. Клевета заполонит Францию. Она соединит воедино и коварные намеки, и насмешливые недоговоренности, и вот уже несколько лет распространяемые из злобы и зависти сплетни, превратив их в конкретные обвинения. Несмотря на попытки восстановить репутацию, тамплиеры остались отмечены печатью бесчестия. пытки, при которых большинство из них погибло, не смоят позора, которым их покрыли королевская алчность и народная хула. Преследуемые тамплиеры отнюдь не будут считаться мучениками. Народная молва была готова поддержать существовавшее уже долгое время несправедливое суждение о тамплиерах. Если среди последних и были храбрые солдаты и отважные защитники Святой Земли, то на Западе их никогда не видели, а об их подвигах, которые были, впрочем, неоспоримы, слышали намного меньше, чем о ссорах с их собратьями по оружию — госпитальерами.

Все говорили: разве тамплиеры не предали дело крестовых походов, вступив в сговор с мусульманами? К тому же они обладали слишком большими привилегиями и, несмотря на их богатство, собирали налоги в ущерб нищенствующим орденам. Помимо этого их сборщики пожертвований вели порой недостойный образ жизни.

Здесь следует сделать упор на том, что принятие в орден тамплиеров слишком часто проходило с прискорбной неразборчивостью. В особенности служители зачастую были настоящими висельниками. Поэтому в 1207 г. Иннокентий III выступил против тенденции тамплиеров принимать в орден «первого попавшегося бродягу, согласного платить им два-три денье в год». Помимо этого, по словам этого же Папы рыцари слишком легко давали разрешение на христианское погребение отлученных.

Спустя полвека, в 1265 г. Собор в Арле с прискорбием говорил об освобождении от налогов, которым гордились люди, заявляющие о своей принадлежности к ордену, даже не нося его одеяния.

Касательно служителей следует заметить, что поскольку они были низкого происхождения, рыцари обращались с ними высокомерно, и что это стало источником многочисленных проявлений враждебности. Слуги, покинувшие орден, не упускали возможности отомстить рыцарям, постоянно очерняя их.

Также тамплиеров упрекали в том, что они были зачинщиками раздоров и ловили рыбу в мутной воде; как поговаривали, они въезжали в города, находящиеся под интердиктом, чтобы вновь открыть там церкви. Этот рискованный шаг приносил им благодарность народа, который спешил выплатить им церковную десятину и прочие повинности. Папа был вынужден выступить против этих дерзких и вызывающих поступков.

* * *

Что сказать о ревниво оберегаемой тамплиерами тайне, которой они окружали принятие в орден новых братьев? Если двери охранялись, если вокруг дома Храма и даже на его крышах стояли часовые, значит, там происходило нечто отвратительное, что следовало скрывать, — думали люди. Так рождались легенды.

Некоторые авторы связывали секрет тамплиеров с молчанием, которое предписывала оккультная наука. Для сохранения магической силы в античные времена во всех школах посвященных и в последующие века во всех тайных обществах предписывалось строгое молчание.

Тайну, которая окружала орден Храма, сравнивали не только с секретом франкмасонов, но и приписывали магический характер запрету разглашать церемониал принятия в орден непосвященным. Гибель ордена Храма якобы произошла, по словам некоторых, из-за того, что были нарушены тайные законы ордена: например, говорили, что было разглашено египетское происхождение формул, произносимых при вступлении в орден, которые были в ходу в некоторых командорствах. Чистая гипотеза любителей тайн... Ничто не доказывает, что тамплиеры вынесли с Востока какое-то эзотерическое учение. На некоторых из них могли оказать влияние мистические братства Леванта или секты, вроде ассасинов, но, очевидно, речь шла о единичных случаях.

В конечном счете, легковверный народ считал тамплиеров хранителями каких-то секретов, для нас просто смехотворных. Говорили, что они прячут железный сундук, найденный в развалинах храма Соломона. Этот сундук якобы содержал в себе секрет

философского камня. Таким образом, вкупе с алхимией магический круг был завершенным. Здесь были собраны все обвинения, которые породило наивное Средневековье.

* * *

По поводу устава, якобы неизвестного большинству братьев, шли таинственные и тревожные разговоры, как, например, слова, приписываемые одному тамплиеру: «У нас есть пункты, которые знают только Бог, дьявол и мы, братья ордена». Очевидно одно: то, что тамплиеры, как, впрочем, и госпитальеры, полагали, что устав их ордена не должен быть известен мирянам. Впрочем, когда мы видим, как именно миряне трактуют тот или иной монашеский обычай, становится понятным, почему и в наше время монахи не склонны описывать внутреннюю жизнь монастыря.

Перечисляя все эти упрёки к тамплиерам, мы недалеко от составления некоего подобия обвинительного заключения, и тем не менее, как замечает Лизеран, следует признать, что в XIII в. на орден ни разу не обрушивались все нарекания сразу, что «все религиозные ордены — не исключая и госпитальеров — подвергались жестокой критике, и что даже после исчезновения ордена храмовники обретали последователей».

Однако зло было причинено. Яд клеветы распространялся медленно, но неумолимо. «Лгите, лгите, ото лжи всегда что-нибудь останется»: кажется, что этот коварный совет, приписываемый Вольтеру, был навешан теми, кто был заинтересован в исчезновении ордена тамплиеров.

Через пятьдесят лет после знаменитого процесса, который мы собираемся изучить подробнее, Боккаччо повторит, что тамплиеры были весьма развращены и что они исполняли долг крестоносцев, действуя через подставных лиц, предоставляя наемникам и слугам вести борьбу с неверными.

Обвинения, без зазрения совести выдвинутые преступником, будут из века в век бросать тень на память ордена Храма. То, что было названо «тайной несправедливости», просуществует до наших дней.

Мы постараемся понять, так ли непроницаема тайна и очевидна ли несправедливость.

Глава III

УПРЕКИ

Сейчас нам стоит изучить один за другим упреки против тамплиеров. Мы постараемся сделать это с максимальной объективностью, не претендуя на то, чтобы получить окончательные выводы. Повторим еще раз: все историки сходятся во мнении, утверждая, что нам никогда не станет известно, в какой именно мере тамплиеры были виновны в некоторых крайне неблагоприятных поступках. Бесспорным является лишь то, что их осыпали многочисленными необоснованными упреками, что некоторые личные слабости были преувеличены, а частные случаи злоупотреблений обобщены, для того чтобы обвинить весь орден.

Самым серьезным было обвинение в отречении от Христа и осквернении распятия. Во время церемонии, сопровождавшей принятие в орден, тамплиеры должны были дать клятву на молитвеннике, открытом на странице, где начиналась литургия. Вплоть до наших дней в этой части молитвенника на левой странице помещают изображение распятого Христа.

Таков был обычай, который якобы положил начало кощунственным действиям. В соответствии с большинством показаний вступавшего в орден, после того как он давал обет, принимал орденское одеяние и произносил клятву, отводили в сторону и тогда приказывали ему отречься от Христа и трижды плюнуть на крест.

Мы увидим, что большое число братьев признались в отречении, уточнив, что они сделали это на словах, но не в сердце (*ore sed non corde*).

Чего стоили эти признания? Во-первых, нужно исключить как неприемлемые те, что были вырваны под пыткой. Обвиняемые, которые впоследствии отказались от своих слов, заявили, что они признались бы в чем угодно, чтобы облегчить свои страдания.

Что касается признаний, которые были получены без применения пыток, в большинстве случаев они были сделаны во время допросов, проводившихся в присутствии королевских чиновников. Подсудимые не осмеливались отказаться от того, в чем они признались ранее под

страхом пытки, потому что их немедленно признали бы «нераскаявшимися еретиками» и сожгли бы.

Таким образом, тамплиеры были перемолоты безжалостной машиной, которая неумолимо приводила их на костер.

Возможно, имели место единичные случаи вероотступничества. Безусловно, существовали дурные тамплиеры, как существуют дурные священники. Также, быть может, в каком-нибудь доме Храма, развращенном командором, тайно отошедшим от веры, могло происходить что-то связанное с магией. Для того смутного времени, когда колдовство было очень распространено, в этом не было ничего удивительного. Если даже в XX в. служились черные мессы, то уж, разумеется, в средние века имели место сеансы черной магии, где осквернялось распятие.

* * *

Несколько авторов с целью восстановить репутацию тамплиеров прибегли к довольно неожиданным комментариям, дабы объяснить отречение от Христа. Такова, например, точка зрения тех, кто приписывает отступничество тамплиеров их разочарованию после краха всех усилий, приложенных ими в Палестине, для защиты Гроба Господня: но подобное «самоубийство» от отчаяния — это что-то из области абсолютно невероятной исторической романтики.

Точно так же не следует принимать серьезно гипотезу, согласно которой тамплиеры являлись еретиками и, вдохновляясь Евангелием от Иоанна, поклонялись Христу с некоей эзотерической точки зрения. В соответствии с этой версией Гуго де Пейен, основатель ордена Храма, встретился в предводителем иоаннитов, который якобы посвятил его во все тайны секты.

Наеф, главный создатель этого учения, объяснял его тем, что слова пяти первых стихов Евангелия от Иоанна могут быть истолкованы как доказывающие гностическую систему происхождения мира. Однако это отнюдь не подразумевало, что доктрина иоаннитов, какой бы еретической она ни была, включала в себя отречение от Христа и надругательство над крестом.

Лавока утверждает, что тот факт, что при вступлении в орден в некоторых домах тамплиеров существовало небольшое число монахов, которые были вынуждены пройти испытание отречением от Иисуса Христа, доказан. Но автор оправдывает это приказание отречься от Христа, плюнуть на крест и принять или дать недостойный поцелуй, говоря, что речь шла только об *испытании*, подобном тому, которому подвергают новичка-матроса или новобранца.

Объяснение придумано весьма ловко. Действительно, орден Храма был скорее казармой, чем монастырем. И, должно быть, во времена расцвета фривольных фаблио, эти необразованные и грубые солдаты часто подшучивали над своими же товарищами. Но, в крайнем случае, это может послужить объяснением лишь отдельных непристойностей. Маловероятно, что эти духовные лица, принесшие три монашеских обета, могли устроить подобное *развлечение* с распятием, которое являлось смыслом их существования, с тем самым распятием, к которому по пятницам во всех домах Храма они босиком приходили поклоняться, воздавая ему самые большие почести.

Если они верили в божественную сущность Иисуса Христа, в его смерть на кресте, как они могли требовать от принимаемых в орден новичков плюнуть на распятие, просить их совершить неимоверно тягостный, неимоверно трудный поступок, даже ради того, чтобы увериться в их способности повиноваться? Мы не состоянии в это поверить.

По словам Лавока, таким образом тамплиеры хотели удостовериться, согласится ли новый член ордена отречься от Господа, если попадет в руки к сарацинам.

Это толкование противоречит само себе: таким образом, если желающий быть принятым в орден отрекался от Христа, он считался *покорным*, но одновременно и *потенциальным вероотступником*. Или же он был тверд и неколебим в вере, но непокорен. Тому, кто яростно отвергал отступничество, говорили: «Вы будете превосходным воином за морем» и отправляли его в Святую Землю. Именно это и толкнуло некоторых тамплиеров, которые были слабыми воинами, к тому, чтобы отречься от Христа, дабы иметь возможность остаться во Франции. Тамплиер Пьер Пикар заявил: «Если бы я отказался отречься, меня бы отправили на Святую Землю».

Когда другой тамплиер стал протестовать против отречения, которого от него потребовали, его совесть заставила замолчать, сказав ему: «Перестаньте, бестолковый, вы потом расскажете об этом на исповеди». Другому как будто сказали: «Не волнуйтесь, это всего лишь шутка, это не по-настоящему».

Один из высших сановников ордена, Жоффруа де Гонневиль, приор Пуату и Аквитании, когда ему задали вопрос о причинах отречения, сказал, что основание этой традиции приписывали одному великому магистру-вероотступнику, который, оказавшись в плену у султана, смог получить свободу, только поклявшись, что введет в ордене обычай отречься от Христа. Гонневиль добавил, что, по словам некоторых, ставшая предметом осуждения церемония была создана в память о св. Петре, который трижды отрекся от Христа.

Эти объяснения не могут быть приняты всерьез. Как можно предположить, что великий магистр, попав в плен, посчитал, что нужно сдержать клятву, данную против своей воли в заключении? И возможно ли вспоминать об отречении св. Петра путем нового отречения?

Все это абсурдно. Если отдельные отречения и имели место, то это были единичные случаи порочного святотатства. Орден, объединявший несколько тысяч монахов, не смог бы сохраниться в течение двух веков, если бы в основе его лежали кощунственные действия. Как можно представить себе, что тысячи честных и правдивых людей, какими были большинство принимаемых в орден, могли согласиться начать благочестивую жизнь, совершив крайнее деяние, направленное против веры?

Возможно, что роскошь и честолюбие тамплиеров способствовали тому, что большинство из них потеряли веру. Но от безразличия к ереси не один шаг. Даже если вера рыцарей была уже не так крепка, не следует видеть в них предшественников деистов, что появятся в последующие века.

Одно дело — это исповедовать «католицизм головы» (во Франции это традиция, которая, как кажется, относится к Средневековью) и совсем другое — совершать кощунственные деяния. По здравому рассуждению, невозможно связать между собой церемонию принятия тамплиеров в орден и черные мессы, как это иногда делалось некоторыми.

Если детали, появившиеся по ходу допросов, и смущают, не следует забывать, в каких условиях велись эти допросы. Все было подтасовано в самом своем принципе. Ответы были буквально продиктованы палачами короля или инквизиции. Нам известно, что именно означают на протяжении всей истории и особенно после изобретения «сыворотки правды» некоторые якобы добровольные признания.

Впрочем, показания полны нелепостей и противоречий, которые дискредитируют даже самые правдоподобные высказывания. Например, тамплиер Жан де Пон-л'Эвек говорит, что в качестве наказания за отречение его исповедник-францисканец повелел ему поститься по пятницам и запретил ему целый год носить рубашку. Между тем устав уже предписывал пост по пятницам и запрещал снимать рубашку. Как связать это между собой? Невозможно полагаться на такие противоречивые подробности.

Мы увидим, что даже показания, собранные внешне беспристрастными папскими комиссиями, все же не являлись добровольными, поскольку они были даны под влиянием присутствующих там королевских чиновников, пристрастных легистов^{39}, везде выискивающих ересь.

Сверх того, по признанию Мишле, который изучил протокол процесса, в рукописях есть исправления и подчистки: это доказывает, что показания старались привести в соответствие с требованиями короля.

В книге *«История Франции»* Мишле объясняет отречение от веры, говоря, что принятие в орден новых братьев было навеяно театральными и очень своеобразными ритуалами времен раннего христианства: принимаемый в орден был называем грешником и вероотступником по примеру св. Петра. Его вступление в орден означало переход в другую веру и раскаяние: отказ от ошибок, олицетворяемый отречением. Поэтому последнее являлось всего лишь пантомимой, разыгранным сакральным действием, символика которого была понятна лишь посвященным. Потом не без влияния гордыни начались злоупотребления. Понемногу под воздействием «дьявольского эгоизма» ордену захотелось стать самодостаточным.

Гипотеза красивая, но при ближайшем рассмотрении не выдерживает критики. Если утверждение, что «суровая

самодостаточная религия» приводит к сатанизму, и справедливо, то невозможно представить, как целый религиозный орден с таким спокойствием утвердился в своем вероотступничестве и святотатстве. Сотни и тысячи монахов не могли добровольно перейти на сторону зла. Это потрясло бы столпы всего христианства.

Все, что мы только что сказали, в равной мере относится и к непристойным поцелуям, которые якобы имели место при принятии новых братьев. Мы говорили, что здесь речь могла идти об испытании и о бестактной шутке. Нужно мысленно перенестись в те грубые времена, когда бесстыдство переходило все границы. Устав предполагал, что тот, кто принимал нового брата в орден, должен был поцеловать его в губы *in signum bonae fidei et fraternae dilectionis* (в знак доброй веры и братского уважения). Теперь этот жест претит нашим западным нравам. Но он был естественен в феодальном церемониале, предполагавшем «поцелуй в уста», когда сюзерен принимал вассальную клятву. Этим поцелуем обменивались первые христиане. У русских, как и у большинства людей Востока, он в ходу и поныне.

В соответствии с текстом допроса тамплиеров в Эльне (Русильон), изученном Мишле, все тамплиеры утверждали, что они обменивались только поцелуями «in ore» (в уста). В этом сходятся все свидетельства, тогда как в тексте допроса, которому подверглись 140 тамплиеров из ордена Храма в Париже, часто фигурирует тройное обозначение «in ore, in umbilico et in fine spinae dorsi» (в уста, в пупок и низ спинного хребта). Некоторые тамплиеры говорят о поцелуях в плечо и в грудь. Все это вполне приемлемо и типично для некоторых восточных традиций. Остается объяснить, как тамплиеры сумели сделать из этого ритуала повод для непристойностей, так что даже средневековая народная поговорка гласила: «Берегитесь поцелуев тамплиеров». Если мы мысленно перенесемся в тот грубый и жестокий XII в., когда развращенность проникала даже в монастыри, никто не станет отрицать тот факт, что среди тамплиеров царили сквернословие и разврат.

Поверить в то, что в некоторых развращенных домах ордена Храма при принятии новых тамплиеров иногда имели место какие-то бесчестные и странные церемонии, нас заставляет тот факт, что в близком им ордене госпитальеров в подобных обстоятельствах можно

было наблюдать забавные развлечения. Делавиль ле Ру отмечал, что у госпитальеров переход послушника в чин брата ордена сопровождался «бурными и ироничными проявлениями радости. Существовал обычай наряжать нового члена ордена в шутовские одежды и заставлять его пройти по городу под звуки труб и барабанов». Потребовалось издание строгих распоряжений, чтобы пресечь эти правонарушения.

Если так обстояли дела «*coram populo*» (в присутствии народа), что же должно было происходить внутри орденских резиденций, где не нужно было заботиться о «сохранении лица»? Маскарад мог перерасти в дурной фарс: от бурлеска недалеко до пошлости и похабщины. Впрочем, Святой Престол был вынужден упрекнуть госпитальеров в их ставшей общеизвестной безнравственности.

Если нарушения имели место во время принятия в орден госпитальеров, то же самое происходило, само собой разумеется, при принятии в орден тамплиеров. Переход от бурлеска к непристойности может объяснить эти *oscula inhonesta* (постыдные поцелуи), которые мы больше обсуждать не будем.

Что же до обвинения в содомии, опять-таки невозможно допустить, что к этому пороку со спокойной извращенностью склоняли всех новых членов ордена. Совет прибегнуть к «противоестественным» действиям мог быть дан неким развратным лицом, принимающим в орден, а обвинение сделало эту ошибку общей. «Из-за одного говорят обо всех»: такая формула часто применяется недоброжелателями, когда речь идет о проступках, совершенных духовными лицами. В данном случае подобный шаг было сделать тем легче, что он основывался на внешне стройной логике. В течение всей истории последователям тайных культов и приверженцам оккультных мистерий всегда приписывали распутный образ жизни. Признания, касающиеся содомии, царящей среди тамплиеров, были вырваны под пытками, дабы сблизить их орден с еретическими сектами, которым вменялся в вину такой же разврат. (В содомии обвинялись гностические секты, манихеи, катары, альбигойцы и богомилы.)

Чтение признаний, собранных в ходе различных допросов, которые проводились во время судебного процесса, непременно должно произвести впечатление на «порядочного человека», поскольку в них присутствует спокойная уверенность, очевидная логика и

обманчивая правдоподобность объяснений, которые были предоставлены жертвами данного порока. Разрешение гомосексуализма представлено как уступка слишком сильным плотским желаниям. Также добавляется, что тамплиеры должны были избегать женщин, не столько из-за опасности, которой они могли подвергнуть добродетельность братьев, сколько из-за того, что они могли раскрыть секреты ордена...

Наконец, утверждается, что на Востоке этому противоестественному пороку предавались крестоносцы, приехавшие из Западной Европы, опасавшиеся заразиться проказой. Эти нравы распространялись на Западе с такой скоростью вследствие крестовых походов, что якобы Людовику Святому пришлось бороться с этими бесчинствами.

Поддерживая гипотезу о всеобщей виновности тамплиеров, можно было бы, следуя простой человеческой логике, признать все эти случаи, которым нет никакого оправдания, даже с точки зрения природной морали. Можно вспомнить о психоанализе, чтобы перечислить все сексуальные извращения, к которым приводит подавление желаний мужчинами, лишенными женщин и живущими в группе. Также можно добавить, что эти солдаты, скажем даже, эти солдафоны, не вели, как истинные монахи, аскетический образ жизни, который способствует сохранению целомудрия, поскольку им приходилось хорошо питаться, дабы поддерживать форму для участия в сражении. Но мы забываем, что они были обязаны часто поститься.

Оставим эти рассуждения, которые не могут нас полностью убедить. Однако следует выступить против неправомерных толкований, своим появлением обязанных тем, кто явно стремился очернить орден Храма. Именно так стиху, воспевающему монастырское братство, придали порочный смысл содомии: *«Похвально и радостно, что братья живут вместе»*. Что касается нравственности, как известно, всегда легко найти игривую двусмысленность в самых безобидных словах; таким образом, острый, быстрый и хитрый ум заставляет людей с самыми лучшими намерениями говорить чудовищные вещи. И ученый не преминет пуститься в объяснения, если они показывают его эрудицию в выгодном свете.

Эти объяснения иногда внешне выглядят очень правдоподобно. К тому же чаще всего признания так ловко изложены, что практически убеждают нас в своей правоте. Однако не следует поддаваться ложному впечатлению, которое создается при чтении данных признаний. Нельзя забывать, что такие упорядоченные, такие спокойные ответы большинства тамплиеров — это всего лишь запись криков боли и вырванного против воли согласия. Переписчики и секретари суда должны были обладать большой ловкостью, чтобы «сверстать» все бессвязные речи, бормотание и стоны жертв.

Иногда, правда, мы сталкиваемся с конкретным подтверждением содомии, но большинство обвиняемых утверждают даже под пыткой, что никогда не воспользовались тем особым разрешением, которое как будто было им дано в момент принятия в орден. Вот что необыкновенно убедительно доказывает невиновность ордена, по крайней мере, в том, что касается содомии.

Впрочем, устав ордена храмовников, как и ордена госпитальеров, не только предполагал самое суровое наказание за противоестественный порок, но и предписывал особые меры, с помощью которых можно было избежать нарушения устава; например, в помещениях, где ночевали братья, всегда должен был гореть светильник.

* * *

Одно из самых абсурдных обвинений, выдвинутых против тамплиеров, касалось пресловутого поклонения идолу, называемому «бафомет».

По поводу происхождения этого слова единого мнения не существует. Кто-то видит в нем искаженное имя Магомета. Другие относят происхождение этого слова к арабскому «*bahouted*», обозначающему теленка. Таким образом, идол тамплиеров якобы восходит к священному быку египтян Апису, к индийской корове, к ассирийскому быку, к золотому тельцу евреев и к священному камню в форме теленка, который друзья носили на груди в качестве амулета. Первобытные народы всегда почитали рогатый скот, считая его основным кормильцем человека.

Приверженцы первого толкования опираются на связи, которые, вне всякого сомнения, существовали между тамплиерами и мусульманами. Продолжатель Гильома Тирского сообщает, что тамплиеры поклонялись Магомету. Мы уже видели, что в Святой Земле при разных обстоятельствах тамплиеры проявляли по отношению к мусульманам расположение несколько подозрительное, но вполне объяснимое с точки зрения дипломатии. От этого далеко до вероотступничества, но только не для враждебных и резко настроенных против них умов.

По поводу происхождения слова «бафомет» приведем замечание еще одного ученого — Мюнтера: по его убеждению, волшебные фигурки или головы, которыми пользовались колдуны для занятий своим ремеслом и которые, как считалось, были оживлены дьяволом, назывались «*головами Магомета*» и происходили частью с Востока, частью из Испании. В любом случае они не могли принадлежать мусульманам, ибо, как известно, последние питали отвращение к культу изображений. Именно поэтому нелепо полагать, что тамплиеры произносили имя Аллаха, соответственно с арабской формулировкой, когда им показывали пресловутого идола.

Когда говорят о бафомете, речь не обязательно идет о простой голове, в чем признавались некоторые тамплиеры; иногда упоминается человеческая фигурка, объединяющая признаки обоих полов, которую некоторые путали с мандрагорой. (Известно, что в средние века все стремились найти корень мандрагоры, поскольку этому растению приписывались то благоприятные, то пагубные свойства. Считалось, что мандрагора вырастает у подножия виселиц из семени повешенных. Так как корень в основных чертах напоминал человеческую фигуру, его не осмеливались вырывать, поскольку, как говорилось, он кричал от боли и навлекал смерть на того, кто это делал. Поэтому для извлечения из земли этих растущих фетишей использовали специально выдрессированных собак.)

Некоторые говорили о голове свиньи. Другие рассказывали о шлеме, напоминавшем тамплиерам, что они были солдатами. Третьи объясняли, что идол был небольшим египетским сфинксом, символом магического молчания, о котором мы говорили выше; помещенный на столе капитула, он должен был напоминать тамплиерам о необходимости хранить в тайне все происходящее в ордене.

Разница во взглядах и толкованиях проистекает, как мы скоро определим, из полутьмы, которая окутывала всех тех, кто присутствовал на капитуле. Например, Жак де Анизи заявляет, что он не мог разглядеть идола: тот находился чересчур далеко, а комната освещалась лишь слабым пламенем одной небольшой свечи.

Из-за бафомета было потрачено немало чернил. Действительно, он является превосходной темой для любителей страшилок и театра ужасов.

Чаще всего в описываемых сценах присутствует огромное количество жутких деталей. Вспоминаются сеансы спиритизма и черные мессы.

В темной комнате, освещенной лишь дрожащим пламенем свечи, тайно собрались тамплиеры. Из таинственного сундука достается человеческая голова. Из чего она сделана: из дерева, кости, золота, серебра или золоченого дерева? Никто не знает. Поистине можно сказать: *«tot capita, tot sensus»* (сколько голов, столько и мнений). Многие утверждают, что голова была покрыта человеческой кожей. У нее черные курчавые волосы. У нее есть борода: черная, как говорят одни, седая, как утверждают другие. У нее две или четыре ноги и два лица, как у римского Януса. Глаза ее необычайно ярко блестят, словно карбункулы. При виде ее тамплиеров охватывает страх, и они превозносят ее, как бога плодородия, произнося арабские слова. Это и есть бафомет.

Таков романтический образ, так нравящийся бесчисленному множеству писателей и даже ученых. Они видят в бафомете египетского сфинкса, символ тайны или огдоад манихеев. Также вспоминаются тайны Изиды. Якобы тамплиеры в Сирии изучили иероглифы и привезли эти знания в Европу. Некоторые оккультисты считают, что бафомет — это не что иное, как Вечный отец гностиков. Для Хаммер-Пургсталя тамплиеры являются скрытыми гностиками. *«Baphometidos»* (крещение мудростью) якобы относилось к гностической мифологии, так же как *«sophia»* офитов.

Как кажется, было бы легко связать культ бафомета (символизирующего плодородие) с фаллическим культом древних народов или гностицизмом. Гностические секты поклонялись идолам с черной курчавой бородой, олицетворяющим повелителя материи или бога вождения. Поэтому их обвиняли в гнусных пороках.

Также существовали гностические чаши, что дало возможность ученому Хаммеру предположить, что легенда о святом Граале — это символическая история, одновременно скрывающая и доказывающая гностическую основу учения тамплиеров. Мы могли бы перечислить здесь целый ряд гипотез, касающихся восточного происхождения того, что неверно было названо ересью тамплиеров.

* * *

До чего же может довести стремление приписать ордену Храма все интеллектуальные и плотские извращения, которые человеческая порочность породила за многие века! Как только религиозное или светское общество становилось подозрительным, ему сразу начинали приписывать всевозможные мерзости. Дело тамплиеров — это прекрасный повод для безумных комментариев: всякие Соломоны Райнахи дали себе в этом полную волю. Они проявили недюжинную эрудицию, чтобы создать компрометирующие связи, тревожные совпадения. Ловко используя игру дедукции и индукции, рационалистическая школа приложила немало усилий, чтобы в запутанном и неясном деле тамплиеров появился ряд новых фактов и внешне убедительных объяснений. История оккультизма и эротизма давала ей богатую пищу. Потребовалось большое количество произведений, чтобы рассмотреть более или менее научно обоснованные фантазии, которые создают дурную ауру вокруг истории тамплиеров.

Похоже, что бафомет вскружил голову множеству людей. Рождались или пересказывались легенды, связанные с этой якобы магической головой. Вот что рассказывает Антуан Сикус де Верселлис, нотариус папского и королевского дворов:

Какой-то сеньор из Сидона страстно любил одну даму армянского происхождения. Он ни разу не обладал ею, пока она была жива. Он «познал» ее лишь в могиле, в ночь после ее погребения. Тогда ему был голос, который сказал: «Ты вернешься ко времени родов и найдешь голову, которую зачал».

Через определенное время рыцарь нашел между ног умершей человеческую голову. Эта голова как будто и стала бафометом.

Один тамплиер, Гуго де Форо, приводит иную версию этой легенды.

В графстве Триполи некий благородный дворянин любил некогда одну девушку. Пока она была жива, он не мог ею обладать, но после ее смерти он приказал выкопать ее тело и отрезать у него голову. Тогда ему был голос, который приказал тщательно хранить эту голову, потому что тот, кто ее увидит, погибнет. Он поместил ее в ларец. Во время путешествия от Кипра до Константинополя, которое совершал этот дворянин, какая-то женщина, завладев ключом от ларца, захотела из любопытства посмотреть, что в нем находилось. Она открыла его, и тотчас же на корабль, где находился обладатель ларца, обрушилась буря, и потопила его. При кораблекрушении смогли спастись лишь несколько матросов.

Как добавляли, с тех пор все рыбы, жившие в этой части моря, погибли...

Также говорилось о голове, которая время от времени появлялась в заливе Малой Азии, навлекая гибель на все суда, ходившие в те края.

К этим нелепостям следует добавить более современную легенду, действие которой разворачивается на грандиозном фоне гор Гаварни. Там в знаменитом цирке, известном большинству паломников Лурда, находится небольшая часовня, где некогда были погребены шесть тамплиеров. Поговаривают, что каждый год в годовщину смерти Жака де Моле, там как будто появляется призрак, на котором вместо савана надет белый плащ, украшенный красным крестом. В доспехах и с копьем он направляется к маленькой часовне. Он входит в нее медленным шагом и издает клич, который долго слышен в цирке: «Кто защитит святой Храм? Кто освободит гроб Христа?» При этом возгласе шесть голов погребенных тамплиеров оживают и приподнимаются, чтобы трижды ответить: «Никто! Никто! Храм разрушен!»

* * *

Истории, рассказанные о бафомете, давали возможность самым наивным людям провести пугающую связь между всеми этими головами. Было от чего ее потерять, мог бы сказать шутник, и именно

это и произошло с некоторыми ограниченными тамплиерами, которые по простоте душевной считали идолом то, что было всего лишь реликвией.

Если бы идолы и существовали в различных домах ордена, их бы нашли во время обысков, проведенных в один день и один час во всех командорствах Франции. Были составлены описи, наложены печати: «Нигде, даже на Кипре, — говорит Лавока, — не было найдено никаких следов идолов; были найдены деньги, ценности и архивы».

В большой часовне Храма в Париже был обнаружен реликварий в форме головы. 11 мая 1311 г. Гильом Пидуа, управляющий и хранитель имущества Храма принес папской комиссии, заседавшей в Париже, «большую, красивую голову из позолоченного серебра; она представляла собой изображение женщины, а внутри нее находились кости черепа, завернутые в белое вышитое полотно; сверху лежал, закрывая ее, саван (сшитый из тонкого полотна или сирийского газа) красноватого цвета. На вышитой надписи можно было прочесть слово и цифру: *Caput LVIII* Похоже было, что это кости черепа небольшой женской головки, и поговаривали, что это была голова одной из *одиннадцати тысяч девственников* (?). Гильом Пидуа подтвердил, что больше ничего не нашел в доме Храма» (Лавока).

Итак, пресловутый идол был всего-навсего реликварием из позолоченного серебра, обернутый драгоценной тканью: складки ткани, собранные под подбородком, образовывали нечто похожее на бороду. Благодаря драгоценным камням, оправленным в серебро, у робких создавалось впечатление, что на них бросают пронзительный взгляд сверкающие глаза. Реликварий стоял на скамейке с четырьмя ножками. Таков был магический идол о четырех ногах. А покрывало в полутьме издали напоминало старую человеческую кожу.

Некоторых братьев приглашали *почтить святыню*, а они подумали, что *поклоняться идолу*. Эти простые люди не понимали различия между культом единого бога и культом святых, между поклонением и почитанием. Однако, заметим, удивительно то, что такой высокий сановник, как досмотрщик Франции Гуго де Пейро, в своих показаниях не сделал различия между святыней и идолом. Нам неизвестно, в какой мере пытка могла притупить способности самых умных тамплиеров к критическому осмыслению. Но, если обвиняемые смогли отрицать некоторые факты, признавая при этом

обоснованность других упреков, почему Гуго де Пейро не выступил против обвинения в идолопоклонничестве, как другие отвергали обвинение в том, что занимались содомией? Если простые братья могли ошибаться в том, что касается святыни, то высшее духовное лицо, каким был досмотрщик Франции, мог бы просто уточнить факты. На это следует возразить, что верховный сановник не обязательно был более умным или более ловким юристом, чем простой брат. Мы увидим, что сам великий магистр окажется не в силах защититься. Рыцари-тамплиеры были неграмотными, как большинство сеньоров того времени. Как же тогда эти *малосведущие люди* должны были неловко выглядеть перед лицом юристов и знатоков канонического права! В конечном итоге, даже если обвиняемый сумел удачно защититься, мы этого никогда не узнаем, поскольку секретари суда, так же как и палачи, заставили их сказать все, что желал услышать инквизитор, и это подкреплялось подчистками в тексте и добавлениями.

Нюансы и различия, которые можно выявить в показаниях, были вставлены в текст переписчиками только для того, чтобы придать вырванным показаниям некую правдоподобность. Признания, полностью совпадающие по всем пунктам, могли бы вызвать недоверие тех, кто должен был вынести окончательный приговор. Чтобы оправдать действия короля, следовало составить бумаги, которые оставляли бы впечатление подлинности, непредвзятости и правдивости. Но это отнюдь не облегчает работу тех, кто хочет внести какую-то ясность в это запутанное дело.

* * *

Легенда о бафомете закрепилась настолько прочно, что это дело множество раз возобновлялось в течение последующих веков. В 1789 г. в Эссенуа, что в нескольких километрах от бывшего командорства Вулен, был найден в земле ларец из резного камня с выгравированными на нем арабскими письменами. Археологи считали, что это был ларец, где хранился бафомет тамплиеров, или «гностический» ларец. Палеографы с большим трудом сумели

расшифровать надпись на этом пресловутом объекте, так называемом ларце «герцога де Блака».

Перевод не оправдывает ничьих надежд, кроме тех, что питают любители всего таинственного: «Пусть восславится Мете (разум), что заставляет расти и расцветать, наш прародитель, это я с семерыми, отрицающий и восстающий против правоверности, все удовольствия окружают тебя».

Некоторые предположили, что этот ларец был всего лишь саркофагом египетской мумии. Остается объяснить, как он оказался закопанным в поле в нескольких километрах от командорства тамплиеров. Следует ли думать, что последние хотели скрыть некое вещественное доказательство, какое-то компрометирующее свидетельство? Предоставим ученым возможность спорить до потери дыхания о гностических тайнах и манихейских символах, изображенных на ларце. В ход снова идет черная магия и ритуалы, связанные с порочной сексуальностью. Некое двуполое существо, изображенное на одной из сторон ларца, якобы представляло собой бафомет, принимающий почести посвященных. Чистая гипотеза какого-то эрудита, умело играющего в захватывающую игру, которая состоит в том, чтобы сравнивать между собой религии или ереси, дабы связать их между собой таинственными и запутанными связями эзотерических доктрин, магии или эротизма.

В Лувре находится множество бронзовых статуэток, называемых бафометами. Это подделки: идола, которого можно было бы посчитать бафометом тамплиеров, не существует.

* * *

С бафометом связаны толкования, касающиеся пояска, который тамплиеры носили под одеждой, на рубашке. Ношение этого пояса предписывалось уставом. Его должны были одевать на ночь поверх рубашки «чтобы не касались свободно своей плоти». Он является символом целомудрия, а хулители тамплиеров сделали из него магический объект. По их словам, прежде чем надеть его на братьев, этим поясом проводили по идолу. Возможно, что в соответствии с обычаем Средневековья, тамплиеры прикасались к тому самому

реликвию каким-то предметом, который всегда держали при себе, например, поясом, но этот жест говорил лишь о набожности, его можно наблюдать во всех местах паломничества.

К тому же можно привести свидетельство тамплиера Ги Дофена, который объяснил: «Я пользовался этими поясками, которые прикасались к белому камню, что можно видеть в Назарете в том самом месте, где ангел принес благую весть преподобной Марии; они также прикладывались к мощам, принадлежавшим ордену за морем, мощам св. Поликарпа и св. Эуфимии».

Именно он и дает рационалистам прекрасный повод для рассуждений об амулетах. Ведь так легко приписать черной магии то, что относится к магии белой.

* * *

Большинство обвинений, выдвинутых против тамплиеров, присуще и всем судебным делам Средневековья, касающимся колдовства.

Тамплиерам вменялись в вину тысячи жестоких и садистских поступков: говорили, что они сжигали своих умерших, чтобы заставить новых приверженцев проглотить этот пепел, подмешивая его в еду и напитки. Также добавлялось, что они приглашали женщин на пиры, которые, когда гасили все огни, заканчивались всеобщими оргиями. При рождении детей, зачатых во время этих вакханалий, устраивался новый пир, по ходу которого новорожденных перебрасывали, словно мячи, из одних рук в другие, пока они не умирали. Тогда маленькие тельца жаривали, а их жиром смазывали бафомет.

Подобным обвинениям, как известно, подвергались и первые христиане.

Также капелланов ордена Храма упрекали в том, что, служа мессу, они опускали слова освящения гостии. Между тем тамплиеры питали такое уважение к таинству святого причастия, что их капелланы всегда носили перчатки, чтобы по возможности избежать оскверняющего прикосновения к своим рукам, которые должны были касаться святых даров.

Точно так же невозможно вменить им в вину тот факт, что в момент возношения даров они опускали головы вместо того, чтобы смотреть прямо на них. Проявление благоговения при виде святых даров было очень распространено в то время, но, как и множество католиков в наши дни, тамплиеры могли посчитать, что в этот момент им следовало пасть ниц. В этом трудно увидеть знак пренебрежения.

Если бы нам надо было рассмотреть все так называемые прегрешения ордена Храма, мы бы не смогли остановиться. Например, они не могли ни крестить детей, ни входить в дом, где находилась роженица. Если по ошибке они все же входили туда, то выходить им следовало, пятась задом наперед, «о чем отвратительно рассказывать», — говорит обвинительное заключение.

Непонятно, что здесь заслуживает порицания: обвинителям пришлось немало потрудиться, чтобы раздуть из мухи слона, чтобы придать безобидным действиям видимость проступков. По-видимому, их воображение распалялось, как в случае коллективной галлюцинации. Об этом можно судить по ханжескому тону, которым написано обвинительное заключение, отмечающее, что принятие в орден новых братьев происходил тайно, а это является «большим позором для церкви и очевидной опасностью для спасения душ».

Горе тем, на кого были нацелены эти исступленные речи, эта государственная пропаганда, и с кем тоталитарный режим стремится затеять «ссоры по пустякам», дабы избавиться от неудобных!

Не будем останавливаться на упреках, касающихся исповеди. Утверждалось, что великий магистр, несмотря на то что был мирянином, как будто выслушивал тайну исповеди: он даже отпускал грехи, которые не были исповеданы. Мы уже говорили, что самые простодушные путали исповедь с монашеским покаянием. Многие братья полагали, что отпущение грехов, данное капелланом в конце капитула, снимало с них вину за проступок, в котором они не признались.

* * *

Многие авторы значительно романтизировали вступление и пресловутое принятие новых рыцарей в орден Храма. В любопытном

труде «*Великие Тамплиеры*» Джон Шарпентье проявляет недюжинный талант режиссера, описывая церемонию принятия в орден. Великий магистр Гильом Шартрский лично выслушивает клятву кандидата, некоего Ганса из Ингельхейма.

Первая выдуманная деталь: великий магистр говорит вступающему, что орден имеет право распоряжаться жизнью и смертью рыцарей. Но дадим слово автору:

— *Моя жизнь принадлежит вам, — ответил Ганс.*

— *Прекрасно! — одобрил Гильом Шартрский. — Поклянитесь этими органами, которые свидетельствуют о вашей принадлежности к мужскому полу!*

— *Я клянусь! — торжественно провозгласил рыцарь, прикоснувшись левой рукой к паху и вытянув правую перед собой.*

Мы не нашли ничего, что бы напоминало эту своеобразную клятву в документах, касающихся ордена Храма.

Затем следует настоящая фантазмагория, в которой участвуют Святое Распятие и Антихрист. Наконец Ганса вводят в тайную комнату, где находится окутанная покрывалом статуя. С бафомета (ибо речь идет именно о нем) снимают покров. «Посвящаемый в тайну», то есть новый рыцарь должен выбрать один из двух сосудов (кантаров Бахуса), в одном из которых заключалось вино истины, в другом — вино заблуждений.

Наконец посвящаемый должен поцеловать статую в семь мест, соответствующих различным нервным сплетениям, в том числе и в поясничное и в крестцовое сплетение...

Это весьма элегантный способ одновременно вспомнить и бафомет, и все «*oscula inhonesta*» (*постыдные поцелуи*). Но нет ли в этой милой фантазии доли истины? Не были ли похотливые развлечения, о которых мы говорили, связаны с некоей туманной космогонией, с обращением к древним тайнам? Утверждая подобное, мы даем чересчур большое преимущество оккультистам.

А вот, собственно говоря, и сатанизм.

По словам обвинителей ордена, тамплиеры якобы сохраняли демонические традиции, восходящие к героическому периоду в истории ордена, к временам, когда на двух братьев у них была лишь одна лошадь. Однажды ехавшим верхом двум тамплиерам внезапно стала угрожать большая опасность. Один из сидящих в седле рыцарей препоручил свою жизнь дьяволу, тогда как другой призывал Иисуса Христа. Первый вышел невредимым из опасного приключения и посоветовал другому, быть может, менее удачливому, всегда поручать свою жизнь дьяволу.

Совету стали следовать: этим можно было бы одновременно объяснить и необыкновенное богатство ордена, и его распущенность.

Любители совпадений соотносят эту дьявольскую легенду о двух рыцарях с двуликостью бородатого бафомета.

Будет утверждаться, что тамплиеры на капитулах поклонялись демону в обличье кота. Предполагалось, что этот кот вступал в беседу с помощниками, и таким образом они вызывали появление других демонических фигур, последние являлись в виде сладострастных женщин, с которыми каждый «поступал по своему усмотрению», как во всех случаях с суккубами.

Эти рассказы позволяют констатировать тот факт, что обвинения, обращенные к тамплиерам, напоминают упреки, выдвинутые против различных сект, которые подозревались в сношениях с демоном, например, против манихеев. Проявление манихейства усматривалось в том, что при возникновении ордена два рыцаря ездили на одной лошади, или же в том, что тамплиерам было предписано есть вдвоем из одной миски. Жюль Луазелер считает тамплиеров простыми последователями катаров и, следовательно, поклоняющимися злему началу. В связи с ними вспоминались Элевсинские мистерии^{40}.

С другой стороны, в отречении от Бога обвинялись альбигойцы и вальденсы, равно как и колдуны, которым также приписывались убийства детей, рожденных от кровосмесительных связей. Что касается непристойных поцелуев, отметим, что в процессах, связанных с колдовством, ведьмы обвинялись в поклонении козлу, «*osculantes ilium in ano suo*» (поцелуях его в зад).

Если оценивать все то, в чем упрекали тамплиеров, кажется, что враждебно настроенным хулителям ордена нужно было лишь

пополнять свои обвинения из запаса тех ужасов, что приписывались в течение веков еретикам, колдунам, магам и всем тем, кто, как предполагалось, что-то замышлял против властей и разрушал мировой порядок.

Впрочем, в средние века еретик считался своего рода анархистом, точно так же как в эпоху Ренессанса протестанта в политике принимали, главным образом, за революционера.

Если между тамплиерами и альбигойцами и существовали связи, то их изучение не входит в наши планы. Единственное, что установлено наверняка, — это то, что альбигойская ересь практически полностью исчезла в начале XIV в.

Во время судебного процесса против тамплиеров при здравом размышлении невозможно было представить себе духовную связь между рыцарями-тамплиерами и еретиками с юга Франции, какими бы ни были сравнения, приводимые теми, кто их искал. Всегда легко связать доктрину, которую хотят осудить, с какой-нибудь исчезнувшей ересью. Именно это и сделали с тамплиерами, обвинив их в альбигойстве.

Возможно, в орден Храма проникли какие-то идеи учения катаров, оттого что катарам, которых принудили к раскаянию, иногда приходилось вступать в орден тамплиеров, чтобы искупить свою вину. В числе этих идей мы отметили страх альбигойцев перед беременной женщиной, запрет входить в дом, где находится женщина, мучимая родами. Но были еще и другие, и отречение от Христа являлось всего лишь логическим следствием вероисповедания, не признававшего божественного воплощения. Следовало бы отнести эти религиозные заблуждения к тем, что исповедовались богомилами, сатанистами и иоаннитами.

В связи с этими ересями достаточно вспомнить, что в начале XIII в. тамплиеры участвовали в крестовом походе против альбигойцев. Таким образом, они, по словам клеветников, якобы снова заключили сделку с врагом...

Неизвестно, принесло ли вмешательство тамплиеров свои плоды во время этого похода в Западной Европе. Они были обязаны нести военную службу королю только во время крестового похода, но их помощь не ограничилась только лишь военными действиями. В 1212 г. тамплиеры вошли в комиссию, созданную Симоном де Монфором^[41].

с целью написать устав, известный под названием «*Статуты Памье*» и предназначенный для налаживания жизни в стране, отвоеванной у еретиков.

Если бы тамплиеры подозревались в поддержке альбигойской веры, Папа Иннокентий III, столь ловко изобличавший ересь, не преминул бы это заметить.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава I

АРЕСТЫ 13 ОКТЯБРЯ 1307 г.

Таким образом, король Филипп Красивый благосклонно отнесся к наговорам горожанина Безье Эскье де Флуарана. А злые гении из его окружения, такие как печально известный Ногаре, спешили подтолкнуть монарха к конкретным действиям.

Король весьма был склонен прислушиваться к словам тех, кто советовал ему применить силу, но он знал, что ему необходимо заручиться поддержкой Папы. Орден Храма подчинялся непосредственно понтифику. Поэтому важно было проявить осторожность и осмотрительность.

Филипп Красивый приказал Ногаре начать расследование, предложив известить об этом Папу. Расследование будет долгим: оно будет вестись два года. Это указывает на то, что дело продвигалось на ощупь, что давало дорогу интригам и махинациям.

Основными информаторами короля стали бывшие тамплиеры, изгнанные из ордена за недостойное поведение. Также упоминаются двенадцать братьев, которые, выйдя из ордена, вновь возвратились туда, изобразив раскаяние, чтобы шпионить за делами и поступками тамплиеров. Эти мастера на все руки, не имеющие ни стыда ни совести, как кажется, сами специально совершили некоторые преступления, в которых обвиняли тамплиеров, чтобы создать напряженную обстановку и спровоцировать выявление новых фактов прегрешений ордена.

Наконец бывшие тамплиеры были задержаны, и их заключение в течение долгого времени держалось в секрете. В конце концов, Ногаре при поддержке великого инквизитора Франции Гильома Эмбера, получил от этих пленников обещания доказать, что в ордене тамплиеров совершались преступления.

Король основывал свои обвинения именно на этих подозрительных свидетельствах.

Ожидая, когда его тайное расследование даст первые результаты, король в письме известил об этом Папу.

Помимо этого вопрос о тамплиерах много раз будет затрагиваться в беседах, которые Филипп Красивый и Климент V будут вести до и во время празднеств, посвященных восшествию на трон Папы Римского, в Лионе 15 ноября 1305 г.

Поначалу Папа отказывался верить в обоснованность обвинений. Он добавил, что как только тамплиеры узнали о том, что замышляется против них, они сами объявили о своем подчинении решению Папы. Это означало, что они были уверены в себе и своей невиновности.

На протяжении всего 1306 г. между курией и двором шла бурная переписка. Папа медлил: он хотел выиграть время. Впрочем, он болел, и с августа по ноябрь не хотел никого принимать.

В июне того же 1306 г. вспыхнул мятеж, о котором мы говорили и во время которого король укрылся в резиденции Храма. Филиппу Красивому было нелегко бежать от народного преследования. Простолюдины захватили все выходы и заявляли, что хотят заморить голодом короля. Несмотря на верность и храброе поведение, которое тамплиеры проявили в данных обстоятельствах, их, как мы уже сказали, обвинили в подстрекательстве к мятежу.

В конце этого же года при дворе Франции состоялось тайное заседание совета, на котором присутствовали кардиналы Беренгар Фредоль и Этьен де Сюизи. На совете, по всей видимости, было решено возбудить судебное дело против тамплиеров.

* * *

На встрече между Папой и королем, которая произошла весной 1307 г. в Пуатье, встал вопрос о слиянии орденов тамплиеров и госпитальеров. Папа, встревоженный словами кардиналов Беренгара Фредоля и Этьена де Сюизи, конечно же, рассчитывал избежать предполагаемого процесса, присоединив тамплиеров к другому ордену, который не навлек на себя столько упреков, как орден Храма.

Идея объединить тамплиеров и госпитальеров в один орден была не нова. Выдвинутая королем Людовиком Святым около 1265 г., она рассматривалась 7 мая 1274 г. на Вселенском Соборе в Лионе Папой Григорием X в присутствии двух представителей обоих орденов. План был отвергнут по причине возможных возражений со стороны королей

Кастилии, которые боялись, что слияние орденов может нанести ущерб трем орденам их королевства: орденам Сантьяго, Калатраве и Алькантаре.

Карл II Анжуйский, король Неаполя и Сицилии, также находившийся в Пуатье^{42}, предложил в 1293 г. объединить в один новый орден все существовавшие военные ордены. Во главе его стал бы сын короля или какой-нибудь князь благородного происхождения, одновременно получивший бы и корону Иерусалима. Этот план, предложенный Папой Николаем IV христианским государям, был ранее одобрен на Страсбургском Соборе, но Папа вскоре умер.

Также можно привести план объединения, который предложил Раймунд Луллий^{43}: его план был сначала принят, а потом отвергнут Бонифацием VIII.

Наконец Дюбуа, «легист из Кутанса» и советник короля, защищал ту же самую идею в труде «*De recuperatione Terrae Sanctae*» (*О возвращении Святой Земли*). Он предлагал заставить тамплиеров и госпитальеров объединиться и жить за счет своих богатств в странах Востока. Должность великого магистра была бы передана королю Кипра. Поскольку у этого монарха не было детей, Дюбуа делал вывод, что этот сан перешел бы потом ко второму сыну Филиппа Красивого. Таким образом, французский принц унаследовал бы остров Кипр и высокое звание, что сделало бы его «одним из самых богатых и самых могущественных государей Леванта». Так можно было бы постепенно изъять все имущество орденов тамплиеров и госпитальеров в Европе, что принесло бы королевству 800 000 турецких ливров в год. Эта сумма могла бы быть направлена на покупку кораблей и провизии, чтобы дать возможность отправиться в крестовый поход. В приорствах и командорствах следовало бы основывать школы для девочек и мальчиков, усыновленных из благих намерений в ходе крестовых походов. Там им преподавались бы ремесла, медицина, астрономия и восточные языки.

Никто не принял всерьез этот абсурдный план. Отметим, однако, что труд Дюбуа не осуждал орден Храма: он только упрекал его в бесполезности. К тому же дело тамплиеров вписывалось в большой тоталитарный план, реализация которого должна была по замыслу его создателя навсегда закрепить всеисилие французской монархии. Ренан это прекрасно понимал: «Под предлогом крестового похода сделать

короля Франции главой христианства, передать ему бенефиции папства, часть доходов Церкви и, в особенности, ценности орденов, посвятивших себя Священной войне, — таков был план, разработанный небольшой секретной школой, где Дюбуа играл роль утописта, а Ногаре — исполнителя»^{44}.

Прецеденты случались и раньше: в 1229 г. Фридрих II изгнал тамплиеров с Сицилии и изъял их ценности.

* * *

Мы уже видели, что великий магистр ордена Храма, Жак де Моле, к которому Папа обратился с вопросом о слиянии орденов, высказал свое мнение по поводу существующего положения вещей.

Мало вероятно, чтобы Климент V обратил внимание на план, который неоднократно отвергался его предшественниками. Нужно было действовать быстрее. Обвинения, сфабрикованные королем, требовали тщательной проверки. Папа взял с короля обещание, что тот станет сообщать ему о результатах расследования, которое вел Ногаре. Что и будет сделано. Также в Пуатье поднимался вопрос о возобновлении процесса над Бонифацием VIII. В связи с этим была собрана комиссия кардиналов и они предложили компромисс: Папа отменит меры, принятые против Франции его предшественником^{45}, а король предоставит Клименту самому завершить процесс над Бонифацием VIII.

По мнению Лизерана, дело тамплиеров несколько не привлекло внимания Папы в Пуатье. Разговор между ним и королем на эту тему был весьма кратким: он продолжался столько времени, сколько нужно, чтобы пройти из папских апартаментов в зал публичных заседаний.

Впоследствии происходил обмен многочисленными письмами и посланниками. Поначалу наговоры Филиппа Красивого не смогли поколебать уверенность Климента V. Он с недоверием относился к интригам короля, тем более что великий магистр сам просил Святой Престол со своей стороны провести обстоятельное расследование. Климент V уступил желанию Жака де Моле и 24 августа 1307 г. приказал начать расследование или, скорее, судебное разбирательство, которое велось в соответствии с действующими правилами. Высокие

сановники ордена Храма требовали оправдательного приговора, если бы их невиновность была установлена папскими судьями: в противоположном случае они согласны были принять наказание.

* * *

Чтобы внести некую ясность в это чрезвычайно запутанное дело, нам нужно отныне следовать строгой хронологии. Так как даты были перепутаны Дюпюи (нарочно, как утверждают некоторые), первым историком ордена Храма, не так-то просто проследить события день за днем.

Расследование Папы велось уже в течение трех недель, когда 14 ноября 1307 г. Филипп Красивый тайно отправил своим чиновникам в запечатанных письмах пространное послание, касающиеся тамплиеров. Эти служащие короны должны были распечатать их только в назначенный день. Письмо содержало обоснование четырех главных пунктов обвинения: отречение от Христа, принудительная содомия, опущение капелланами тамплиеров слов при освящении гостии и, наконец, поклонение идолу. Королевское послание заканчивалось приказом чиновникам арестовать 13 октября всех тамплиеров, что находились в их бальяжах. Король опасался проволочек канонического судопроизводства. Он хотел действовать быстро, пока это дело не выскользнуло из его рук.

22 сентября в монастыре Мобюиссон Ногаре был назначен хранителем печати и главой канцелярии, сменив на этом посту Жиля Асцелина, архиепископа Нарбоннского. Последний, отнюдь не намереваясь наносить удар по ордену тамплиеров без согласия Папы, отказался скрепить печатью письма, в которых содержался приказ об аресте рыцарей-монахов.

В тот же день главный инквизитор Гильом де Пари направил послание инквизиторам Тулузы и Каркассона, приорам, помощникам приоров и причетникам ордена доминиканцев, чтобы приказать им начать допрос тамплиеров в связи с преступлениями, в которых обвиняла их молва. Но обвиняемые могли предстать перед судом инквизиции только после первого допроса, проведенного королевскими чиновниками. Инквизиторам было разрешено прибегать

к пыткам, «если будет в том нужда». После признания обвиняемым были бы прощены грехи, и их бы выпустили; если бы они упорно все отрицали, они были бы приговорены к смерти. Такой была альтернатива, предлагаемая инквизицией своим жертвам. Как видно, все было подготовлено, ставки были сделаны еще даже раньше, чем начались сами аресты, о которых мы сейчас расскажем.

26 сентября Папа попросил короля предоставить ему новые сведения о проведении расследования. Он желал вновь взять это дело в свои руки. Его держали в неведении относительно готовящихся арестов. Ногаре был полон злобы на Папу за то, что тот отказался принять его в Пуатье и не стал снимать обвинения, выдвинутые Папой Бенедиктом XI против виновника нападения на Бонифация VIII в Ананьи.

12 октября ничто не предвещало неотвратимой развязки: Жак де Моле, великий магистр ордена Храма, присутствовал на похоронах принцессы Екатерины де Куртене, супруги Карла де Валуа и внучки Балдуина II, императора Константинополя. Великий магистр, стоя возле короля, держал один из шнуров покрывала на гробе.

На следующий день, 13 октября 1307 г. все тамплиеры королевства были арестованы в одно и то же время. Этот прием был известен: точно так же поступили в 1291 году с ломбардскими банкирами, а в 1306 — с евреями.

Приказ об аресте был выполнен в точности, как о том свидетельствует письмо, герцога Брабантского к королю: «Мы прекрасно поняли, как вы приказали поступить с делом тамплиеров. Мы схватили всех тамплиеров, находящихся на нашей земле, и они находятся в нашей власти, и их имущество находится под арестом, так как вы нам повелели».

Все детали операции были тщательно проработаны. Членам комиссии нужно было изобразить обыкновенную проверку, но за ними следом должны были следовать бальи, сенешали и вооруженная охрана. Нескольким тамплиерам удалось скрыться; некоторые, как говорили, повесились или бросились вниз с башен в своих поместьях.

Жак де Моле был арестован самим Ногаре в парижском Тампле. Едва он покинул его величественные стены, как туда приехал король. Он явился, чтобы обосноваться в этой гордой крепости, где несколько лет назад скрывался, преследуемый по пятам криками мятежников.

Через порог ордена Храма переступил уже не испуганный правитель, а празднующий победу деспот, только что уничтоживший тех, кто внушал ему опасения, в их собственном жилище. Филипп отдал приказ перевезти в крепость, которая отныне будет принадлежать ему, его собственную казну и архивы Франции. Казну Храма он добавил к богатствам своего рода и государственной казне, доставленной из Лувра. Его казначеи вновь взяли в свои руки управление королевскими финансами, которыми до этого момента распоряжались тамплиеры.

Для короля башня Тампля являлась символом ненавистной власти, которой обладали его враги: король ненавидел эту башню с мальчишеским пылом. Переселяясь в новую резиденцию, он приказал выкопать останки строителя башни и развеять их по ветру, как будто речь шла о еретике. Этот поступок свидетельствует о злобной мелочности короля, которого его апологеты описывают как человека уравновешенного, вдумчивого и всегда владеющего собой.

Гильом де Ногаре поспешил оправдать в глазах народа неожиданные меры, принятые Филиппом Красивым. Он обратился к клирикам и народу с воззванием, дабы подчеркнуть тот факт, что король всего лишь подчинился воле Гильома Эмбера, главного инквизитора Франции. Ногаре не исполнял мнения Папы, но дает понять, что понтифик согласен с королем. Таким образом, он лгал, чтобы утихомирить первые всплески волнения, вызванного поступком, представлявшимся незаконным в глазах этих простых людей, которые, несмотря на свое предубеждение против ордена Храма, обладали чувством справедливости. «Государственные интересы», значение которых в это время понималось еще смутно, не могли возобладать над привилегиями, которыми пользовались люди Церкви.

Его послание отличалось особой напыщенностью. Оно начиналось со следующих слов: «Прискорбное дело, горестное дело, злодеяние, о котором ужасно подумать, и страшно услышать, отвратительное, гнусное, омерзительное и нечеловеческое достигло наших ушей, заставив нас содрогнуться от ужаса».

И Ногаре с очевидным удовольствием описывает все то, в чем упрекали тамплиеров, начиная с отречения от Христа, до опущения слов в ходе церемонии освящения гостии, не забывая о противоестественных преступлениях.

На следующий день 14 октября Ногаре призывал в зал капитула собора Парижской Богоматери магистров факультета теологии, каноников, прево Парижа и других королевских чиновников. Перед лицом этого собрания «проклятая душа» — Филипп Красивый изложил историю дела и пересмотрел различные обвинения против тамплиеров.

15 октября Ногаре обратился к толпе. Он воспользовался воскресным днем, чтобы собрать как можно большее количество людей в саду королевского дворца. На этом «митинге» доминиканские монахи и королевские чиновники одни за другими брали слово, чтобы попытаться оправдать поступки, всколыхнувшие общественное мнение. Пусть тамплиеры и не вызывали к себе уважения, однако всех возмущало то, что с ними обращались как с преступниками.

* * *

Во всем королевстве королевские чиновники допрашивали пленников и описывали имущество ордена тамплиеров, чтобы управлять им от имени короля.

Во время допросов применялись пытки, и это имело самое большое значение в свете того, что за ними последовало. Действительно, обвиняемые, признавшись в чем-либо под пытками, не смели отказаться от сказанного, ибо в сознании людей средневековья тот факт, что кто-то вновь отрицал проступок, в котором уже признался, был чрезвычайно важен. Это означало упорствовать в своем заблуждении, а *«perseverare diabolicum»* (упорствовать в дьявольском заблуждении) воспринималось в буквальном смысле слова. Запирающийся считался нераскаявшимся еретиком, и его казнили без дальнейших судебных разбирательств. Таким образом, первоначальное признание, сделанное под пыткой, в дальнейшем постоянно влияло на поступки обвиняемых, какими бы ни были впоследствии судьи и суды, перед которыми снова представляли обвиняемые.

Доказано, что действия чиновников короля отличались жестокостью. Это было началом государственной инквизиции.

Когда король испросил совета у теологов из числа своих приближенных, ему ответили, что светский судья не достаточно компетентен, чтобы разобраться в этом деле, поскольку речь идет о ереси. Король может вмешаться, только если об этом попросит церковь. Вследствие этого король не мог отобрать их имущество. В данном случае речь идет о лицах духовного звания, «не подчиняющихся судье-мирянину». Филипп Красивый согласился с мнением своих теологов и решил предать тамплиеров суду церковному. Отметим, что великий инквизитор был исповедником короля. Можно догадаться, что Гильому де Пари было нетрудно убедить своего подопечного. Паутина заговора плелась с точностью, которую вполне можно назвать дьявольской, поскольку король явным образом подчинялся... демону алчности.

Поэтому именно инквизиция будет вести процесс против ордена. А Ногаре придется иметь дело с организацией, к которой он, должно быть, питал особую ненависть: действительно, как нам сообщает Ж. Гиро^[46], «он принадлежал к семье катаров из окрестностей Каркассона; его дед был сожжен как еретик, и, если бы соблюдалось церковное и гражданское законодательство, ограничивающее детей и внуков еретиков в правах, он не мог бы исполнять те важные обязанности, которые у него были, а также те, которые король, оказывая доверие, вскоре на него возложит».

Этот внук еретика не имел ни малейших навыков, чтобы разобраться в деле, касающемся веры и нравственности.

* * *

С 19 октября по 24 ноября в нижнем зале парижского Тампля сто тридцать восемь тамплиеров предстали перед великим инквизитором Гильомом Эмбером, который действовал без законного на то основания.

Там было несколько монахов, советников короля, как, например, Симон де Монтиньи, секретари суда, палачи и простолюдины.

Хотя протокол об этом не упоминает, дело не обошлось без пыток; он них умерли двадцать пять тамплиеров. «Мы слышали, — говорит аббат Верто, — одни лишь крики и стоны тех, кого пытали

раскаленными клещами, кому ломали и вырывали члены тела при пытке». Целый месяц обвиняемые сидели на хлебе и воде; они появлялись ослабевшими, измученными, изнемогающими. Неудивительно, что при том слабом физическом состоянии, в котором они находились, многие из них были вынуждены против своей воли признаться во всем, что от них требовали: в отречении от Христа, оскорблении креста, подстрекательстве к содомии, сатанинских ритуалах и пр. Несмотря на мучения многие братья отвергали обвинения, а трое отказались говорить.

Чтобы избежать пыток, большое число тамплиеров добровольно дали показания.

По словам Молла, из ста сорока обвиняемых только четверо заявили, что они невиновны. Все признались в богохульстве. Три четверти сознались в том, что совершали непристойные жесты при принятии в орден. Четвертая часть признала подстрекательство к мужеложству. Все яростно отрицали свою причастность к этому греху. Мы остановимся только на признаниях, вырванных под пытками у высших сановников.

Жак де Моле заявил, что тот, кто принял его в орден в Боне, приказал ему отречься от Христа и плюнуть на распятие. Якобы Моле против своей воли отрекся, *«ore sed non corde»* (устами, но не сердцем) и плюнул не на крест, а рядом с ним.

Гуго де Пейро, главный досмотрщик Франции, признался в том, что отрекся от Христа, даровал непристойные поцелуи, подстрекал к мужеложству и поклонялся идолу.

Жоффруа де Шарне заявил, что тот, кто принимал его, считал Христа «лжепророком», и что он сам трижды отрекся от Христа на словах, но не в сердце. Он слышал, как приор Оверни, Жераре де Созе говорил, что «лучше братья совокупляются друг с другом, чем вступают в половую связь с женщинами».

Повторим еще раз, что все эти признания были вырваны под пыткой.

Прежде чем продолжить изучение судебного процесса, нам нужно изучить средства принуждения, которыми пользовались суды инквизиции. Дело тамплиеров станет понятнее, если вспомнить о жестокости пыток, применяемых для того, чтобы заставить обвиняемых сделать признание.

Вспомним, что поначалу пытка применялась исключительно светскими судами: оттуда она пришла в суды церковные.

Основными применяемыми методами были козлы, дыба, горящий факел или пылающие угли. Реже прибегали к пытке водой или испанским сапожком. Наконец, случалось, что к гениталиям осужденных привешивали груз.

Козлы представляли собой треугольную подставку, на которой находился распростертый и привязанный пытаемый человек. Домкрат позволял ослаблять или натягивать веревки, удерживающие руки и ноги жертвы, которые, в конце концов, отрывались.

Очевидно, что после таких ужасных пыток обвиняемые становились калеками.

При пытке на дыбе обвиняемый, руки которого были связаны за спиной, поднимался в воздух при помощи блока и лебедки на высоту кронштейна с креплением или просто до потолка комнаты пыток; затем его резко опускали почти до пола. Такое повторялось неоднократно. Жестокие палачи иногда привязывали груз к ногам пытаемого, чтобы увеличить силу падения.

Вот рассказ Вакандара^{47}, в деталях описывающего пытку огнем: «Разжигается жаркий огонь, затем закованного в цепи или кандалы пытаемого кладут навзничь, повернув его ногами к огню, мажут его ноги салом, жиром или другим возгораемым и хорошо пропитывающим веществом. Таким образом их чрезвычайно сильно нагревают. Время от времени между его ногами и печью ставится экран, это момент передышки, дающий инквизитору вернуться к допросу».

Проблема инквизиторских пыток слишком сложна, чтобы мы продолжали ее исследовать на страницах этой книги. Неоспоримо то, что применение пыток было разрешено Папой, который одобрил сам их принцип, определив условия, при которых разрешалось пытать обвиняемого; впрочем, эти условия далеко не всегда соблюдались. Здесь можно согласиться с заключением Вакандара: «Церковь, забыв

свою исконную традицию терпимости, позаимствовала у римского права, бывшего в почете у легистов, законы и методы, от которых пахнет варварством древних времен. Но как только этот уголовный кодекс был принят, она попыталась смягчить его суровость применения на практике».

Что касается дела тамплиеров, мы знаем, что инквизиторы широко пользовались данным им разрешением прибегать к пыткам.

Порой пытки будут так ужасны, что они повлекут за собой смерть жертв. Их жестокость попытались оправдать, сославшись на упорство тамплиеров, не желающих раскрывать тайны, которые они поклялись никогда не разглашать. Чтобы заставить заговорить этих «онемевших по приказу», следовало, как говорили, удвоить дозу. Но это не оправдывает чрезмерной суровости, которую Папа не преминул осудить.

Гонители ордена дойдут до того, что будут выкапывать погребенных тамплиеров, чтобы сжечь их останки, как часто поступали с еретиками.

Глава II

КЛИМЕНТ V И ФИЛИПП КРАСИВЫЙ

Первые шаги против ордена Храма были сделаны без ведома Папы Римского. Климент V узнал о массовом заключении тамплиеров под стражу только при аресте досмотрщика Франции Гуго де Пейро, который находился при папском дворе и был увезен в Лош. Папа был в отъезде, он спешно вернулся в свою резиденцию в Пуатье, сильно задетый действиями короля. Он осудил грубое обращение, которому подверглись люди Церкви: король фактически пренебрег тем, что тамплиеры подчинялись непосредственно Церкви.

17 октября была собрана консистория. Поскольку один из кардиналов был болен, Папа настоял, чтобы его принесли в постели, что свидетельствует о том, какое значение Папа Римский придавал этому собранию. На следующий день Климент принял прокуроров и казначеев ордена Храма, находившихся при его дворе. Он обещал им найти решение, чтобы спасти орден и попросил их не спасаться бегством. Прокуроры ответили, что за двести лет тамплиеры никогда не боялись смерти.

Со своей стороны, король посылал все больше писем иностранным правителям и прелатам и даже частным лицам, чтобы создать благоприятную для себя обстановку. Ему хотелось, чтобы тамплиеров преследовали повсюду. Полученные им ответы были весьма сдержанными и, должно быть, ему не понравились. Большинство адресатов короля — как, например, епископ Льежа — отвечали, что это дело должно находиться в ведении Папы, единственного человека, кто был вправе отдавать приказы в том, что касалось столь деликатной темы.

Все это должно было раздражать короля, тем более что Папа занял пассивную позицию: а это могло бы ободрить обвиняемых.

25 октября пять сановников ордена, среди которых был и великий магистр, предстали перед ассамблеей духовных лиц, докторов теологии и докторов Университета, собравшихся в Тампле. Все пятеро повторили показания, данные великому инквизитору. Моле признал, в частности, что вмененные им в вину преступления совершаются уже

давно, в том числе и то, что они плюют на крест. После этого признания Жак де Моле умолял присутствующих испросить для него у Папы отпущение грехов, а у короля — прощение, говоря, что он примет то наказание, которое они захотят ему назначить.

После этой аудиенции Моле письменно призывал всех тамплиеров в королевстве признаться инквизиции или епископской власти в том, что им известно. В этом послании, скрепленном его подписью, великий магистр напоминал братьям о священной покорности. Этот документ должен был бы произвести большое впечатление во всех отделениях ордена во Франции; он должен был бы повлиять на всех тех, кто еще желал защищать орден Храма. Между тем то была фальшивка: данная бумага была сфабрикована в соответствии с нуждами дела. И это не единственный обман, вина за который лежит на чиновниках короля.

На следующий день 26 октября перед той же ассамблеей, что и накануне, тридцать два тамплиера повторили признания, которые они сделали ранее Гильому де Пари.

27 октября Папа написал королю, чтобы выразить свое удивление и боль:

«Любезный сын, мы с прискорбием признаем, о том, что, презрев все правила, пока мы находились вдали от вас, вы посягнули на личности и имущество тамплиеров, вы дошли до того, что заключили их в темницу и что прискорбней всего — вы не освободили их; более того, к мучению заключением вы добавили другую муку, о которой из нашей собственной стыдливости и из стыдливости Церкви мы считаем нужным ныне умолчать. (Речь идет, очевидно, о допросах, проводимых королевскими чиновниками с применением пыток.) Мы уведомили Ваше Величество в нашем письме, что мы взяли это дело в свои руки и желаем заняться тщательными поисками истины. В том же письме мы просили вас взять на себя заботу сообщать нам о том, что вы сумели обнаружить по этому поводу, пообещав вам тоже сообщать все, что нам самим станет известно. Несмотря на это, вы посягнули на личности и имущество людей, которые подчиняются непосредственно нам и Римской церкви. В этом поспешном поступке все усматривают, и не без разумного основания, оскорбительное презрение по отношению к нам и к Римской церкви».

Заканчивая письмо, Папа объявил о том, что посылает кардиналов Беренгара Фредоля и Этьена де Сюизи. Он потребовал, чтобы обвиняемые были преданы суду этих двух кардиналов. Любопытно отметить, что Беренгар Фредоль, епископ Безье, был другом того самого Бернара Делисье, который несколькими годами ранее вел активную борьбу против инквизиции^{48}. Поэтому, казалось бы, кардинал должен был бы благожелательно относиться к жертвам инквизиторов. Тем не менее он, став на сторону короля, занял позицию, враждебную умершему Бонифацию VIII, и выступил защитником Ногаре, что отнюдь не делает ему чести.

Однако ему, так же как и его собрату Этьену де Сюизи, приписывают добрый поступок, который он совершил на ассамблее, состоявшейся, по словам Гиро, в начале 1308 г. Жак де Моле, представ перед обоими кардиналами в одной парижской церкви, при большом стечении народа, как будто продемонстрировал всем свои исхудавшие руки и ноги, с содранной кожей, истерзанные орудиями пыток, и обнажившимися костями. При виде столь красноречивого и жалкого зрелища оба кардинала, не произнеся ни слова, залились слезами и отказались осудить великого магистра.

* * *

Вернемся к письму Папы. Не защищая тамплиеров, он в письме напоминал, что эти люди и церковное имущество подсудны одной лишь церкви. Климент V особенно сожалел об оскорбительной поспешности короля. В его послании больше скорби, чем суровости.

Вместо ответа Филипп IV Красивый передал Папе протоколы первых допросов. «Королевские чиновники, почти повсеместно предвосхитив действия инквизиции и используя все возможные средства устрашения, получили ошеломляющие признания. Жесточайшие пытки сломили сопротивление. У пленников не оставалось иного выбора, как признаться во всех преступлениях, в которых их обвиняли, либо принять верную смерть»^{49}.

Папа дрогнул и в конце концов одобрил меры, принятые королем; он даже предложил королю план всеобщего ареста, план, который будет изложен в его булле несколькими днями позднее. Также

добавляют, что Папу убедили признания одного из его камерариев, Гильома Шантелу, бывшего тамплиера, который был принят в орден в возрасте одиннадцати лет. Этот камерарий как будто признался Клименту, что принятие в орден сопровождалось непристойными ритуалами.

22 ноября Климент V издал буллу «*Pastoralis praeeminentia*», приказывающую всем христианским государям арестовать и заключить в тюрьму тамплиеров, равно как и конфисковать все их имущество. Последнее будет им возвращено, если будет доказана невиновность ордена. В противном случае имущество должно было пойти на покрытие расходов в Святой Земле. Действуя таким образом Папа рассчитывал помешать другим правителям Европы использовать жестокие методы Филиппа IV Красивого. Несмотря на это тамплиеры испытают на себе злобу христианских князей. Помимо этого на госпитальеров и тевтонских рыцарей обрушится волна враждебности, вызванная папской буллой.

* * *

24 декабря 1307 г. король принял кардиналов Беренгара Фредоля и Этьена де Сюизи и согласился передать пленных тамплиеров Святому Престолу. По меньшей мере, он обещал это Папе, но на самом деле то был обманный маневр: тамплиеры не вышли из своего заточения, но попросту перешли в распоряжение кардиналов-легатов. К тому же король продолжал распоряжаться имуществом ордена Храма.

Тогда в поведении тамплиеров произошли резкие изменения. Как только они узнали, что они предстанут перед кардиналами, они заявили, что предыдущие признания были вырваны у них под пыткой. Жак де Моле и Гуго Пейро также изменили показания, обличив прежних судей. К ним вернулось присутствие духа.

К тому же великий магистр заклинал братьев отречься от того, в чем они признались. Он передал из камеры в камеру вощеную дощечку со следующим приказом: «Знайте, что король и кардиналы явятся завтра. Другие братья откажутся от своих показаний, откажитесь и вы, и верните это послание тому, кто его принес».

Шестьдесят тамплиеров последуют этим указаниям, что сильно раздосадует обоих кардиналов, преданных Филиппу Красивому. По убеждению многих авторов, кардиналы подговаривали обвиняемых отказаться от показаний. Как бы то ни было, озадаченные Беренгар Фредоль и Этьен де Сюизи были вынуждены обратиться к Папе Римскому.

Отказ тамплиеров от своих слов произвел сильное впечатление на Папу. Чувствуя, что король готов передать дело ему, в феврале 1308 г. он решил приостановить процесс, по крайней мере, во Франции. Климент лишил инквизиторов власти и взял дело в свои руки. Судебное разбирательство могло пойти иначе. Тамплиеры могли быть спасены.

К сожалению, Клименту V не хватило храбрости отстоять позицию, которая помогла бы избежать любых двусмысленностей и юридических ошибок. Он снова уступит требованиям короля.

Действительно, Филипп боялся, что Папа захочет замять дело. Он требовал, чтобы тамплиеры были осуждены и наказаны, и ради этого он проконсультировался со своими юристами и теологами. Король запросил Парижский университет о привилегиях тамплиеров, о результатах допросов, проведенных за границей и о судьбе имущества ордена.

Филипп получил ответ от Университета только 25 марта. В нем повторялось то, что ранее высказали богословы двора по поводу привилегий Церкви в связи с борьбой с ересью. Университетское послание обходило некоторые щекотливые вопросы; оно было путаным и не соответствовало требованиям короля.

Несмотря на то, что он распоряжался как жизнями, так и имуществом обвиняемых, Филипп IV Красивый не осмеливался отобрать дело у Папы, но он принялся косвенно оказывать на него давление, используя нечто вроде плебисцита или референдума. Он попытается настроить народ королевства против тамплиеров. Речь пойдет о том, чтобы побудить народ обратиться к правосудию Церкви.

В течение многих месяцев при дворе готовили удар, зондировали настроения, распространялись сплетни: «Гнусные памфлеты, вышедшие из-под искусного и язвительного пера Гильома де Ногаре и Пьера Дюбуа делали Папу мишенью народной ненависти. Все то, что некогда было сказано о Бонифации VIII, повторялось в адрес нового

понтифика. Все подвергалось критике: nepотизм Климента, его репрессии против духовенства. Поскольку Папа не исполнял свой долг пастыря, именно король, ревнитель закона Божьего, должен срочно принять меры» (Молла).

В своей горячности Дюбуа доходит почти до проклятий: «Пусть Папа остережется! Он виновен в симонии, он из родственных чувств раздает бенефиции Святой Церкви своим близким родственникам; он еще хуже Бонифация, не совершившего стольких неблагоприятных поступков; нужно, чтобы этому положили конец!» В этом обличительном послании орден Храма называется «сектой дьявола». А ханжеский тон сменяется угрожающим: «Поразив тамплиеров, христианнейший король станет достоин того блаженства, которое Бог обещал устами своего пророка, сказав эти слова: „*Beati qui faciunt iudiciam et justitiam in omni tempore*“ (Благословенны есть те, кто творят правосудие и справедливость во веки веков). Разве тамплиеры не убийцы, не подстрекатели к убийству и к вероотступничеству? Разве каноны святых отцов и св. Павла не вопиют о том, что им должно воздаться той же мерой?»

Существовал другой памфлет, написанный по-латыни и направленный против тамплиеров, которые обвинялись в убийстве. В памфлете автор напоминал о приказе Моисея «око за око»: «Пусть каждый возьмет меч и убьет ближнего своего»^{50}. Под лукавым пером Дюбуа снова появляются библейские тексты.

Глава III

ТУР И ПУАТЬЕ

В конце марта 1308 г. король отправил письма — приглашения знати, прелатам и городам в связи с тем, что в Туре через три недели после Пасхи состоится ассамблея. В этих письмах перечислялись жалобы короля, а заканчивались они лицемерной проповедью, в стиле которой угадывается рука Ногаре: «Мы решили посовещаться с апостольским Святым Престолом, чтобы прекратить такое количество преступлений и прегрешений и способствовать неколебимости веры и чести нашей Святой Матери Церкви; и мы желаем, чтобы вы приняли участие в этом деле, вы, разделяющие с нами веру в Иисуса Христа и являющиеся ее преданными ревнителями; мы призываем вас немедленно отправить в Тур, через три недели после грядущего праздника Пасхи, крепких в вере двух человек из каждого крупного города королевства, чтобы обсудить этот вопрос».

Пусть вас не удивляет набожный тон этого приглашения. Такой чрезвычайно ловкий человек, каким был Ногаре, знал, с какими именно словами он должен был обращаться к христианнейшему народу и как следовало скрывать тайные цели короля под маской самых благих намерений. Это приглашение носило экстраординарный характер, но это оправдывалось тем фактом, что «у всех принадлежащих к феодальному сословию имелись друзья среди обвиняемых». Действительно, духовенство давало ордену Храмов капелланов, а знать — рыцарей, общины — сержантов»^{51}.

Множество сеньоров принесли свои извинения и не прибыли на ассамблею. Их уловки можно приписать тому, что значительное количество среди них имели родственников-тамплиеров, и тому, что они догадывались о стремлении короля к абсолютной власти.

Среди духовных лиц было меньше воздержавшихся. Как мы уже сказали, последним было из-за чего жаловаться на тамплиеров, которым они завидовали и которых обвиняли в расточительности.

В течение почти всего мая семьсот делегатов из разных городов — третье сословие — и множество представителей знати и духовенства находились в Туре, обсуждая судьбу тамплиеров. Меры,

принятые королем, были единодушно одобрены; тамплиеры должны заплатить за свои преступления смертью.

Не следует приписывать слишком большое влияние этому бурно проходившему собранию простых людей, находящихся под впечатлением текстов какого-нибудь Дюбуа. Достаточно вспомнить о суматохе наших парламентов, чтобы не придавать никакого значения решениям этого демократического совета, находящегося в стадии зарождения. Отметим, что Фландрию в Туре представлял Людовик, старший сын графа Фландрского Роберта Бетюнского. Молодой граф тоже обвинял тамплиеров. Однако, как замечает Кервин де Леттенхов, рыцари-тамплиеры пользовались уважением в провинциях Роберта Бетюнского, тем более что они присоединились к фламандцам в день Куртре^{52}. Впрочем, именно на родине первых крестоносцев следует искать истоки ордена Храма. Готфрид де Сен-Омер и многие другие основатели ордена родились во Фландрии. Командорство, которое основал в Ипре Готфрид де Сен-Омер, стало колыбелью ордена Храма в Европе. А фламандский историк перечисляет некоторые привилегии, которыми пользовались тамплиеры в тех краях, а затем добавляет: «Их власть в наших провинциях была столь велика, что им в течение некоторого времени была поручена охрана графства Намюр. В то время, когда герцог Годфрид Брабантский предоставлял им половину, треть или четверть рельефов, которые платили ему его вассалы^{53}, Филипп Эльзасский передал десятину, взимаемую со Слейпа, Леффинга и соседних деревень, магистру Фландрии Балдуину де Лиденгхейму. Ги де Дампьер^{54} принес другие дары брату Петру Нутензаке, *командору Фландрии из ордена рыцарства Храма*».

Не эти ли привилегии и этот престиж стали причиной того, что граф Фландрии выступил в Туре против тамплиеров?

* * *

В тот момент, когда ассамблея была распущена, становится известно, что один из высоких сановников ордена великий казначей, содержащийся при папской курии, бежал. Папа был весьма раздосадован. Он обещал 10 000 флоринов тому, кто раскроет ему, где скрывается беглец. Не станет ли этот побег поводом для того, чтобы

лишить его права охранять заключенных? С другой стороны, сможет ли он обеспечить охрану двух-трех тысяч обвиняемых? На консистории он поведал о своих соображениях кардиналам. Те посоветовали тянуть дело до смерти короля, что могло бы спасти орден...

20 мая король покинул Тур с намерением присоединиться к Папе в Пуатье. Он прибыл в этот город 26 мая. Явившись к папскому двору, Филипп простерся перед понтификом, поцеловав ему ноги, и в знак мира поцеловал кардиналов. Иудины поцелуи...

Филипп Красивый и Климент V провели три дня в беседах.

В книге *«Жизнь Климента V»* Жан де Сен-Виктор утверждает, что Филипп Красивый держал Папу в заточении, а последний, желая скрыться в чужой одежде, был узнан и возвращен в Пуатье. Беглеца обнаружили якобы благодаря множеству сопровождавших его мулов, на которых он перевозил свои вещи. Папа бежал, потому что опасался того, кто стал причиной смерти двух его предшественников. (Если установлено, что Бонифаций VIII умер из-за потрясения от нападения в Ананьи, ничто не дает возможность утверждать, что Филипп Красивый приказал отравить Бенедикта XI, в чем его обвиняли.)

Все это абсурдно. Климент V не настолько потерял голову, чтобы столь трусливым и бессмысленным образом уклоняться от настойчивых требований короля.

Используя методы шантажа, король потребовал эксгумации останков Бонифация VIII, чтобы развеять их по ветру. К тому же он предложил канонизировать Целестина V, мнимой жертвы Бонифация VIII.^{55} Чтобы выиграть время, Папа должен был пообещать в начале следующего года возобновить дело Бонифация.

29 мая король присутствовал на заседании консистории. Филипп Красивый явился туда с большой пышностью: его окружили принцы крови, бароны, епископы, депутаты и прокуроры Генеральных штатов в Туре.

Шантаж усиливался. Гильом де Плезиан, выступавший от имени короля, произнес длинную речь, в которой подражал слащавому и лживо-проникновенному тону Ногаре. В этой обличительной речи говорилось о «победе, чье истоки были страшны и наводили ужас, чьи последствия были отрадны и восхитительны, а завершение — общеизвестным и незабываемым», победе, одержанной над врагами

Христа — тамплиерами. Адвокат монарха был действительно гением эпитетов. По ходу дела подчеркнем его стремление отвести от короля все упреки в алчности и корыстолюбии: «король передал управление имуществом ордена не своим чиновникам, а ведь по закону он мог бы и конфисковать его». Оба эти неточные, если не лживые утверждения, цель которых — оправдать короля, доказывают, что общественность была встревожена, и что уже в это время королю приписывали корыстные мотивы.

Затем Плезиан возвратился к упрекам в адрес тамплиеров, даже к тем, что упоминались реже всего или тем, что были самыми безобидными: например, к тому факту, что капитулы ордена проводились ночью, к предательству некоторых испанских тамплиеров, перешедших на сторону сарацинов, чтобы сражаться с ними против короля Арагонского, и особенно к потере Святой Земли, потере, якобы произошедшей из-за беспечности и трусости тамплиеров.

Бывший хранитель печати Жиль Асцелин, архиепископ Нарбоннский, которого странно было видеть в этом собрании, произнес речь о ереси. Тамплиеры более порочны, чем мадианитяне и ариане. Епископ намекнул, что если Папа не обезвредил тамплиеров, он становился как бы причастен к их заблуждениям.

В этих словах содержалась угроза смещения Папы.

Затем следовали различные выступления, например, Эджилио Колонны, архиепископа Буржа, делегатов нескольких городов с севера страны и одного делегата от городов юга. Потом слово взял Папа, дабы изложить всю историю дела тамплиеров. Выступление Климента было кратким, но он настаивал на том, что никогда не посылал писем с приказом арестовать тамплиеров. Ему не нравятся эти рыцари, если они таковы, какими их описывают, но он не может заявить, что они виновны, пока их преступления не будут доказаны. С другой стороны, он не смеет поверить, что королем движут иные мотивы, кроме заботы о благоденствии Церкви.

Если король хорошо слушал, то его должны были смутить следующие слова: «Что же до нас, то мы не верим, как никогда не верили, что королем Франции двигали корыстные желания. Мы полагаем бесспорным то, что он действовал только из ревностного служения вере. Он не имел намерения завладеть имуществом

тамплиеров, но желал передать их в распоряжение Церкви для подготовки крестовых походов».

14 июня в присутствии короля состоялось новое публичное заседание. Плезиан упрекнул Папу в том, что он благоволит ордену; к тому же тамплиеры обладают неприкосновенностью, которую им дает покровительство Папы. Необходимо действовать быстро и вернуть инквизиторам все их полномочия.

В конце речь Плезиана звучит дерзко: «Святой Отец, Святой Отец, поспешите. Иначе король не сможет сдержаться, а если бы он и смог, то его бароны не смогли бы, а если бы и они смогли, то весь народ этого прославленного королевства не смог бы сдержаться, чтобы самому не отомстить за оскорбление Христа.... Поэтому действуйте, действуйте. Иначе нам придется говорить с вами на другом языке».

Этот новый выпад не поколебал решимости Климента V, который спокойно ответил на возражения Плезиана. Он напомнил, что духовные лица могут быть осуждены только духовными лицами. Прежде чем будет принято какое-то решение, тамплиеры должны быть переданы в его руки. Затем он снова попросил о том, чтобы ему передали имущество ордена. Король, ссылаясь на то, что ему необходимо посоветоваться со своими советниками, отложил принятие этого решения.

Помимо этих собраний, где тяжущиеся стороны состязались в красноречии, если не в выпренности тона, существовали неофициальные сделки. Плезиан внес множество предложений, тщательно расписывая ведение судебного процесса. В целом король проявлял большую сговорчивость. Но Папа, со своей стороны, еще не был окончательно убежден в злом умысле и пагубной деятельности ордена тамплиеров.

27 июня 1308 г. Филипп Красивый решил передать Папе тамплиеров, за исключением великого магистра и высших сановников ордена, которые, по словам короля, из-за болезни оставались в темницах Шинона. Фактически в тот день перед Климентом V предстали восемь или девять тамплиеров.

С 28 июня по 1 июля семьдесят два обвиняемых были привезены в Пуатье, чтобы там их выслушал Папа Римский; аудиенция состоялась в присутствии большого числа кардиналов и папских чиновников.

На этот раз похоже, что пытки не применялись. Тамплиеры повторили свои признания; их показания, свидетельствующие против ордена, были надлежащим образом записаны. Но эти семьдесят два человека, очевидно, были выбраны в основном из братьев-служителей, многие из которых не имели ни стыда, ни совести и были готовы приписать наихудшие злодеяния рыцарям, которым завидовали. Таким образом, свидетели были отобраны в соответствии с тем, что требовалось для дела. В большинстве случаев это были также перебежчики из ордена, невежды или продажные личности, которым предложили признаться в преступлениях, посулив различные блага.

Их заявления ошеломили Папу, который не подозревал, что перед ним находятся лжецы или, по меньшей мере, сомнительные свидетели. 2 июля во время заседания консистории Папа приказал перевести на вульгарный язык часть данных ранее показаний.

5 июля король присутствовал на новом открытом заседании консистории, в ходе которого потребовал осудить тамплиеров. Папа отклонил его просьбу.

Но 10 июля более пятидесяти тамплиеров привели к кардиналу Пьеру де ла Шапель; при этом также присутствовали кардиналы Беренгар Фредоль, Этьен де Сюизи и Ландольфо Бранкаччи. Эти тамплиеры отрекались от своих заблуждений, и их объявили вернувшимися в лоно церкви. Им даровали разрешение по-прежнему носить бороду и плащ.

Итак, Папа был вынужден пойти на значительные уступки королю. Гильому де Пари возвратили его полномочия, и началось новое судебное дело.

По решению Папы в каждом диоцезе тамплиеров должен был судить епископ, которому будут помогать два члена соборного капитула, два францисканца и два доминиканца. Инквизиторам разрешено вмешиваться в ведение процесса, но первостепенной роли они там больше не играли.

Таково было *епископское* расследование, направленное против тамплиеров, расследование, результаты которого будут рассматриваться на провинциальных соборах.

Параллельно этому понтифик начинал *папское* расследование против ордена тамплиеров. Его вели представители комиссий, назначенные Папой. Результаты расследования должны были

представить на Вселенском соборе, который решили собрать в Вьенне 1 октября 1310 г. Это двойное расследование началось не сразу. Понадобилось несколько месяцев, чтобы механизм заработал. Очевидно, Папа тормозил роковое развитие дела.

Глава IV

ИЗМЕНЧИВЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС

Климент V оставил за собой право судить сановников ордена. Он также дал указание принять меры для охраны конфискованного имущества. Внешне казалось, что все было в точности исполнено. На самом деле король продолжал распоряжаться имуществом ордена Храма и извлекать из него прибыль, при этом делая вид, что передал попечительство третьим лицам. В конечном счете имущество ордена Храма было разграблено и Папа будет жаловаться на это королю.

Охрана пленников доставляла Папе множество беспокойств. Поэтому он доверил обвиняемых кардиналу Пьеру де ла Шапель, который... передал их королю. Это позволит Филиппу Красивому оказать давление на развитие процесса.

Монарх все чаще обращался к Святому Престолу, требуя, чтобы Папа окончательно обосновался во Франции, чтобы он канонизировал Целестина V, соперника Бонифация VIII и пр.

Папа затягивал с ответом до 20 июля, дня, когда король покинул Пуатье.

12 августа Папа заявил, что собирается жить в Авиньоне, пока не начнется собор во Вьенне (этот город находится недалеко от Авиньона). Он уточнил, что собор займется реформой Церкви и делом тамплиеров. Климент также обещал вновь рассмотреть дело Бонифация VIII. Тем временем Папа распустил свой двор: общий сбор назначили на 1 декабря в Авиньоне. Он выбрал этот город потому, что тот принадлежал королям Неаполя, графам Прованса и вассалам Святого Престола. Понтифик на время отказывается от раздираемой анархией Италии.

17 августа в Шиноне сановники ордена (то есть великий магистр, приоры или досмотрщики Франции, Нормандии, Заморских земель, Пуату и Аквитании) были допрошены уже упомянутыми тремя кардиналами (Беренгаром Фридолом, Этьеном де Сюизи и Ландольфо Бранкаччи). Никто из них не стал отказываться от своих показаний, все снова признались в преступлениях против христианской веры.

Важно отметить, что допрос проходил в присутствии королевских чиновников, в частности, Гильома Ногаре и Плезиана. Сановники ордена, которые, быть может, действительно были больны, побоялись отказаться от своих слов, чтобы их не посчитали нераскаявшимися еретиками. Поэтому они подтвердили прежние показания и испросили прощения и отпущения грехов. При этом обвиняемые заявили, что признание было дано ими не под пыткой.

Великий магистр признал то, что он отрекся от Христа (на словах, но не в сердце) и плюнул рядом с крестом.

Кардиналы сообщили об этом королю и умоляли его простить руководителей тамплиеров.

Папа все дальше и дальше заходил в тупик: шли месяцы, но этот бесконечный и однообразный процесс не был отмечен ни одним выдающимся событием.

В ходе различных расследований появилось большое количество протестов, написанных тамплиерами, решившими защищать орден. Прочитируем послание брата де Монреала: «Тамплиеры с момента своего ареста подвергались светскими судьями допросам с пристрастием. Затем последние передали их в руки инквизиторов или глав епархий, что противоречит привилегиям, которыми пользуется орден, поскольку ни один тамплиер не может быть осужден светским или церковным судьей: он может предстать только перед Папой Римским. Вследствие этого братья требуют, чтобы те протоколы, где записаны ложные показания, Папа признал недействительными как полученные и данные вопреки привилегиям ордена».

* * *

В 1309 г. французские епископы собрались на собор, чтобы обсудить дело тамплиеров. Их удивляло, что Папа тянет время, поэтому они попросили его дать новые указания. Поведение епископов, без сомнения, было продиктовано желанием понравиться королю. Последний не знал, к каким мерам еще прибегнуть, чтобы оказать давление на Климента V. Он предупредил понтифика, что общественное мнение приписывало королю и Папе стремление завладеть имуществом ордена Храма. К тому же Филипп добавил, что

медлительность Святого Отца побуждает многих тамплиеров отказываться от своих признаний.

Папа принес извинения и попытался успокоить короля. Именно тогда он решился допустить к работе суды диоцезов и папские комиссии. Шел май 1309 г. Вот уже около года, как новая судебная процедура была определена, но не применена на практике.

В каждом диоцезе людей должны были судить епархиальные суды, а папским комиссиям надлежало заняться сбором свидетельств против ордена, чтобы снабдить данными Вселенский собор, который назначили на следующий год.

В основном тамплиеры находились в провинциях Сана и Тур, именно с них и начали папские комиссии. Им было разрешено обосноваться в Париже и работать, никуда не переезжая.

Король попытался подчинить себе членов этих комиссий. Для этого он предоставил Папе списки инквизиторов, в которых был уверен, и потребовал отстранить тех, которым не доверял.

Провинциальные соборы получили разрешение выносить приговор тем обвиняемым, которых допрашивал Папа.

* * *

8 августа 1309 г. папская комиссия впервые собралась в бенедиктинском монастыре св. Женеьевы в Париже. Дело ограничилось составлением вызовов тем членам ордена, которым следовало предстать перед судом.

Три месяца спустя, 12 ноября, состоялось новое собрание, но никто на него не явился. Отметим, что епископ Парижа мешал работе комиссии, препятствуя тому, чтобы тамплиеры предстали перед ней.

Допросы начинались только 22 ноября.

В первую очередь выслушали Жана де Мело, чья бессвязная речь не может быть принята во внимание. Долгое время этого простодушного человека путали с Жаком де Моле.

Затем перед комиссией появился Гуго де Пейро, пожелавший остаться при прежних показаниях.

Наконец, пришла очередь Жака де Моле. Он утверждал, что рассчитывает приложить все силы для защиты ордена, но он не знает

грамоты. К тому же он должен был бы попросить совета, но для этого он располагает лишь смешной суммой в четыре денье. Ему ответили, что в делах, касающихся ереси, вмешательство адвокатов не допускается. И обвиняемым не было предоставлено ни одного адвоката.

Затем великому магистру зачитали признания, якобы сделанные им в Шиноне. Моле пришел в гнев, слыша то, что его *заставили сказать*. Чтобы подчеркнуть презрение к кардиналам, которые подделали его показания, он дважды осенил себя крестом и заявил, что судьям следовало бы внять примеру сарацинов и татар, которые наказывают лжецов и фальсификаторов, вспарывая им животы и отрубая головы. (Вероятно, секретарь суда, составлявший протокол в Шиноне, добавил к показаниям Моле некоторые отягчающие обстоятельства, дабы приписать великому магистру все преступления, в которых обвинялся орден в целом.)

Плеззиан присутствовал при допросе и вступил в разговор. Моле попросил позволения переговорить с Плезианом наедине. Последний уверил его в своем глубочайшем уважении. Без сомнений, он побуждал его говорить. Великий магистр согласился, но попросил дать ему отсрочку на двенадцать дней.

По истечении этого срока Моле вновь предстал перед комиссией и заметил там Ногаре. При виде советника Филиппа Красивого великий магистр изменил свое решение: он заявил, что будет говорить только в присутствии Папы. Он пожелал, чтобы Святой Отец выслушал его как можно скорее, потому что только тогда «он расскажет по мере своих сил то, что послужит к чести Христа и Святой Церкви».

Папа так никогда его и не выслушал.

Прежде чем выйти из зала совета, Моле остановился и воскликнул, что в мире нет церквей, где имелось бы больше украшений и реликвий, чем церкви ордена Храма, и где бы с большим благоговением служили мессу. Он добавил, что ни один орден не подает более щедрой милостыни, чем тамплиеры. Наконец он отметил, что ни одно христианское войско не пролило столько крови ради триумфа веры, как тамплиеры.

Эти аргументы были достаточно существенны, но в целом подобное заявление доказывает, что Жак де Моле был весьма простым человеком, каким его и описывали. Он не был неуравновешенным, но

не мог составить четкую картину происходящего: его защитная речь не имеет никакого веса, никакого размаха. Тот, кто должен был стать первым защитником ордена Храма, явно растерялся.

Члены комиссии ответили, что все эти добрые дела без веры бессмысленны. Моле возразил, что тамплиеры твердо верят в то, чему учит Церковь. Поэтому они сражались против сарацинов, против турок и мавров.

В завершение он попросил позволения присутствовать на мессе, что было ему разрешено.

Другие сановники ордена проявили не больше отваги. Они также боялись пыток и смерти. Они прибегали к уверткам, тянули время, но не защищали орден.

Королевский клан скинул с плеч тяжелый груз. Если уж сам великий магистр отказывался от борьбы, не стоило опасаться какого-либо серьезного сопротивления со стороны других тамплиеров. Тиски сразу разжимались: тамплиеров, желавших защищать орден, теперь были готовы доставить в Париж.

* * *

Продолжение работы отложено комиссией до 3 февраля будущего года. В течение нескольких недель появилось такое большое число тамплиеров, желавших защищать орден, что члены комиссии не успевали всех выслушать.

28 марта они собрали пятьсот сорок шесть тамплиеров и предложили им назначить двух или трех делегатов, которые через несколько дней будут выступать от имени остальных. Вначале тамплиеры протестовали, говоря: «Почему не выслушать нас всех? Когда нас подвергали пыткам, нас не спрашивали, хотим ли мы, чтобы нас мучили?» Наконец они согласились и их выбор пал на двух братьев, Рено де Провена и Пьера де Болонья, прокурора ордена при папском дворе. Между тем нотариусы записали заявления узников, касающиеся плохого обращения, скудости дневного пайка, лишения их возможности причащаться, отсутствия одежды и пр. Какие только лишения не постигли гордых тамплиеров! Все эти бесхитростные люди были сбиты с толку; они ничего не понимали в приемах

расследования. Они знали лишь одно: они хотели защищать орден, потому что он был невиновен.

7 апреля девять делегатов от тамплиеров явились к членам комиссии, чтобы объяснить им, что орден не мог назначить поверенных без одобрения великого магистра. Однако они хотели защищать свое братство.

На 2 мая уже набралось 573 тамплиера, решивших выступить на защиту ордена. Они происходили из самых разных областей. Кервин де Леттенхов приводит имена нескольких фламандских тамплиеров, назвавших себя защитниками ордена Храма: Гозвенн Брюггский, командор Фландрии, Жан де Фюрн, Жан де Слейп и Гобер де Маль.

Отметим среди самых интересных свидетельств то, что принадлежит Пьеру де Болонья, главному защитнику ордена, упрекавшего членов комиссии в применении пыток и других средств воздействия, используемых для того, чтобы вырвать признание у обвиняемых: «Это дело вдруг стало незаконным и несправедливым, — говорит он. — Это всего лишь жестокое заблуждение, непростительная ошибка. Большое число людей умерло в тюрьмах и под пытками, другие остались навеки искалеченными; многие были вынуждены оболгать самих себя и свой орден. Эти жестокости и мучения полностью лишили их возможности поступать по доброй воле... Чтобы подтолкнуть их ко лжи, к даче ложных показаний, им показывали письма, скрепленные печатью короля и обещавшие им сохранить в неприкосновенности их тело, их жизнь и свободу; им обещали полностью позаботиться о том, чтобы они были обеспечены на всю жизнь; впрочем, их убеждали, что орден окончательно обречен».

Пьер де Болонья предложил комиссии выслушать свидетельство Адама де Валленкура, тамплиера, некоторое время назад покинувшего орден с целью стать монахом-картезианцем. После недолгого пребывания в картезианском монастыре Валленкур вновь вернулся к тамплиерам. Если бы орден действительно был порочен, подобное возвращение в орден Храма невозможно было бы объяснить, тем более что для возвращения туда картезианцу потребовалось пройти через процедуру покаяния. Ему пришлось предстать перед воротами ордена Храма в одной рубашке, и целый год есть с земли. Помимо этого по средам и пятницам он должен был поститься, питаясь только черствым

хлебом и водой. Каждое воскресенье он получал несколько ударов бичом от священника, ведущего службу. Неужели он бы принял такое тяжелое наказание, если бы орден вел недостойную жизнь? Его горячее желание вернуться туда говорило в пользу ордена Храма. Итак, как говорил Пьер де Болонья, нужно было выслушать этого бывшего картезианца; в случае необходимости он бы сам объявил о невинности ордена всему христианскому миру.

Как видно, языки развязывались, был дан толчок обоснованной и обстоятельной защите ордена. Но противник не дремал. Истина не могла быть раскрыта, свет не мог пролиться. Пьер де Болонья сам признавал это, когда говорил: «Мы находимся и всегда находились во власти тех, кто внушает ложные мысли сеньору королю. Каждый день то одни, то другие, в письмах или других посланиях убеждают нас не отказываться от ложных показаний, которые были даны из страха, что иначе мы пойдем на костер».

Подчеркнем важность этого заявления. Оно освещает весь судебный процесс. Оно выявляет весь тонкий механизм королевского вероломства. За приемами сфальсифицированного судебного дела маячат красноватые тени костров.

Необходимо было ускорить ход дела. Внимание короля и его приверженцев привлек тот факт, что между заявлениями, сделанными в епархиальных судах, и показаниями, записанными папскими комиссиями, неоднократно возникали противоречия.

Это происходило исключительно из-за того, что обвиняемые испытывали доверие к папским комиссиям, тогда как епархиальные суды внушали им обоснованные опасения. С одной стороны, была инквизиция, чрезвычайно сурово относившаяся к нераскаявшимся еретикам, а с другой — скорее, благожелательно настроенный совет, который ни в коей мере не обладал пугающей строгостью суда, хотя его деятельности и мешало присутствие королевских чиновников.

Сейчас мы рассмотрим значение подобного положения вещей.

В Сансе архиепископ Гильом де Мариньи, брат королевского министра Ангеррана де Мариньи, хотел помешать папским комиссиям собирать показания в пользу ордена. Он созвал в Париже провинциальный собор, чтобы судить тамплиеров. (В это время Париж был всего лишь диоцезом, подчиняющимся Сансу. Он стал

архиепископством только в XVII в.). Защитники ордена Храма стали немедленно протестовать против намечающегося шага.

Однако удар был, по-видимому, нанесен по правилам, поскольку Папа сам согласился на такой порядок судопроизводства. Однако не подвергается сомнению то, что провинциальный собор не мог вынести решение до окончания двойного расследования в диоцезе. Между тем в тот момент, когда епископ Санса стал ускорять ход дела, папская комиссия еще не закончила работу: она была в самом разгаре.

Поэтому вполне возможно, что король оказал давление на братьев Гильома и Ангеррана де Мариньи с целью спровоцировать неожиданную развязку, которая сумела бы помешать размеренной и спокойной работе папской комиссии. Последняя должна была бы немедленно выступить против обходного маневра епископа Санса. Но Жиль Асцелин, председатель папской комиссии в Париже, не был расположен спасать тамплиеров, упразднения ордена которых он требовал в Пуатье. Он избегал прямого ответа, пытался выгадать время, пока не произошло непоправимое. Среди его коллег по комиссии епископы Байе и Лиможа также были преданы королю. Только епископ Манда, Гильом Дюран, не поддержавший галликанских притязаний Филиппа Красивого в его борьбе против Бонифация VIII, был единственным прелатом, кто мог гарантировать некоторую беспристрастность суда; к тому же это был выдающийся знаток канонического права. Однако тамплиеры не могли чувствовать себя уверенно, как это было при других папских комиссиях. Впрочем, Жиль Асцелин и другие прелаты обнаружили предвзятое отношение к своей задаче, позволяя чиновникам короля присутствовать на заседаниях.

Тамплиеры постарались помешать готовившейся интриге. Их отказывались слушать.

11 мая собор в Париже, по наущению Гильома де Мариньи, вынес различные приговоры. Обвиняемые были разделены на три категории в соответствии с тем, как они вели себя перед инквизицией диоцеза: те, кто признались в преступлениях, те, кто продолжали все отрицать, те, кто отказались от своих прежних слов. Первых отпустили, вторых приговорили к пожизненному заключению; что же до отказавшихся от показаний, то их в количестве пятидесяти четырех человек посчитали нераскаявшимися еретиками и приговорили к сожжению.

На следующий день, 12 мая, папская комиссия попыталась вмешаться, чтобы отменить приговор, но было уже слишком поздно. Зловещие ставки были сделаны. Пятьдесят четыре приговоренных были преданы светскому суду и сожжены за пределами Парижа, в предместье Сент-Антуан. Мученики заявляли, что они невиновны. Ни один из них не принял амнистии, которая была им обещана за то, что они изменят свое мнение.

Примеру Санса последовали остальные.

16 мая шестнадцать тамплиеров, приговоренных собором в Реймсе, были сожжены в Санлисе.

Тех, кто остался в живых, охватил ужас. Рыцарь Эмери де Вилье-ле-Дюк, увидев роковую телегу, воскликнул, что признался бы в том, что убил самого Господа, если бы его об этом спросили. Это свидетельствует о полном упадке духа, повсеместной потере способностей к критическому осмыслению, но также объясняет состояние оцепенения, в которое повергла большинство тамплиеров политика террора со стороны короля.

Нетрудно догадаться о результатах этой незаконной и скорой расправы: если 2 мая 573 брата были решительно настроены защищать орден, то костры, зажженные епископами Санса и Реймса, способствовали тому, что многие из добровольных защитников отступились.

Все это привело к росту пораженческих настроений в среде тамплиеров.

30 мая комиссия отложила работу до 3 ноября, но заседания начались только 17-го. Теперь показания будут не в пользу ордена: двести признаний против двенадцати отрицаний.

Те, кто отказались от своих слов, сослались на тот факт, что предыдущие признания были даны ими по принуждению и под пыткой.

Тамплиер Понсар де Жизи говорил, что за три месяца до того, как он предстал перед епископом Парижа, его поместили в яму с руками, так сильно связанными за спиной, что кровь стекала по пальцам. Он добавлял, что, если бы его снова подвергли пытке, он бы сказал все, что хотели от него услышать. Он был готов пострадать, лишь бы страдания были недолгими, например, обезглавливание, огонь или

кипяток, но был не в состоянии терпеть долгие пытки, которые ему уже пришлось вынести, находясь в тюрьме в течение двух лет.

Другой тамплиер Бернар де Ге, утверждал: «Меня так пытали, меня так долго держали перед пылающим огнем, что мои ступни сгорели; от них отделились эти две кости, которые я вам показываю. Посмотрите, их недостает в моем теле».

* * *

Комиссия в Париже играла самую важную роль. Нам мало известно о результатах, полученных другими комиссиями. О них сообщили Папе, который приказал прелатам и богословам изучить их. В те месяцы, что предшествовали Собору в Вьенне, Папа настаивал на том, чтобы как можно быстрее получить эти результаты. Помимо этого он приказал инквизиторам прибегнуть к пытке «как если бы первое впечатление, произведенное протоколами, не поддерживало обвинений, выдвинутых против ордена» (*Лизеран*). Это равнозначно признанию, что для того, чтобы получить интересные и соответствующие обвинения признания, существовала только пытка...

Глава V

ВЬЕННСКИЙ СОБОР

Первоначально Папа назначил открытие Собора во Вьенне на 1 октября 1310 г. Но последний начал свою работу только 16 октября 1311 г. Он был отложен, дабы позволить судебным следователям успешно завершить расследование.

В кафедральном соборе этого небольшого города собрались триста епископов, аббатов и приоров. Король явился только 20 марта следующего года в сопровождении своих братьев Карла и Людовика, своих трех сыновей и многочисленной вооруженной свиты. Перед небольшой комиссией, назначенной для того, чтобы определить план работы Собора, Папа предварительно приказал зачитать отчеты протоколов папских комиссий, затем он спросил каждого, нужно ли распустить орден Храма.

Поначалу он натолкнулся на категорический отказ. Общее впечатление складывалось в пользу ордена. Поскольку орден Храма не был обвинен перед церковным судом, невозможно было на законном основании вынести ему приговор. Все отцы церкви, кроме одного итальянского прелата, советовали соблюдать осмотрительность и сдержанность. Они решили, что с точки зрения здравого смысла необходимо выслушать тамплиеров: они должны защититься перед Собором. Это тем более необходимо, что результаты расследований неубедительны.

Король был недоволен. Он принялся оказывать давление на членов оппозиции и запугивать тех, кто сомневается. Он угрожал Папе возобновить процесс против умершего Бонифация VIII. Столкнувшись с таким агрессивным отношением, Климент V попытался направить ход событий в другое русло. В течение нескольких месяцев будут рассматриваться различные вопросы, не имеющие никакого отношения к делу ордена тамплиеров. Именно в течение этих рабочих месяцев Климент V предпишет, в частности, ограниченное применение пыток. Тогда же он вынесет приговор беггардам и спиритуалам. По словам Леви-Мирепуа, ему даже пришлось разбирать «дело молодой, очень красивой девушки родом из Англии, которая

называла себя воплощением Святого Духа, сошедшего ради спасения женщин, так же как Сын сошел ради спасения мужчин».

Во время этого перерыва девять тамплиеров явились на Собор, чтобы защищать орден. Они говорили, что их послало многочисленное братство из окрестностей Лиона. Папа испугался и приказал бросить их в темницу. Боялся ли он вооруженного нападения? На подобную мысль наводит письмо, которое он отправил Филиппу Красивому. Объявив своему корреспонденту об аресте девяти делегатов от ордена Храма, он добавляет: «С этого момента мы считаем необходимым принять особые меры ради собственной безопасности, и мы сообщаем об этих событиях Вашему Величеству для того, чтобы, сохраняя осторожность и бдительность, вы решили, что именно надлежит и следует сделать для охраны Вашей персоны».

Таким образом, до самого конца Папа будет проявлять малодушие. Он не только боялся короля и тамплиеров, но еще и опасался сопротивления со стороны Собора.

* * *

Между тем король со своей стороны методично продолжал заниматься подрывной деятельностью. 2 марта Филипп Красивый пишет Папе: «Ваше Святейшество знает: расследование обнаружило такое число ересей и злодеяний, в которых виновны тамплиеры, что орден должен быть непременно уничтожен. По этой причине и потому, что нами движет священное рвение защитить правую веру, мы с мольбой и смирением просим, чтобы этот орден был упразднен: имущество, которым он владел, можно передать новому рыцарскому ордену».

Должно быть, настойчивость короля возобладала над нерешительностью Папы. 22 марта 1312 г. на тайном заседании консистории члены комиссии, занимающейся этим делом, подавляющим большинством проголосовали за упразднение ордена тамплиеров (четыре пятых голосов), при условии, что этот приговор будет оглашен одним лишь Папой. Собор желал переложить на него ответственность за уничтожение ордена. Гильом Дюран, епископ Манда, предложил прибегнуть к этой уловке, с чем все согласились.

Если Собор не мог за отсутствием достаточных доказательств вынести канонический приговор ордену Храма, Папа мог ликвидировать орден, чтобы положить конец королевским интригам и уничтожить сам предмет раздора. *Таким образом, речь шла, скорее, о предупредительной мере, чем о карательном приговоре.* Именно поэтому, в конце концов, все отдали за нее свои голоса.

3 апреля на открытой консистории Папа зачитал буллу «*Vox in excelso*», апостольской властью уничтожавшую орден тамплиеров *упреждающим образом, а не путем осуждения.* Папа напомнил об упреках в адрес тамплиеров. Он подчеркнул бесполезность ордена, теперь, когда борьба за Святую Землю окончена. И снова речь идет о необходимой и своевременной мере, а не о судебном приговоре «из ненависти к Храму».

С самого начала заседания, дабы предупредить возражения отцов Собора, им под угрозой отлучения было предписано соблюдать полнейшую тишину.

По мнению некоторых, Климент V якобы сам объявил о ликвидации ордена тамплиеров и не позволил Совету осудить их для того, чтобы не раскрывать на общем обсуждении подрывные доктрины и тайные замыслы тамплиеров. Чистая гипотеза. Папа не пожелал выносить окончательный приговор ордену, чья вина не была доказана в полной мере. По этой причине формулировка приговора несколько расплывчата: «Хотя мы могли бы обвинить их по всем правовым нормам, мы распускаем их упреждающим образом апостольской властью, оставляя за нами и за Святой римской Церковью право распоряжаться их жизнями».

Выражение «упреждающим образом» дало почву для различных толкований. Утверждалось, что папский декрет, ликвидировавший орден Храма, носил всего лишь временный характер, речь шла только о роспуске на определенный срок, в связи со сложившимися обстоятельствами.

Непонятно, как орден мог вновь обрести смысл существования. Даже новый крестовый поход не восстановил бы его репутацию. Тамплиеры слишком основательно закрепились в Западной Европе, чтобы согласиться пойти на какие-либо преобразования, которые лишили бы их имущества и престижа.

Король присутствовал при всем этом и после пяти лет ожидания и коварных происков праздновал победу. Через месяц после вынесения приговора, 3 мая, издав буллу «*Ad providam*», Папа решил передать имущество тамплиеров госпитальерам, которых начинали называть «рыцарями Родоса». В королевствах Арагонском, Кастильском, Португальском и на Майорке это имущество следовало передать местным военным орденам, которые еще сражались против сарацинов: орденам Алькантара, Сантьяго и Калатрава.

В связи с этим Папа открыто проявил свою власть. Отцам Церкви, которые выступали против намерения передать имущество тамплиеров госпитальерам, Климент V заявил: «Если вы согласитесь с передачей имущества ордену госпитальеров, я с радостью объявлю о согласии с вами, если же нет, я все равно сделаю это, по нраву это вам или нет».

Поскольку оппозиция упорствовала, Климент V пренебрег ею. Впрочем, передача имущества ордена тамплиеров госпитальерам полностью соответствовала принципам церковного и феодального права: в общем, это был всего лишь переход имущества Церкви от одного ордена к другому.

Процесс против ордена окончился. Оставалось решить судьбу его руководителей. Дело против простых рыцарей было закрыто еще до открытия собора: все те, кто упорно продолжал отказываться от своих прежних показаний, были казнены как возвратившиеся к прежним прегрешениям.

Однако пока нельзя было поздравить себя с тем, что тамплиеры полностью уничтожены. Поэтому 6 мая Климент V в булле «*Considerantes dudum*» дает указания епархиальным судам и провинциальным соборам, чтобы они продолжили преследование тех, кому удалось избежать суда инквизиции.

Папа просил, чтобы с виновными обращались «со строгой справедливостью, смягченной немалой долей милосердия». Тем, кто подчинился бы Церкви, было бы назначено содержание из средств ордена.

Госпитальерам пришлось немало потрудиться, чтобы вырвать из рук короля и его жадных придворных казну и недвижимость ордена тамплиеров.

Филипп Красивый надеялся, что сможет удержать это имущество, а с момента ареста тамплиеров в 1307 г. он назначил выплаты в виде ренты с доходов от секвестрованного имущества. Он утверждал, что сначала должен был компенсировать себе судебные издержки («издержки на тюремное заключение и на пытки»), в размере 200 000 турских ливров.

К тому же госпитальеры были вынуждены простить долги королю, королеве и принцам, которые еще не были выплачены тамплиерам к моменту конфискации имущества в 1307 г. Дабы законно обосновать погашение своих долгов, король ссылался на то, что по канонам запрещалось платить причитающееся еретикам.

Госпитальеры также должны были отказаться от доходов, полученных сборщиками налогов во время наложения секвестра. Эти долги, ликвидированные одним росчерком пера, составляли около 500 000 ливров. Отметим также, что казна ордена Храма в Париже уже на следующий день стала и королевской казной, при этом королевские чиновники не завершили финансовые операции, начатые последними бухгалтерами ордена Храма. Для Филиппа Красивого речь шла не столько об отправлении правосудия, сколько о ликвидации банковского счета, баланс которого был слишком благоприятен для тамплиеров.

Несмотря на полученную денежную прибыль, для Филиппа Красивого процесс по делу ордена тамплиеров представлял собой поражение. Орден не был осужден по закону, как рассчитывал король. Духовная власть Святого Престола взяла верх над неправомерными притязаниями королевского абсолютизма. Если верно то, что Филипп Красивый понемногу подчинил себе инквизицию, чтобы сделать из нее послушный инструмент, то эта тактика не была эффективной: в конечном счете монарх не смог добиться полной победы.

Некоторые также утверждают, что король продолжал испытывать денежные затруднения даже в те годы, когда он сам получал доходы с конфискованного имущества. Другие, наоборот, говорят, что после ареста тамплиеров финансовые проблемы с казной значительно уменьшились.

Доходы ордена Храма, полученные королем, как будто достигали двенадцати миллионов. Разумеется, эту цифру невозможно проверить. Среди поступков короля наиболее значимым явился тот факт, что, по словам Монтаньяка, арендуемые земли тамплиеров были выставлены на торги, при этом арендная плата была столь высока, что съемщики разорились, а король завладел их имуществом.

* * *

После Вьеннского Собора тамплиеров судили в соответствии с их личными поступками. Провинциальные соборы полновластно распоряжались их судьбами.

Тех, кто отказывался от своих предыдущих признаний, считали нераскаившимися еретиками и приговаривали к сожжению или пожизненному заключению. Тем, кто подтверждал свои признания, давали содержание из средств ордена. Многие сумели избежать суда, занявшись простым ремеслом или, если они происходили из знатной семьи, поменяв имя.

Папа сохранил за собой право судить великого магистра и сановников ордена, но в конце 1312 г. под предлогом большой занятости он передал трем своим кардиналам: Николя де Фревиллю, доминиканцу, который был исповедником и советником короля, Арно де Фаржу или Арно д'Ошу, племяннику Папы, и Арно Нувелю, монаху из Сито.

Кардиналы не станут вести новые допросы: они воспользуются данными ранее показаниями.

Три прелата отправились в Париж, но прежде чем судьба сановников будет решена, пройдут долгие месяцы.

Глава VI

КАЗНЬ РУКОВОДИТЕЛЕЙ ОРДЕНА

18 марта 1314 г. три кардинала приговорили высших сановников тамплиеров к пожизненному заключению.

Приговор был оглашен в Париже, на паперти собора Парижской Богоматери, где воздвигли эшафот. Народу хотели доказать, что тамплиеры были действительно виновны. Поэтому один из легатов, Арно Нувель, велел тамплиерам прилюдно признаться в своих заблуждениях. Чтобы испугать их, был разожжен костер. Приоры Франции и Аквитании уступили угрозам и повторили признания. (Они закончат свои дни в темнице.)

Затем произошло неожиданное. Жак де Моле и Жоффруа де Шарне воскликнули: «Мы не виновны в тех преступлениях, в которых нас обвиняют, но мы виновны в том, что подло предали орден, чтобы спасти собственные жизни, чтобы избежать непомерных страданий пытки и умиловить тех, кто мучил нас. Орден невинен, он свят; обвинения нелепы, признания лживы».

Пребывавшие в замешательстве кардиналы перенесли вынесение решения на следующий день и передали Моле и Шарне в руки прево Парижа.

Король пришел в ярость и решил ускорить развязку: в тот же день королевский совет, на котором присутствовали только светские лица, приговорил «нераскаявшихся еретиков» к немедленной смерти.

Вечером на Камышовом острове был сложен костер, отблески которого освещали темные стены королевского дворца. Моле и Шарне умерли, сожженные на медленном огне, с взором, обращенным к собору Парижской Богоматери: «Они с такой стойкостью и твердостью приняли гибель в огне, — говорит хронист, — что толпа при виде их мужественной смерти и последнего отказа от признаний была охвачена восхищением и оцепенением».

Оба сановника не приняли бы смерть с такой твердостью и таким спокойствием, если бы орден, который они представляли, был виновен. Невозможно представить себе, что эти монахи солгали бы

перед смертью, притом, что ложь влекла за собой казнь, а правда предполагала освобождение или, по меньшей мере, сохранение жизни.

Народ стал считать их мучениками и поспешил бережно собрать их пепел.

Часто приводят слова Боссюэ, сказанные в связи с гибелью тамплиеров на костре: «Они признались под пытками, они отреклись на эшафоте и в час смерти».

Легенда гласит, что великий магистр перед смертью проклял Папу и короля. Как бы то ни было, и тот и другой умерли вскоре после великого магистра, а их могилы были осквернены: останки Филиппа Красивого были выкопаны пятьсот лет спустя жителями Парижа. Что касается праха Климента V, он был развеян по ветру в 1577 г., когда папский мавзолей был разграблен кальвинистами.

Отметим, что все те, кто сыграл роковую роль в деле ордена Храма, умерли насильственной смертью: Ангерран де Мариньи, Плезиан, два первых доносчика и т. д. Отметим странное стечение обстоятельств: пять веков спустя, в эпоху Террора, резиденция ордена Храма в Париже (Тампль) должен был стать убежищем, где прошли последние трагические дни королевской семьи из рода Филиппа Красивого.

Заключение

Что бы ни делалось, история тамплиеров всегда будет окутана туманом, сгущаемым по неким предвзятым соображениям. И если, заканчивая наше эссе, мы не можем прийти к формальным выводам, значит ли это, что наш труд был бесполезен? Мы полагаем, что благодаря тем крупным истинам, которые мы связали в единое целое, у большинства наших читателей сможет сложиться более полное представление об этом знаменитом процессе.

Сложные составляющие исторической и психологической проблемы, которая возникает каждый раз, когда разговор заходит о процессе ордена Храма, можно свести к следующим положениям:

Среди богатых и ничем не занятых тамплиеров, живших во Франции во времена Филиппа Красивого, очевидно, были и паршивые овцы, беспутные рыцари, монахи-отступники. Филипп Красивый и его приспешники воспользовались этими единичными случаями, чтобы обобщить их и повести пропагандистскую кампанию против ордена Храма. Речь шла о том, чтобы восстановить народ против аристократической касты духовенства и вызвать народную реакцию, направленную на этих крупных финансистов. Таким образом, они надеялись, что тамплиеров будут порицать так же, как, например, евреев.

Король, завидуя финансовой мощи ордена Храма, попытался осуществить свой тайный замысел — избавиться от ордена, чтобы завладеть его богатствами. Знать и духовенство, завидуя прерогативам тамплиеров, поддержали королевскую политику и постарались уничтожить организацию, которая внушала им опасения.

Папа Климент V, родом из Франции, будучи в долгу у короля, не посмел с должной твердостью выступить против грабительских намерений монарха.

Итак, судебная машина того времени была запущена, и ее слепой и безжалостный механизм скрыл истину.

Против тамплиеров были собраны все обвинения, которые в течение веков выдвигались против еретиков и колдунов. Под пытками из обвиняемых вырвали все, что желали от них услышать королевская

солдатня и инквизиторский суд. Первые признания, полученные благодаря бесчеловечному насилию, определили в общих чертах отношение к обвиняемому на протяжении всего процесса. Если он отказывался от своих слов, его считали нераскаявшимся еретиком и после вынесения скорого приговора сжигали.

Именно такое стечение обстоятельств и сломило тамплиеров. Те, кто не погиб на костре, обязаны своей жизнью только признаниям, данным с единственной целью — «спасти свою шкуру».

Напрасно вести ученые споры, с понимающим видом вдаваться в подробности или придерживаться насмешливого скептицизма: следует всегда помнить о заключении великого Антуана Арно^{56} в книге *«Похвальное слово католикам»*: «Теперь нет почти никого, кто бы не считал, что тамплиеры были ложно обвинены в том, что заставляли всех рыцарей, принимаемых в орден, богохульствовать, поклоняться идолу и заниматься непристойностями; здравый смысл заставил рассудить, что десять человек, которые умирают, имея возможность не умереть, признавшись в преступлениях, в которых их обвиняют, заслуживают больше доверия, чем сто человек, которые признались и взамен на это признание получили жизнь».

* * *

Рассмотрим вкратце некоторые из наших положений. То, что единичные проявления малодушия имели место, неоспоримо. И если во всех религиозных орденах бывали случаи отступления от веры, то вполне естественно, что среди членов ордена Храма, который был больше военным, чем религиозным, существовали отступники.

Орден Храма в определенный момент стал чем-то вроде «иностранного легиона», объединявшего отлученных от церкви рыцарей и набирал новых членов из нежелательных лиц, что, как мы видели, радовало св. Бернара, видевшего в крестовом походе средство спасения для этих отвергнутых людей. Между тем тенденция принимать в орден продажных личностей и еретиков станет роковой для некоторых плохо управляемых командорств. Упразднение срока послушничества, учрежденного св. Бернаром, тот факт, что в последние годы новые братья просто покупали вступление в орден, —

все это способствовало разложению ордена и благоприятствовало развитию вседозволенности. Однако никто не может утверждать, что *весь орден* был развращен. Если бы дело обстояло именно так, то Вьеннский Собор осудил бы его из-за этого, в то время как орден Храма упразднил один только Папа из соображений необходимости. Это был не приговор, но упредительная мера. Таким же образом в 1773 г. Климент XIV уничтожил орден иезуитов.

Что касается корыстных целей Филиппа Красивого, то они очевидны.

В части *«Чистилище»*, которую он закончит через несколько месяцев после казни Жака де Моле, Данте порицает Филиппа Красивого: тот в Ананьи покушался на наместника Бога на земле, причем последний умер, окруженный двумя преступниками (Ногаре и Колонна); говоря о короле, он добавляет: *«Я вижу нового Пилата, не насытившегося этой казнью; он перенес на орден Храма свои корыстные желания»*.

Это мнение проницательного и знаменитого современника было одобрено последующими поколениями: «Если исход процесса, как нам известно, был печальным, то ответственность за это следует возлагать, в основном, на короля и его притязания» (*Вакандар*).

В общем, речь идет о деле, связанном с деньгами, и о судебной ошибке, произошедшей, как мы показали, вследствие отсутствия вещественных доказательств, противоречивости показаний и ложных признаний, полученных благодаря инквизиторским методам. Не следует недооценивать значение пыток, поскольку тридцать шесть обвиняемых умерли в Париже под пытками. И нужно было обладать большой физической выносливостью, как Жак де Моле, чтобы в течение многих лет заключения переносить моральные мучения, которые доставляло это оживленное судебное дело. Впрочем, нынешние судебные разбирательства бросают свет на эту печальную страницу прошлого.

Среди тех, кто признался в преступлениях, были также и такие, кто уступил то ли из страха перед наказанием, которым им угрожали, то ли перед обещаниями награды и получения каких-то льгот. Многие дали себя купить. Наконец, некоторые тамплиеры встали на путь признаний из-за невежества или в силу несознательности. Они не отдавали себе отчета, что от них требовали, они не осознавали

значения вопросов, им не под силу было понять механизм начатого против них судебного процесса. Как говорит Лизеран, нужно было бы «вырвать тамплиеров из рук короля, обеспечить их безопасность, равно как и безопасность их прокуроров, допросить тех, кто покинул орден, постараться узнать, в чем исповедовались тамплиеры на смертном ложе, запретить светским лицам присутствовать при даче показаний, отделить тех, кто уже свидетельствовал, от тех, кто только собирался это сделать, держать все показания в тайне».

Ничего этого сделано не было. Все будет окончательно искажено. Вплоть до сегодняшнего дня историческая достоверность смогла приподнять лишь край завесы, распростертой над этим таинственным делом. Установлено, что весь орден как таковой не был виновен ни в ереси, ни в богохульстве, ни в сатанизме, ни в идолопоклонстве, ни во всеобщем распутстве. Проступки носили локальный и единичный характер, как это было во все века в других религиозных орденах. Приписывать целому сообществу заблуждения одного или нескольких его членов — это чрезмерно упрощенный, несправедливый и бесчестный прием.

Предполагалось, что существовали две категории тамплиеров: посвященные и непосвященные. Посвященные якобы совершали свои таинства и подозрительные сделки, прикрываясь праведностью, за спиной у непосвященных. Такая гипотеза могла бы объяснить признания одних и отрицание всего другими. Этот момент, как и множество других, останется неясным, поскольку не существует ни одного подлинного документа, рассказывающего о посвящении в учение тамплиеров.

Если от этих монахов, которыми несмотря ни на что были тамплиеры, и исходили ересь и богохульство, это не бросает тень на Церковь. Последняя находилась в состоянии борьбы в течение двадцати веков и сталкивалась с гораздо более серьезными затруднениями. Ее возглавлял некий Родриго Борджиа (Александр VI), кардиналы-развратники, епископы-сластолюбцы, ее терзали расколы, подрывали ереси, но тем не менее она прошла сквозь века, сохранив в неприкосновенности то, что было унаследовано ею от Христа. И если, несмотря на внутренних врагов, которые были гораздо опаснее врагов внешних, Церкви удалось остаться тем, чем она является, это произошло потому, что она основывается на непреходящих ценностях.

Она сожалеет об этих проявлениях слабодушия, которые разрушили бы любой другой социальный институт, созданный человеком, она по мере своих сил старается загладить их, но ее целостность от этого не страдает.

Почему дело тамплиеров имело такое сильное влияние на все последующие столетия? Существует множество причин, которые следует выделить. Во-первых, это произошло потому, что это дело выявило несправедливость инквизиторских приемов: «Быть может, никогда, — говорит Вакандар, — суды инквизиции не проявляли большей суровости и жестокости, чем в деле тамплиеров».

Затем, по злому умыслу тех, кто желал избавиться от тамплиеров, их процесс стал в один ряд с крупными еретическими течениями первых веков. К тому же франкмасонство, признавая тамплиеров своими предками и искусственно привязывая орден Храма к своей Луже, посеяло во многих умах смятение.

Наконец, процесс тамплиеров происходил в самом «сердце» Средневековья, в те века, когда живую воду веры часто мutilи импульсы суеверий. Шпили соборов устремлялись высоко в небеса, а в лесах еще звучало последнее эхо язычества. Паломники исходили весь Восток и Запад, устремляясь к бесчисленным святым местам христианства, но прямо под крылом у Церкви колдовство пускало свои ядовитые побеги. Нам ничего не понятно в крестовых походах в целом и в истории ордена Храма в частности, если мы не пытаемся связать между собой явно противоречивые исторические факты.

К тому же проблема тамплиеров связана с проблемой политических, интеллектуальных, социальных и торговых отношений, сложившихся в средние века между Востоком и Западом.

Крестоносцы пересекли моря и земли, чтобы освободить гроб Христа, но они принесли в наши туманные края жар Востока, некую изнеженность и немного миражей из стран Ислама.

Как и все паломники Святой Земли, тамплиеры простерлись ниц перед Гробом Господним, искупались в Иордане и посетили дом в Назарете, но они также побывали в тех горах Ливана, где повелитель ассасинов одурманивал своих фидаяев, давая им волшебную траву.

Стоит ли удивляться тому, что многие тамплиеры уступили соблазнам Востока? Если плоть свободней расцветала в тиши залитых солнцем земель, если порок подстерегал ее с еще большей силой,

нельзя не признать, что разум также находится в опасном состоянии помутнения. Ближний Восток — это перекресток трех основных религий — христианства, ислама и иудаизма. Он разрывается между истиной и заблуждением. И само христианство там дробится на множество «церквей» или литургических групп: марониты, копты, мелкиты, сирио-халдеи, армяне и т. д. К этому многообразию христианских обрядов следует добавить бесчисленные мусульманские и языческие секты, которые, как во времена крестовых походов, так и сегодня, соседствуют в Леванте. Именно поэтому возможно, что некоторые рыцари подверглись влиянию секты исмаилитов. Помимо этого близость стран ислама могла легко поколебать веру некоторых тамплиеров, тем более что чаще всего это были либо горячие головы, либо отлученные от церкви, которые должны были бы восстановить свою репутацию крестовым походом, но из-за окружающей обстановки вновь впали в заблуждение.

Для людей сумасбродных и искателей приключений соприкосновение с исламом могло стать пагубным. Для примера возьмем Фридриха II, который стал мусульманином «по какому-то тайному влечению», и двор его состоял наполовину из людей Востока. Как нам говорит Жебар, его жизнь представляла собой «тревожное подражание политике халифов, абсолютно мусульманскую концепцию правления»^{57}. Папа Григорий IX сравнивал его с мусульманским пиратом. Говорили, будто в своем еретическом исступлении Фридрих II дошел до того, что стал считать себя богом.

В предыдущей работе^{58} мы также упоминали случай с Балдуином I, королем Иерусалима, ведущим жизнь подобно христианскому султану. Но брат Готфрида Бульонского не отошел от веры, в чем можно упрекнуть Фридриха II.

В целом крестоносцы оказали слабое сопротивление соблазнам восточного климата и коварной лени, царившей на левантийских берегах Средиземноморья. В частности, можно привести пример «пуленов»^{59}, которые, несмотря на свои европейские корни, казалось, не сохранили ничего от христианской цивилизации, выходцами которой являлись. В книге *«Франция времен крестовых походов»* Воблан нам описывает их одетыми в мягкие ткани и предающимися наслаждениям. Они покидали лагеря ради зланных мест: «Изнеженные создания, они ходили с длинными рукавами,

застегнутыми на пряжки, с дорогими поясами на талии и в узких туниках без единой складки, их шеи украшали драгоценные камни, на головах были цветочные венки, а в руках — кубки, ибо их руки разучились держать меч. Их ночи проходили в празднествах; опьянение приводило их в дома разврата, двери которых они сокрушали с ужасающими проклятиями».

Можно было бы назвать еще много примеров вырождения христианства, соприкоснувшегося с мусульманами.

Всем известно, что западная мораль очень быстро исчезает в зное пустыни, как показал Лоуренс в труде *«Семь столпов мудрости»*.

Дабы восстановить некое равновесие, божественный порядок иногда прибегает к самым жестоким способам излечения и не пренебрегает китайской пыткой огнем: тамплиеры, мученически принявшие смерть в пламени костров, быть может, поплатились за тот духовный и плотский пыл, который обуревал многих их братьев на выжженных равнинах Леванта.

БИБЛИОГРАФИЯ

Что касается, в частности, крестовых походов, мы отсылаем читателя к библиографии нашего труда *Готфрид Бульонский*. Брюссель, 1943 г.

AEGERTER (Emmanuel). — *Les hérésies du moyen âge*. Paris, 1939.

ALBON. — *Cartulaire général de Vordre du Temple*. Paris, 1913.

AMBROISE (G.). — *Les moines du moyen âge*. Paris, 1942.

ABQUILLIÈRE (H.X.). - *L'Eglise au moyen âge*. Paris, 1939.

BELPERRON (Pierre). - *La croisade contre les Albigeois et l'union du Languedoc à la France*. Paris, 1942.

BERNARD (Saint). — «*De laude novae militiae ad milites Templi*», dans Migne, *Patrologia latina*, t. 182. Paris, 1879.

BOUTARIC. - *La France sous Philippe le Bel*. Paris, 1861.

BOUTHOU. - *Le grand maître des Assassins*. Paris, 1936.

CAILLET (Albert-L.). — *Manuel bibliographique des sciences psychiques*. Paris, 1912.

CARRIÈRE (Victor). — *Histoire et cartulaire des Templiers de Provins. Avec une introduction sur les débuts du Temple en France*. Paris, 1919.

CARTON (D¹). — *La science occulte et les sciences occultes*. Brévannes, 1935.

CAUZONS (Th. de). — *La magie et la sorcellerie en France*. Paris, s. d. — *Histoire de l'inquisition en France*. Paris, 1909–1912.

CHARPENTIER (John). - *Les grands Templiers*. Paris, 1935. - *Ordre des Templiers*. Paris, 1945.

CHATEAUBBIANT (A. de). - *La réponse du Seigneur*. Paris, 1933.

CHRISTIAN (Paul). - *Histoire de la magie*. Paris, 1886.

COLLIN DE PLANCY. — *Dictionnaire infernal*. Paris, 1853.

CURZON (H. de). - *Introduction à la Règle du Temple*. Paris, 1886.

DANIEL-ROPS. - *Saint Bernard et son message*. Paris, 1943.

DANSAERT (G.). — *Histoire de l'ordre souverain et militaire de Saint-Jean de Jérusalem, dit de Rhodes ou de Malte, en Belgique*. Bruxelles, 1932.

DELAVILLE LE ROULX. - *Les Hospitaliers en Terre Sainte et à Chypre*. Paris, 1904.

DESSUBBRÉ. - *Bibliographie de l'ordre des Templiers*. Paris, 1928.

DUPUY (Pierre). - *Histoire de l'ordre militaire des Templiers*. Bruxelles, 1751.

FAWTIER (Robert). — *Histoire du moyen âge. L'Europe occidentale de 1279 à 1328*. Paris, 1940.

FRAISSINET (Edouard). — *Essai sur l'histoire de l'ordre des Templiers*. Bruxelles, 1846.

GEBHART. - *L'Italie mystique*. Paris, 1904.

GODARD (André). - *La piété antique*. Paris, 1925;

GRIFFET. — *De l'abolition et du procès des Templiers. Coll. des meilleurs dissertations, notices et traités relatifs à l'histoire de France*. Paris, 1838.

GIRAUD (Jean). - Art. «*Inquisition*», dans *Dictionnaire apologetique de la foi catholique*, t. II. Paris, 1911. — *L'Inquisition médiévale*. Paris, 1928. — *Histoire de l'Inquisition au moyen âge*. T. I.

HELIOT. — *Dictionnaire des ordres religieux*. Paris, 1859.

Histoire des ordres militaires. Amsterdam, 1721.

Histoire littéraire de la France, passim et notamment G. Paris. — *Le Roman de Fauvel*. T. 32, p. 108–153. Paris, 1898.

JOUE (Marguerite). — *Ces dames de la Tour de Nesle*. Paris, 1952.

KERVYN DE LETTENHOVE. - *Histoire de Flandre*. Bruges, 1853.

LANGFORS. — *Le Roman de Fauvel par Gervais du Bus, publiée d'après toutes les manuscrits connus*. Paris, 1914–1919.

LAVOCAT. — *Procès des frères de Vordre du Temple*. Paris, 1888.

LEA (H. Ch.). - *Histoire de l'inquisition au moyen âge*. Paris. 19001902.

LÉVIS-MIREPOIX (duc de). - *Philippe le Bel*. Paris, 1936.

LIZERAND (Georges). - *Clément V et Philippe le Bel Paris*, 1911. — *Le dossier de l'Affaire des Templiers*. Paris, 1923.

LOISELEUR (Jules). — *La doctrine secrète des Templiers*. Paris, 1872.

MAILLARD DE CHAMBURE. - *Régie et statuts secrets des Templiers*. Paris, 1840.

MANDONNET (R. P.). - *Dante le théologien*. Paris, 1935. *Manuel des chevaliers de l'ordre du Temple*. Paris, 1817.

MARQUÉS-RIVIÈRE (Jean). - *Les rituels secrets de la Franc-Maçonnerie*. Paris, 1941.

Mémoires historiques sur les Templiers. Paris, 1805.

MELVILLE (Marion). - *La vie des Templiers*. Paris, 1951.

MICHELET. - *Histoire de France*. Paris, 1835–1844.

MOLLAT. — *Les papes d'Avignon*. Paris, 1924. — Art. «Templiers», dans *Dictionnaire apologetique de la foi catholique*, t. IV. Paris, 1922.

MONTAGNAC. — *Histoire des chevaliers templiers et de leurs prétendus successeurs*. Paris, 1864.

NERVAL (Gérard de). - *Voyage en Orient*. Paris, 1867.

PIQUET (Jules). — *Des banquiers au moyen âge: les Templiers*. Paris, 1939.

PIRENNE. - *Histoire de l'Europe des Invasions au XVI^e siècle*. Bruxelles 1939.

PISSARD. — *La guerre sainte en pays chrétien*. Paris, 1912. *Procès des Templiers, publié par Michelet*. Paris, 1841–1851.

RAPETTL— Art. *Molay* dans *Nouvelle biographie générale*. Paris, 1861.

RASTOUL. - *Les Templiers*. Paris, 1905.

RAYNOUARD. - *Les Templiers*. Paris, 1905.

RENAN (Ernest). - *Jacques de Molay, dans l'Histoire littéraire de la France*, t. 27. Paris, 1877.

REY (Emm. Guil.). - *Les colonies franques de Syrie aux XII^e et XIII^e siècles*. Paris, 1823.

RIVIÈRE (Jean). - *Le problème de l'église et de l'État au temps de Philippe le Bel*. Louvain, 1926. roy. — *Histoire des Templiers*. Tours, 1853.

SCHLUMBERGER (Gustave). - *Récits de Byzance et des croisades*. Paris, 1932. schoonebeek. — *Histoire de tous les ordres militaires ou de chevalerie*. Amsterdam, 1699.

STEENACKERS. — *Histoire des ordres de chevalerie*. Paris, 1867.

TIRON. — *Histoire et costumes des ordres religieux, civils et militaires*. Bruxelles, 1845.

UNDSET (Sigrid). - *Catherine de Sienne*. Paris, 1952.

VACANDARD (E.). - *L'inquisition*. Paris, 1907 — *Vie de saint Bernard*. Paris, 1910. — Art. «Inquisition», dans *Dictionnaire pratique des connaissances religieuses*, t. II. Paris, 1926 et dans *Dictionnaire de théologie catholique*, t. VII, 1. Paris, 1922.

VAUBLANC. — *La France au temps des croisades*. Paris, 1847.

VERTOT. — *Histoire des chevaliers hospitaliers de Saint Jean de Jérusalem*. Paris, 1859.

VILLEY (Michel). - *La croisade*. Paris, 1942.

ZACCONE. — *Histoire des Sociétés secrètes, politiques et religieuses*. Paris, 1877.

Комментарии

¹ Филипп Красивый — французский король в 1285–1314 гг. (Примеч. ред.)

² Латино-Иерусалимское королевство — королевство, основанное на Ближнем Востоке крестоносцами. (Примеч. ред.)

³ В предыдущей работе: *Godefroid de Bouillon*. Bruxelles, 1943. (Примеч. авт.)

⁴ В 1099 г. Крестоносцы разгромили при Аскалоне армию, посланную египетским халифом из династии Фатимидов, чтобы отвоевать Иерусалим. (Примеч. ред.)

⁵ Арабская династия Фатимидов правила в Египте с начала X в. (Примеч. авт.)

⁶ Меченосцы — военно-монашеский орден, основанный в 1202 г. для захвата и крещения Восточной Пруссии. В 1237 г., после разгрома в битве с литовцами меченосцы слились с Тевтонским орденом, образовав Ливонский орден. (Примеч. ред.)

⁷ На эту тему см. работу Дансера: Dansaert. Histoire de l'ordre souverain et militaire de saint Jean de Jerusalem, dit de Rhodes ou de Malte, en Belgique. Bruxelles, 1932. (Примеч. авт.)

⁸ Орден рыцарей-меченосцев был создан в 1204 г. в Дюнамюнде (Ливония) Альбером Апельдорнским, епископом Ливонским. Поначалу в их полномочия входила защита христианских миссионеров, но мало-помалу они были вовлечены в завоевание территорий, населенных язычниками-славянами. Они заняли Эстонию и часть Ливонии. В 1237 г. слились с орденом тевтонских рыцарей. (Примеч. авт.)

⁹ Замок Вье Жон в Рижковене, в бельгийском Лимбурге являлся резиденцией командора тевтонских рыцарей. (Примеч. авт.)

¹⁰ Автор имеет в виду конфликты за главенство в сфере торговли с Ближним Востоком, которые развернулись в городах Латино-Иерусалимского королевства после его основания (особенно кровопролитными ставшие в XII в.) между купцами трех крупных и независимых торговых республик — Пизы, Генуи и Венеции. Иногда

столкновения меж ними были столь сильны, что фактически парализовывали всю жизнь крестоносных государств на Востоке. (*Примеч. ред.*)

¹¹ Балдуин II — иерусалимский король в 1118–1131 гг. Двоюродный брат основателя королевства Готфрида Бульонского. (*Примеч. ред.*)

¹² А св. Бернар, как упоминалось выше, принадлежал как раз к ордену цистерцианцев. (*Примеч. ред.*)

¹³ Этот плащ напоминал рясу с капюшоном, которую носили цистерцианцы. И иногда речь заходила о «цистерцианском ордене Храма». (*Примеч. авт.*)

¹⁴ Как нам известно, эти «отченаши» (*patenotres*) вменяются в обязанность братьям-мирянам в большинстве религиозных орденов. С другой стороны, следует отметить, что альбигойцы довольствовались однократным прочтением *Отче наш*; далее же мы увидим, что тамплиеров обвиняли в альбигойстве. (*Примеч. авт.*)

¹⁵ Этому слову близко валлонское «*escorée*», означавшее кнут. (*Примеч. авт.*)

¹⁶ Небольшие фермы, отдаваемые в аренду и находящиеся в зависимости от командорства. (*Примеч. авт.*)

¹⁷ Оммаж — церемония подчинения вассала сеньору в эпоху феодализма: будущий вассал становился на колени, и вкладывал свои руки в руки сеньора, принося клятву верности, взамен получал поцелуй мира и какой-либо предмет (меч, стяг, пояс, шапку и т. д.), олицетворявший передачу феода — земельного владения или денежной ренты. (*Примеч. ред.*)

¹⁸ Бальи — сеньориальный чиновник; во французском королевстве бальи был судебным и административным представителем короля в особом округе, бальяже. (*Примеч. ред.*)

¹⁹ Слово «ассасин» происходит по убеждению некоторых от слова «*гашишин*» (употребляющий гашиш) или от персидского *hassissin*, означающего острый кинжал. (*Примеч. авт.*)

²⁰ Сунниты и шииты — два направления ислама. Сунниты избирали халифов из всей мусульманской общины, шииты — из потомков Али и дочери Мухаммеда. (*Примеч. ред.*)

²¹ Раймунд Сен-Жильский — граф Тулузский в 1045–1105 гг., один из предводителей первого крестового похода. Во время похода неоднократно ссорился с другими баронами из-за власти над захваченными в Святой Земле городами. (*Примеч. ред.*)

²² У мусульман долго существовало нечто вроде культа св. Георгия. В Ливане турки возвели мечеть на том месте, где, по их мнению, св. Георгий победил змея, который должен был проглотить дочь князя Бейрута. (*Примеч. авт.*)

²³ Ги де Лузиньян — иерусалимский король в 1186–1187 гг., потерпел поражение в битве с египетским султаном Саладином (1187 г.), после которой почти все Иерусалимское королевство было захвачено мусульманами. (*Примеч. ред.*)

²⁴ Бейбарс, четвертый мамлюкский султан Египта. (Ум. 1151 г.) (*Примеч. авт.*)

²⁵ Сугерий — аббат монастыря Сен-Дени, советник французских королей Людовика VI и Людовика VII. (*Примеч. ред.*)

²⁶ Петр Отшельник (ум. 1116 г.) — странствующий проповедник, один из вдохновителей Первого крестового похода. (*Примеч. ред.*)

²⁷ Фульк из Нейи (ум. 1202 г.) — кюре Нейи-сюр-Марн, известный проповедник, которому Папа Римский Иннокентий III поручил проповедовать крестовый поход. (*Примеч. ред.*)

²⁸ В 1303 г. противники Папы Римского Бонифация VIII (1294–1303 гг.) во главе с посланником французского короля Филиппа IV Красивого Гильомом Ногаре ворвались в итальянский городок Ананьи и захватили понтифика в плен. Эта акция была одним из этапов борьбы Бонифация VIII и Филиппа IV, начавшейся из-за непомерных притязаний Папы, видевшего себя единственным главой христианского мира. Филипп обвинил Бонифация в ряде преступлений, несовместимых с папским саном (в том числе и убийстве предыдущего Папы, Целестина V). Целью захватившего Папу Ногаре было привести его на заседание Вселенского Собора и лишить папской тиары. Вскоре Ногаре и его сторонники были вынуждены отпустить Папу, но от потрясения Бонифаций VIII скончался спустя некоторое время. Даже после смерти Бонифация Филипп IV требовал от его преемников продолжить обвинительный

процесс против умершего и лишить его христианского погребения. (Примеч. ред.)

²⁹ Непотизм — раздача выгодных должностей и привилегий родственникам. (Примеч. ред.)

³⁰ Fawtier R. Histoire de L'Europe. Paris, 1940. Т. VI.

³¹ Это нынешний квартал Марэ или квартал Тамплъ. (Примеч. авт.)

³² Имеется в виду Вселенский собор, который Филипп IV Красивый хотел созвать для суда над Папой Бонифацием VIII. (Примеч. ред.)

³³ Безье в истории того времени окружен мрачным ореолом. За сто лет до этого в июле 1209 г. во время крестового похода против альбигойцев город стал свидетелем знаменитой резни. Именно в Безье в 1297 г. инквизиция обвинила королевских чиновников в ереси. (Примеч. авт.)

³⁴ Уже тогда существовало выражение «пить как тамплиер», а в Германии слово *Tempelhaus* означало публичный дом. (Примеч. авт.)

³⁵ Ногаре, Гильом (ок. 1270–1313) — легист и приближенный французского короля Филиппа IV. Играл значительную роль в конфликте короля с Папой Бонифацием VIII и процессе тамплиеров; Дюбуа, Пьер (ок. 1250 — после 1321) — лицензиат канонического права, королевский адвокат в бальяже Кутанса. Автор многочисленных трактатов, где он ратовал за увеличение королевских prerogatives на территории всего королевства и мечтал об установлении гегемонии французского короля Филиппа IV над всем христианским миром. (Примеч. ред.)

³⁶ Ангерран, сеньор Мариньи (ум. 1315) — камергер Филиппа IV Красивого и его приближенный советник, в 1311–1314 гг. осуществлял руководство внешней политикой королевства, а в 1314 г. — контролировал финансовую политику государства. (Примеч. ред.)

³⁷ Речь идет о конфликте неаполитанских королей из Анжуйской династии и арагонских королей, с 1282 г. оспаривавших друг у друга власть над Сицилией. Французские короли, которым правители Анжуйской династии приходились близкими родственниками, поддерживали их в борьбе против арагонцев. (Примеч. ред.)

³⁸ Так, например, марсельский поэт Ростан Беренгьер сочинил сатирические куплеты против тамплиеров. Однако следует заметить, что трубадуры, так любящие обличать в своих *сирвентах* духовенство и сеньоров, никогда не делали тамплиеров своей мишенью. Это неоспоримо свидетельствует в пользу ордена. Стоит ли говорить о «пропаганде в прессе», проводимой по согласованию с высшими кругами? Как утверждалось, Франсуа де Рю, преемник Жана де Мена, написал по приказу Филиппа Красивого сатирический роман *о Фовеле*, высмеивающий тамплиеров, но также и Папу Римского, и нищенствующие ордены. Слово «*фовель*» якобы означало «*бафомет*», о котором мы расскажем далее. Это одно из многочисленных утверждений, которые не были проверены комментаторами процесса. Фовель — это лошадь рыжей масти, как свидетельствует выражения, употребляемые в XIII в.: «оседлать, чистить скребницей, вытирать фовель», означавшие «подло поступить, обнадежить и обмануть».

«*Роман о Фовеле*» состоит из двух книг, довольно сильно разнящихся по стилю. Первая датируется 1310 г., вторая — 1314. Автор второй, без сомнения, Жерве дю Бю. По словам Гастона Пари, похоже, что первую книгу написал другой автор. Она содержит четырнадцать шестистрочных строф, посвященных тамплиерам, десять из них, как кажется, были вставлены в первоначальный текст. Автор первой книги — это некий клирик, сильно заботящийся о привилегиях Церкви, не расположенный оправдывать Филиппа Красивого и Папу Климента V, тогда как тот человек, что делал вставки в его текст (между 1310 и 1314 гг.), всецело защищал интересы Филиппа Красивого. Этот тезис не имеет ничего общего с тезисом Лангфора, издавшего «*Роман о Фовеле*» и склонного приписывать авторство обеих книг одному человеку. Если та часть, где говорится о тамплиерах, является добавлением в текст — хотя ничто этого не доказывает, — это могло бы быть делом рук «человека ограниченного, который, как и многие другие, верил обвинениям, выдвинутому против тамплиеров». В любом случае «*Роман о Фовеле*» не может считаться памфлетом, инспирированным Филиппом Красивым: он не является частью «пропаганды в прессе», которая, по слухам, была организована приспешниками короля. (*Примеч. авт.*)

³⁹ Легист — знаток гражданского права, получивший образование в университетах Тулузы, Монпелье или Орлеана. С конца XIII в.

легисты играли важную роль в окружении французских королей (особенно Филиппа IV). (*Примеч. ред.*)

⁴⁰ Элевсинские мистерии — в античной Греции ежегодные празднества в честь богинь Деметры и Персефоны. (*Примеч. ред.*)

⁴¹ Симон де Монфор (ок. 1160–1218) — мелкий французский сеньор, возглавил крестовый поход против еретиков-альбигойцев Южной Франции; захватил герцогство Нарбоннское и графство Тулузское. (*Примеч. ред.*)

⁴² Среди множества людей, приехавших к королю в Пуатье, отметим еще и графа Фландрского, Роберта Бетюнского, который явился, чтобы просить о пересмотре мирного договора, заключенного в Атис-сюр-Орж. Его сопровождало большое число депутатов, среди которых был Жан Брейдель. (*Примеч. авт.*)

⁴³ Раймунд Луллий, называемый «ученым-ясновидцем», был одновременно солдатом, миссионером и философом. Он умер мученической смертью, желая обратить арабов в другую веру. (*Примеч. авт.*)

⁴⁴ Histoire litteraire de la France, т. XXVI. (*Примеч. авт.*)

⁴⁵ Имеется в виду политика Бонифация VIII, враждебная Филиппу IV Красивому. (*Примеч. ред.*)

⁴⁶ Guiraud J. L'inquisition medievale. Paris, 1928. (*Примеч. авт.*)

⁴⁷ Vacandard. L'Inquisition. Paris, 1907. Рекомендуются для прочтения тем, кто хочет создать полную картину деятельности инквизиции. (*Примеч. авт.*)

⁴⁸ Бернар Делисье (ум. ок. 1320) — монах, францисканец, непримиримый недруг ордена доминиканцев и инквизиции. Выступал с яркими проповедями во Франции и Италии, привлек на свою сторону многих знатных лиц и простой народ. В 1296 г. стал душой восстания в Каркассоне против инквизиции. Прибыв к королевскому двору с целью ходатайствовать перед королем за альбигойцев, открыто обвинил инквизицию. В 1303 г. Бернар присоединился к заговору, цель которого — организовать в Лангедоке мятеж против Филиппа IV Красивого. Был арестован и выдан Клименту V в 1307 г. (*Примеч. ред.*)

⁴⁹ Mollat. Templiers // Dictionnaire apologétique de la foi catholique. Paris, 1922. Т. IV.

⁵⁰ Моисей наказал сынов Израиля за поклонение золотому тельцу, повелев каждому взять меч и убить ближнего своего. (*Примеч. ред.*)

⁵¹ Levis-Mirepoix, duc de. Philippe le Bel. Paris, 1936.

⁵² Битва при Куртре (8 июля 1302 г.) — сражение, в котором французские рыцари Филиппа IV потерпели полное поражение от городского ополчения Фландрии. (*Примеч. ред.*)

⁵³ Рельеф — денежная сумма, которую наследник умершего вассала выплачивал сеньору за право владеть фьефом. (*Примеч. ред.*)

⁵⁴ Ги де Дампьер — граф Фландрии в 1251–1305 гг.

⁵⁵ Целестин V (Пьетро дель Морроне) — итальянский монах-отшельник, известный своей святостью. В 1294 г. избран Папой Римским. Сознавая несоответствие папского сана с принципами отшельнической жизни, отрекся от папской тиары в том же 1294 г. Умер в заточении в неаполитанской крепости, куда его поместил его бывший советник и новый Папа, Бонифаций VIII, спустя восемнадцать месяцев после отречения. Бонифация VIII обвинили в том, что он его отравил. (*Примеч. ред.*)

⁵⁶ Антуан Арно (1612–1664) — французский богослов, доктор Сорбонны, защищал янсенистов от преследовавших иезуитов. (*Примеч. ред.*)

⁵⁷ Gebhart. L'Italie mystique. Paris, 1904.

⁵⁸ Godefroid de Bouillon. Bruxelles, 1943.

⁵⁹ Пулены (досл. жеребчики) — презрительное прозвище потомков крестоносцев, живших в христианских государствах Святой Земли. (*Примеч. ред.*)

Ги Фо

Дело тамплиеров

Предисловие

Я ни в коей мере не являюсь специалистом по тамплиерам. Мои личные исследования, которые были посвящены Данте или катарам, близки к этому знаменитому делу, но, в общем, не касались его. Однако, мне совсем не чужда атмосфера этого века и я заинтересовался, как почти всякий, этим загадочным процессом. Именно поэтому я, в принципе, не отказался написать предисловие к работе господина Ги Фо.

Теперь я прочитал ее и, прочитав, нахожу абсолютно достойной, чтобы порекомендовать всем тем, кто стремится узнать правду об этом процессе. Основная заслуга господина Ги Фо в том, что он писал, не имея заранее сформировавшегося мнения. Человеку нашего столетия, совершенно не разделяющему предрассудков людей средневековья, было не просто это сделать. Безусловно, было бы гораздо удобнее ограничиться привычной риторикой против инквизиции и применения пыток. Но, прежде чем осуждать, надо все-таки понять. Ги Фо прекрасно понял, что если общество основывается на каком-нибудь догматизме, то сама логика его системы приводит к созданию трибуналов, которые могут называться как угодно, но целью которых будет преследование и наказание за отклонение от догмы. Что касается пыток, мы хорошо знаем теперь, в конце XX в., что за исключением короткого периода либерализма прошлого века, они практиковались и, по-прежнему, повсюду применяются. Вместо того, чтобы осуждать судебные процессы прошедших эпох, лучше бы мы интересовались нашими.

Значит ли это, что исследования Ги Фо полностью развеяли загадку тамплиеров? Мы увидим, что это было бы слишком сложно. Ги Фо не был бы хорошим историком, каким он является, если бы стремился объяснить все и если бы скрывал от нас свои собственные сомнения. Во всяком случае, в этой работе загадка определена безупречно точно. Самое серьезное обвинение, выдвинутое против рыцарей Храма — это отрицание Иисуса Христа и плевание на распятие. Этого было более чем достаточно для умов той эпохи, чтобы оправдать их приговор. К тому же, именно в этом тамплиеры

многократно признавались и часто их показания нельзя было объяснить пытками. По-прежнему остается открытым вопрос: почему в ордене ввели подобный обычай, и на данный момент этот вопрос остается не разрешимым. Одной из самых интересных глав этой книги является та, в которой Ги Фо описывает все попытки объяснить эту традицию, предпринятые до настоящего времени.

Примечательно, что судьи тамплиеров не заинтересовались глубже происхождением и значением этого святотатства. Я думаю, если мы хотим понять, надо принимать во внимание особый характер церковных трибуналов: им достаточно было констатировать преступление, объяснять его не входит в их задачу. Здесь мы имеем дело не с психологами или социологами, стремящимися понять, как люди могли дойти до внешне не объяснимых извращений. Голого факта для них достаточно. Возможно, Ги Фо забывает, что в начале XIV в. в дьявола верили как в самого Господа Бога. Судей не должно было удивить, что орден Храма пал жертвой дьявольских уловок, и даже не нужно было выражать эту мысль, настолько естественно она приходила на ум.

Но это не единственный факт, который удивляет. Поражает, что столь влиятельный орден мог управляться человеком столь посредственным во всех отношениях как Жак де Моле. Странно также, что о скандальных обрядах, в которых так легко признались на процессе, не стало известно вне ордена Храма гораздо раньше, и как следствие, об этом не было донесено. Посредственность де Моле могла бы заставить поверить в существование тайной иерархии, даже если это не может быть доказано. Что касается постоянной снисходительности, с которой светские и религиозные власти относились к тамплиерам, она, возможно, объясняется той ролью, которую тамплиеры продолжали играть на заморских территориях до 1291 г.

Не надо требовать от Ги Фо больше того, что он сам хотел сделать. Он не пытался изменить место процесса тамплиеров в рамках общей истории. Автор не задавался серьезно вопросом (хотя и намекает на это), не стал ли этот процесс частью строительства современного государства, к чему стремились легисты^[1]. Филиппа Красивого. Ги Фо ограничился самим процессом и тем, как вели его Папа и король. И, в этом смысле, ему удалось прийти к заключениям,

которые не кажутся неопровержимыми и опровергающими все мало-мальски романтические объяснения, на которых останавливались слишком часто даже серьезные историки. Одним словом, он расчистил площадку. И теперь, я пожелал бы, чтобы он расширил свой поиск и постарался сказать нам, что значило уничтожение ордена Храма в эпоху особенно тяжелого кризиса всего христианства.

Эта книга весьма поможет всем тем, кто стремится узнать историю и вынести свое здравое суждение об одном из самых спорных событий прошлого. Загадка, чем же в действительности являлся Храм, по-прежнему, остается. Но чтобы ее разгадать, безусловно, надо было бы заняться исследованием всего европейского общества конца XIII — начала XIV в. Это не входило в планы Ги Фо. Удовлетворимся на сегодня его очень полезной небольшой книгой и поздравим с тем, что он ее написал.

Жак Мадоль

Чуть более 650 лет тому назад, 13 марта 1314 г., великий магистр ордена тамплиеров, Жак де Моле был сожжен в Париже. В течение 650 лет дело тамплиеров продолжает вызывать ученые споры и разжигать страсти.

Можно понять чувства современников этого долгого процесса: религиозный орден, один из самых известных и самый блестящий, в полном составе обвинен в ереси в период господства церкви и веры, — надо ли удивляться, что общественное мнение было потрясено этим? Но, казалось, со временем, страсти должны были бы утихнуть — ничуть не бывало. Причина подобного резонанса заключалась в том, что дело тамплиеров использовалось в разливочных целях. Одни использовали его как аргумент, как всегда очень объективный, в борьбе с церковью. Франкмасоны XVII в., считавшие себя духовными преемниками тамплиеров, способствовали прославлению мучеников Храма. И, наконец, сегодня, вокруг легенды о тамплиерах, витает некая атмосфера оккультизма, которая способствует искажению представлений о них.

Очистить дело тамплиеров от домыслов, которые прибавились к нему в течение веков, не простая задача. Но

именно это я и постараюсь сделать, взяв в руки документы по делу такими, какими они предстали перед глазами современников. Вновь воссоздать судебное расследование по подлинным документам и непредвзято — вот, что, кажется мне правильным методом, который поможет попытаться разобраться в поставленной задаче.

I. ПРОБЛЕМА

Были ли виноваты тамплиеры? Это, достаточно распространенное мнение, среди тех, кто не знаком близко с вопросом. Достаточно, впрочем, открыть учебники истории, в которых вы найдете знакомый тезис: злой французский король Филипп Красивый, нуждаясь в деньгах, при соучастии Папы Климента V, проявившего слабость или подкупленного, приказал сжечь тамплиеров, чтобы завладеть их имуществом. Таким образом, тамплиеры представлены невинными жертвами козней, затеянных только лишь из алчности.

Однако, из всех существующих, это объяснение является самым невероятным. В этом случае должен был бы существовать преступный сговор, не только между королем и Папой, что все же требует доказательств, но также и четырьмя кардиналами, двумя архиепископами, многочисленными епископами и подавляющим большинством французского духовенства, включая инквизитора Франции. Помимо всего, неизбежно потребовалось бы соучастие части английского и немецкого духовенства, которое получило те же признания. Это слишком много соучастников: все эти видные деятели были, все-таки, людьми верующими и, прежде чем допустить их соучастие в столь великом преступлении, совершенном над людьми церкви, надо стараться быть очень осторожными в суждениях и тщательно изучать доказательства.

Но как составить собственное мнение, пользуясь многочисленными изданиями, посвященными этой теме в течение многих веков? Единственный метод показался мне разумным: совершенно забыть обо всем, что было написано и вернуться к самому истоку дела и перечитать документы процесса. Однако, это исследование таит немало сюрпризов, большинство историков, исходя из задач своих диссертаций, скрывают эти основные документы и искажают хронологию! Они все говорят о признаниях, полученных под пытками, но охотно забывают многочисленные признания, которые появились на допросах, на которых обвиняемым давали полную гарантию безопасности и непредвзятости; они забывают о

долгих колебаниях Папы, а затем и о тех мотивах, которыми он объяснил свои решения.

Я подумал, что необходимо свежим взглядом посмотреть вновь на документы, без предвзятого мнения и, особенно, расположить их в хронологическом порядке. Метод надежный и достаточно простой, так как за исключением нескольких второстепенных материалов, мы обладаем всеми документами по делу, которые были изданы Мишле. Таким, немного скучным способом, становится возможным составить мнение, свободное от всех предвзятых гипотез. Были тамплиеры виновны или невиновны мне безразлично: априори, я не старался ни смыть позор с высших должностных лиц ордена, ни оправдать поступки короля и Папы. Прежде всего, история учит нас, что преступные монархи и Папы существовали; но это не является достаточной причиной, чтобы предполагать, что Филипп Красивый и Климент V являлись таковыми.

Прежде всего, я хочу попытаться понять. Однако, как только речь идет о какой-нибудь проблеме, касающейся Средних веков, нам очень сложно понять психологию людей того времени. По духу мы гораздо ближе грекам и римлянам, чем люди XIV в. Больше всего нам мешает не столько наше незнание, сколько избыток знаний. Как писал Анатоль Франс по поводу Жанны д'Арк: «Сколько всего мы должны забыть: науки, методики, все те достижения, которые делают из нас современных людей! Мы должны забыть, что земля круглая, что звезды и солнце — это не лампы, подвешенные к хрустальному своду, забыть систему строения мира по Лапласу, чтобы уверовать в науку св. Фомы, Данте и средневековых космографов...»

Мы должны погрузиться в мир, в котором повсюду видят вездесущего дьявола и самые худшие суеверия являются общераспространенными, — мир, в котором мужественные люди, сражавшиеся с мусульманами в кровавых битвах, тряслись от страха в присутствии деревянной или металлической «ужасной» головы. Мы должны изучить документы процесса, в которых каждый ответ включен в обвинение, не на разумном основании, а из-за подозрения в дьявольской подсказке. Здесь обвиняемый может доказать свою невиновность, прочитав «Верую», а самые ужасные преступления могут быть прощены, но попытка вновь отречься от признания повлечет смертную казнь.

И, все-таки, дознаватели не были так наивны, как можно предположить. Когда заявление кажется им невероятным, они настаивают, заставляют повторять его, требуют уточнений. Впечатление от чтения материалов допросов, — это впечатление объективности, а иногда даже доброжелательного скептицизма комиссии, созданной Папой под председательством архиепископа Нарбоннского. Современный следователь вряд ли бы действовал с большим терпением и непредвзятостью в поисках всегда ускользающей истины.

Но, все-таки, эти люди — христиане: разве могли они, в конце концов, не испытать некую ненависть и отвращение к обвиняемым, которые признавались с потрясающей легкостью в том, что они отреклись от Христа и плевали на крест?

Именно в этом сама суть процесса. И если иногда, при рассмотрении причин ереси, создается впечатление, что истинный христианин и еретик отличаются несущественной разницей в определениях, что спор идет по трудно воспринимаемым пустякам (вспомните, например, янсенистов и спор о Божественной благодати), в деле тамплиеров факты являются гораздо более серьезными и убедительными. Отречение от Христа и плевание на крест для современников Филиппа Красивого (и, безусловно, для самого короля) — это преступление самое мерзкое, которое может вызвать наибольшее отвращение. Высмеиваются следующие слова короля: «Горько, прискорбно, чудовищно думать, ужасно слышать, злодеяние, омерзительное своим коварством, страшная подлость... чуждая всему человеческому». Безусловно, этот язык может заставить улыбнуться людей XX в., но если мы допустим, что король имел предубеждение, основанное на искренней вере, верите ли вы, что он мог выражаться иначе?

И что же, — спросите вы — весь орден был заражен ересью? Как же люди Церкви, которые должны были бы бояться адских наказаний, согласились оклеветать себя и осмелились признаться в этом публично? Замечание, безусловно, способное ввести в замешательство. И, все-таки, признания существуют: я оставляю в своей книге только те, которые были сделаны добровольно, без угроз и не под пытками. Если мы хотим считать, что эти признания не соответствуют правде, то

необходимо объяснить, в каком странном помутнении рассудка сотни людей исповедовались в тех же грехах в течение семи лет.

Можно сказать, что они пытались спасти свою жизнь. Каким же странным орденом являлось это объединение монахов-солдат, если страх смерти мог заставить их, почти всех, оклеветать самих себя и признаться в самых худших преступлениях. И при этом, у них не было мужества защитить себя, пока они были свободны, и им даже предлагали это сделать, сказав: даже под угрозой смерти я утверждаю, что все это неправда? Кто этот великий магистр, который из трусости позволил обвинить и приговорить своих братьев, не только не защитив их, но путая и деморализуя их своими собственными признаниями? Конечно, Жак де Моле, в конце концов, издаст тот вопль, которого ждали так долго, предпочтя взойти на костер за это запоздалое свидетельство. Надо объяснить семь лет признаний и молчания человека, которого не подвергали пыткам.

И, наконец, верим ли мы, что Папа согласился бы пожертвовать с легким сердцем могущественным орденом, который подчинялся только ему? Ведь Климент V, хотя и не соглашался склониться перед фактами и долго считал чудовищной клеветой обвинения, выдвинутые против тамплиеров, в конце концов, был убежден в их виновности и подписал приговор. Он вовсе не проявил слабости перед королем Франции и долго ему сопротивлялся. В тот момент, когда он подписал обвинения, ему не в чем было больше сомневаться. Прежде, чем мы попытаемся обвинить Папу в соучастии, надо внимательно исследовать его поведение во время процесса.

Следовательно, дело не такое простое, как это пытаются представить авторы учебников или посмертные защитники тамплиеров.

Безусловно, я не настолько наивен, чтобы считать, что все процессы инквизиции велись единственно из-за религиозного рвения. Обвинения, сопровождающиеся конфискацией имущества, возможно, являются подлинным мотивом многих преследований, или, как минимум, способствуют подогреванию рвения обвинителей. Став основной движущей силой крестового похода на Лангедок, конфискация широко практиковалась судами инквизиции: так, только конфискация может объяснить причину посмертных процессов, тех, что были начаты в Каркассоне против некоего Кастеля Фора, умершего

двадцать два года тому назад. Но не надо впадать и в другую крайность, полагая, что все инквизиторы руководствовались одной лишь алчностью — отметим только, что усердие, должно быть, возрастало, когда выгода совпадала с защитой веры.

То же самое было и с тамплиерами. Зависть, которую вызывало их богатство, торговое соперничество с итальянскими банкирами могло создать вокруг дела далекий от душеспасительности душок сообщничества и клеветы. Процесс над храмовниками, прежде всего, остается процессом чисто религиозным, делом о ереси, и невозможно, чтобы в течение семи лет высшие власти церкви занимались фальсификацией такого размаха, движимые только жадой наживы.

Те же наблюдения можно сделать и о политических аспектах этого дела. Филипп Красивый, поддерживаемый своими легистами, является создателем абсолютной монархии и, безусловно, ему было тяжело мириться в своем королевстве с присутствием и влиянием могущественного ордена, подчиняющегося одному только Папе, — то есть чужеземной силе. Гильом Ногаре, чье влияние просматривается в позиции короля, часто использовал этот аргумент и побуждал Филиппа воспользоваться обстоятельствами, чтобы упразднить орден Храма, чьему руководству пришла неудачная идея обосноваться во Франции после отступления с Востока. Но есть большая разница между попыткой воспользоваться хорошим поводом и искусственным созданием такого повода. Ничто не может заставить приписать христианскому государю такой макиавеллизм; и, особенно, ничто не позволяет допустить, что Папа и высшее духовенство поддались бы этому.

Тамплиеры были обвинены как еретики. Основой этого процесса является обвинение в ереси и главной задачей данной книги является необходимость узнать, была ли она доказана. Все остальное, пусть это и немаловажно, остается вторичным. Однако удивительно, что историки часто *a priori* считали тамплиеров невиновными, в области веры. С нашей точки зрения, такое «преступление» не может оправдать казни. Но это рассуждение людей XX в., пропитанное терпимостью, которая была совершенно чужда людям той эпохи. Чтобы воссоздать процесс тамплиеров, необходимо перенести себя в обстановку Средних веков, погрузиться в ментальность эпохи, когда

оскорбление распятия или просвиры считалось более страшным преступлением, чем убийство человека.

II. ОРДЕН ХРАМА ДО НАЧАЛА ПРОЦЕССА

Чтобы составить ясное представление о том, чем являлся орден Храма, против которого вдруг были выдвинуты самые тяжелые обвинения и составить о нем мнение, необходимо напомнить, прежде чем открыть материалы дела, при каких обстоятельствах разразился скандал.

Перемены

В начале XIV в. Храм больше не являлся тем идеальным мистическим рыцарским орденом, который прославлял св. Бернар Клервоский два века тому назад. Необходимо констатировать, что он удивительно изменился. Главную причину этого следует искать в его богатстве: именно деньги портят самые благородные намерения.

Богатство

Орден Храма стал главной финансовой организацией того времени.

Безусловно, правило установленное св. Бернаром сохранилось: ни один храмовник не мог обладать личным имуществом. Великий магистр Арно де ла Тур Руж гордо ответил мусульманам, которые требовали с него выкуп: «Тамплиер может отдать в счет выкупа только свой пояс и свой кинжал». Это оставалось правдой: но если отдельные члены хранили обет бедности, то сам орден стал чрезмерно богатым.

Ему приписывают десять тысяч замков, его движимое имущество было оценено в 112 миллиардов франков. Допустим это некоторое преувеличение, и все-таки в эпоху бедности орден накопил огромное богатство, но использовать его было не на что.

Существовало четыре основных источника этого богатства:

а) дары, собранные в течение двух веков: орден жил за счет своих средств и тратил мало, но дары получал в большом количестве;

б) военные трофеи: так как монахи — воины ордена, как и все их современники, принимали участие в грабежах: к тому же папская булла 1139 г. недвусмысленно их разрешила;

в) дары паломников: во все времена паломничество было прибыльным делом;

г) и, наконец, банковские операции: пользуясь своей независимостью, престижем и тем, что для него не существовало границ, орден создал целую финансовую организацию, которая вызывает восхищение современных экономистов. Именно тамплиеры придумали вексель на предъявителя, чек и все виды кредита. Ему доверяли огромные вклады, через его посредничество оплачивали приобретения за границей. Эта банковская организация должна была быть оправдана какой-либо целью, если уж она так преуспела. Безусловно, орден имел с каждой операции посреднический процент или взнос. Можно при этом задаться вопросом, в этом ли состоит роль религиозного ордена, основанного для защиты паломников в Палестине.

Орден перестал быть необходимым

О какой пользе ордена, не игравшего больше никакой роли, можно говорить.

С тех пор как Саладин снова захватил Иерусалим в 1187 г., христианское королевство в Палестине сократилось до маленькой полоски земли вокруг города Акры. Этот последний бастион пал в 1291 г.: однако, тамплиеры там сражались героически и многие погибли. Но больше нет королевства в Палестине, нет паломников, которых надо было защищать: орден больше не служит ничему.

При этом он продолжает существовать: была переведена во Францию «штаб-квартира» и сохранены семь западных провинций (Франция, Англия, Пуату, Арагон, Португалия, Венгрия, Апулия). Храмовники еще более погрузились в свои финансовые операции, поскольку им больше нечем было заниматься. Они сохранили свои привилегии, дарованные папами, не подвергаясь больше никакому риску.

При этом привилегии ордена были значительны: являясь независимым от какой-либо земной власти, он отчитывался только перед Папой (который находился далеко). Булла «*Omne datum optimum*» папы Иннокентия II 1139 г. освободила орден от церковной десятины и даже позволила собирать ее в свою пользу. Эти привилегии, оправданные в начале услугами, которых ждали от тамплиеров, продолжили существовать без какой-либо отдачи. Стоит ли удивляться, что им завидовали.

Плохая репутация

Является достоверным фактом, что орден тамплиеров имел плохую репутацию.

Народ ставил ему в упрек не только его богатство, но и жизнь, недостойную монахов. Выражение «пить как тамплиер» вошло в поговорку. Безусловно, это привычный средневековый сюжет — подшучивать над чревоугодием и пьянством монахов; но, так как тамплиеры были больше солдатами, чем монахами, и как солдаты освобождены от некоторых обетов, они пользовались без ограничения преимуществами материального существования. Шептались также, что их нравы совсем не всегда соответствовали обету абсолютного безбрачия, который символизировали их «белые плащи», а маленьким мальчикам советовали остерегаться поцелуев тамплиеров (так как если устав запрещает им целовать женщину, будь то собственная мать или сестра, он не запрещает целовать детей).

Возможно, все это только нагромождение сплетен. Но, правдивая или лживая, эта дурная репутация сыграет свою роль в ходе процесса, который сильно встревожит общественное мнение.

Любопытно отметить к тому же, что писатели того времени не любили орден храмовников. Современные историки стараются его реабилитировать, но знают ли они больше чем Вильгельм Тирский или Жуанвиль, которые его откровенно не любили?

Конфликты

Хорошо известно, что тамплиеры, ведя в Палестине игру соответствующую их интересам, часто были вынуждены договариваться с мусульманами. Если они не сражались друг с другом, то обменивались любезностями и взаимными услугами. Многие посчитали, что это было во вред делу христианства. Приводят слова графа Артуа: «Если бы тамплиеры хотели этого, Святая Земля давно была бы завоевана». Об этом можно поспорить: чтобы удержаться со столь слабыми силами во враждебной стране тамплиеры должны были вступать в переговоры, и они были в положении, позволяющем лучше судить о допустимых средствах, чем крестоносцы, приезжавшие в Палестину со своими иллюзиями и незнанием ситуации. Но, ведя свою игру, орден тамплиеров вступил в конфликт со всеми представителями власти: с королями Иерусалима, духовенством, крестоносцами. В 1198 г. он начал открытую войну за феодальные владения с конкурирующим орденом госпитальеров, и Папа был вынужден напомнить обоим орденам о христианских чувствах.

Орден Храма откажет в помощи императору Фридриху II, который хотя и был отлучен от церкви, но все же добился того, на что больше никто не надеялся: возвращения Иерусалима. Тамплиеры отвергают этот подарок, так как их резиденция не вошла в возвращенную территорию.

Но, прежде всего, тамплиеры вступили в конфликт с королем Людовиком IX. Они отказались внести вклад в выкуп за него, когда святой король был в плену и Жуанвиль рассказывает, как пришлось их принуждать. Позже, Святой Людовик унижит великого магистра Рено де Вишье, заставив его встать перед собой на колени и просить прощения. Возможно, о жестоких нападениях Фридриха II на орден Храма забыли, так как император, в конце концов, стал врагом церкви; но не забудут унижение, которое святой король, чей престиж остается значительным, нанес ненавистному ордену.

Основные упреки

Но есть и более серьезные факты, орден обвиняют и в других злодеяниях.

1) Прежде всего, вспоминают, что при взятии Иерусалима в 1187 г., Саладин сохранил жизнь населению города, позволив даже выкупить свободу гражданами по цене 10 золотых монет за мужчину, 5 за женщину и 2 за ребенка. Только богатые смогли выкупиться, но, в связи с нехваткой финансовых средств, большая часть людей пошла в рабство: тамплиеры отказались платить за них выкуп, хотя и смогли спасти свои богатства. Таким образом, орден, который был создан для защиты христиан на Святой Земле, позволил увести в рабство 16 000 верующих, в том числе женщин и детей, не дав ни монеты за их освобождение! Конечно, великий магистр Жирар де Ридфор сам был в плену, и, теоретически, братья не могли распоряжаться казной без его согласия: но есть обстоятельства, в которых необходимо уметь поступать наперекор правилам.

2) Тамплиерам ставят в упрек утрату христианского королевства в Палестине. Безусловно, они не одни несут ответственность за распри, которые привели к его падению; но задачей ордена была защита королевства, и после его гибели, только этот факт и остался значимым для общественного мнения.

3) В 1199 г. разразился скандал: епископ Тивериады оставил на хранение ордену тамплиеров, как это часто практиковалось тогда, 1300 безантов золота. По неизвестной причине орден отказывался вернуть этот вклад и епископ Сидона даже предал анафеме всех тамплиеров. Тем самым он превысил свои права, так как орден Храма подчинялся только Папе. Иннокентий III снял отлучение от церкви и даже отстранил епископа Сидона за «глупость» (история молчит, заставил ли он при этом храмовников вернуть золото). Но можно представить, какое впечатление произвел этот конфликт.

Папа Иннокентий III, вероятно, был не так простодушен, как это может показаться. Возможно, он и называл тамплиеров своими избранными сынами (*dilecti filii*) и подтвердил их привилегии. Но он же писал: «Преступления твоих братьев нас чрезвычайно огорчают из-

за скандала, который они породили в Церкви. Рыцари Храма исповедуют дьявольские доктрины, их одежды чистое лицемерие».

4) В 1263 г., по довольно таинственной причине, Папа Урбан IV отлучил от церкви маршала ордена Храма Этьена де Сиссея, протеже великого магистра Тома Берара. По свидетельству хрониста Жерара де Монреала речь, на этот раз, шла о женщине. Следующий Папа, Климент IV, снял отлучение, считая достаточным, что маршал был лишен своего звания. Но, делая это, он плохо отзывался обо всем ордене, судя по тому, что он писал: «Пусть тамплиеры поостерегутся испытывать мое терпение, чтобы Церкви не пришлось пристально заняться некоторыми вещами, к которым, до сегодняшнего дня, относились слишком снисходительно, поскольку прощения больше не будет». Действительно жаль, что мы не слишком осведомлены об этом деле, на которое Климент IV согласился закрыть глаза.

5) В заключение, надо сказать, что под конец что-то не так шло в делах ордена, так как многочисленные тамплиеры покидали или хотели его покинуть. Во время допроса, на своем смертном одре 13 апреля 1310 г., брат Жан де Сен-Бенуа скажет: «Да, многие покинули орден; не из-за его непристойности и его прегрешений, но скорее из-за них самих! Конечно, я не мог не знать, что в ордене возникали крупные скандалы, и слух о них дошел до влиятельных людей и до народа, но больше я об этом ничего не знаю». Многие другие признают, что они тоже охотно бы ушли, если бы их не удерживала клятва или страх преследований. Жан Англичанин, например, уточнил: «Пятьсот и более человек сделали бы это до ареста, если бы не боялись ордена».

Мы видим, что Филипп Красивый, отнюдь не первым заподозрил орден в утрате его чистоты.

Мнение Филиппа Красивого

Любопытно, но этот король, как раз наоборот, долго был благосклонен к ордену тамплиеров. Именно им он доверил хранение королевской казны и в 1304 г., еще за три года до начала следствия, он писал:

«Дела милосердия и благочестия, щедрые дары, раздаваемые по всему миру и во все времена, святым орденом Храма ... убеждают нас даровать нашу благосклонность ордену и его рыцарям ... и снабдить их знаками особой милости к ордену и его рыцарям, к которым мы испытываем искреннее расположение».

Пикантная деталь: Жак де Моле был крестным отцом сына короля, несмотря на правило, запрещающее любому тамплиеру становиться крестным. Этот факт свидетельствует о сердечных отношениях между ними.

В 1306 г., когда народ Парижа восстал из-за роста цен, король будет скрываться во время бунта именно в резиденции ордена Храма.

Стоит ли, однако, обвинять Филиппа Красивого в двурушничестве? Безусловно, нет. Этот король гораздо лучше, чем легенда о нем. Он оставил в истории воспоминание о себе, как о фальшивомонетчике, так как финансовые сложности заставили его прибегнуть к тому, что сегодня мы называем «девальвацией»; ныне этот процесс нельзя назвать бесчестием для руководителя государства. К тому же это был очень благочестивый человек. Без сомнения властный, что доказывает его конфликт с Папой Бонифацием VIII, абсолютно уверенный в божественном происхождении своей власти и своей миссии; и, как свидетельствуют все современники, очень набожный, богомольный, чрезвычайно преданный защите веры. О нем писали: «Его нетерпимость свидетельствует о его ортодоксальности», что всегда, как это ни грустно, является правдой.

Филипп Красивый, свергнув Бонифация VIII, обрушился на орден Храма именно потому, что искренне верил, что сражается с еретиками в обоих этих случаях. Прав ли он был в этом? Что касается тамплиеров, именно это и является объектом нашего исследования.

Но, прежде, необходимо коротко напомнить о предыдущем конфликте, так как историки стараются связать его с делом тамплиеров.

III. ДЕЛО БОНИФАЦИЯ И ПРОЦЕСС ТАМПЛИЕРОВ

В конце XIII в. дела в Риме шли довольно плохо: меж кардиналов царил раскол и было очень сложно избрать Папу.

Великое отречение

После смерти Николая IV в 1291 г. два года не могли собрать необходимого для избрания большинства. Устав от споров, кардиналы придумали призвать святого отшельника, который был избран против его воли и взял имя Целестина V. Но из святых никогда не получалось хороших Пап: он показал себя совершенно не способным править, о чем свидетельствует и булла о его канонизации. Разве не пришлось ему в голову, по простодушию, раздавать бедным церковные богатства? Это не могло долго продолжаться, Целестин это понял и отрекся.

Имел ли он право покинуть папский престол? Современники спорили об этом и за это «великое отречение» Данте помещает несчастного Целестина в ад. Законность отречения, безусловно, приводила к необходимости выбрать преемника, которым стал Бонифаций VIII. Этот вопрос не был окончательно решен к моменту начала процесса тамплиеров.

Бонифаций VIII

Здесь не место напоминать, почему Бонифаций VIII тоже стал неприемлемой кандидатурой, но совсем по иной причине. Спесивый, властный, он вступил в борьбу со всем миром, начал преследовать кардиналов Колонна, грозился низложить короля Франции. Известно как отреагировал Филипп Красивый, приказав Гйльому де Ногаре схватить Папу в Ананьи при помощи кардиналов Колонна.

Но как католический государь осмелился поднять руку на Папу? Именно потому, что благочестие Бонифация сильно подвергалось сомнению: на собрании духовенства Франции 14 июня 1303 г. Папу объявили еретиком, и Ногаре пытался похитить его силой в Ананьи, чтобы заставить предстать перед церковным собором. Несчастный Бонифаций умер от потрясения, но, тем не менее, он оставался под подозрением в ереси.

Папа — еретик, возможно ли это? Однако, в это верили, и Бонифаций сам допустил такую возможность, уточнив, что Папа может быть низложен, если будет признан еретиком: то есть он сам противоречил догмату непогрешимости. Тезис обернулся против автора. Доказывали, что Папа не верит в бессмертие души, что, возможно, было клеветой. Но, если Господь допустил такое заблуждение, это, безусловно, потому, что выборы Бонифация были недействительны.

Итак, церковь разделилась на два лагеря: для одних Бонифаций, законно избранный, не был еретиком, и Ногаре (а вместе с ним и Филипп Красивый), занесший на него руку, являлся виновным в преступлении против Святого престола; для других, Ногаре счастливо избавил церковь от Папы — еретика, к тому же неправильно избранного.

Бенедикт XI и инжир

Итак, конклав разделился на сторонников процесса против Ногаре и короля Франции и сторонников процесса о ереси против покойного Папы. Конклав решил, что нашел человека, способного примирить стороны, в лице Бенедикта XI. Но, сразу после избрания, Папа показал себя ожесточенным врагом Ногаре и кардиналов Колонна. Обстоятельства могли обернуться против Филиппа Красивого.

Но небеса, без сомнения, были другого мнения, так как новый Папа неожиданно почил, объевшись инжиром. Как не увидеть в этом божественное провидение? Ногаре спешил праздновать триумф: «Господь, более могущественный, чем все властители церковные и мирские, поразил государя Бенедикта так, что теперь у него нет возможности осудить меня». Вопрос, были ли плоды отравлены, никогда не был выяснен: иногда кончина бывает внезапной, которая, несмотря на это, является естественной, даже если она кажется насильственной. Но эта смерть, положив конец всем французским делам (и делам кардиналов Колонна), оставляла незавершенным судебный процесс о приверженности вере или ереси Бонифация.

Новый папа должен был бы положить конец этому серьезному конфликту.

Климент V

Надо думать, что Святой Дух был настроен против Бонифация (с тех пор он изменил свое мнение), так как выбор конклава пал на француза Бертрана де Го, епископа Бордо, который, к тому же, не заседал в конклаве.

Бертран де Го, принявший имя Климента V, отличился тем, что в 1303 г. отказался поддержать обвинение против Бонифация. Можно подумать, что он был настроен враждебно к Ногаре и Филиппу Красивому. Но это был дипломат и вовсе не борец. Он прекрасно понял, сколь опасно для церкви было бы объявить Папу еретиком, даже после его смерти: все его усилия будут направлены на затягивание посмертного процесса, — это позволяет думать, что он имел некоторые сомнения в его исходе.

Одновременно, он старался, угождая королю Франции, умерить его рвение. Он старался тянуть время: он выиграл пять лет. Можно догадаться, в какое смятение его повергло дело тамплиеров, разразившееся в самый разгар этого кризиса! Положение Папы стало тем более затруднительным, он не мог даже отправиться в Рим, где заговорщики развязали гражданскую войну. А может быть, он тоже боялся инжира? Итак, он остался во Франции, чтобы урегулировать свои проблемы и, в конце концов, обосновался в Авиньоне.

Дело Бонифация

Имело ли оно влияние на дело тамплиеров? Говорили, что Климент V, под давлением короля, пожертвовал орденом Храма, чтобы спасти память о своем предшественнике: это замысловатое объяснение опровергается хронологией.

В действительности дело Бонифация было улажено, и довольно ловко, в 1310 г. (булла «Rex glorie», от 27 апреля 1311 г. узаконила и официально признала предшествующее соглашение, которого добились с большим трудом). Филипп Красивый был признан невиновным в покушении на Папу в Ананьи; Ногаре, признанный виновным в принципе, получал папское прощение. Неприемлемые буллы Бонифация VIII были аннулированы, и покойному Папе было поставлено в упрек его «упрямство», но с него было снято всякое подозрение в ереси. Климент V нашел очень удачный выход из положения, канонизировав Целестина V: таким образом, он признал законность его отречения, а следовательно и законность выборов Бонифация. Таким образом, все было приведено в порядок до того, как комиссия, которая вела следствие по делу ордену тамплиеров, закончила свою работу. Обосновавшись в Авиньоне, который в те времена не принадлежал Франции, Папа развязал себе руки перед открытием церковного собора в Вьенне, в октябре 1311 г. Когда, 3 апреля 1312 г., он объявил о роспуске ордена тамплиеров, Бонифаций уже год как был официально реабилитирован. Таким образом, трудно допустить связь между этими двумя делами, — разве что в обоих случаях Папа, чтобы успокоить страсти, использовал один и тот же метод затягивания времени, прежде чем объявить свое решение.

Однако напрашиваются сравнения. Если, не колеблясь, Папу обвиняют в ереси, неудивительно, что религиозный орден может подпасть под то же подозрение. Вопросы догмы были необычайно важны в ту пору: несмотря на недавний кровавый крестовый поход в Лангедок, катары продолжали существовать. К тому же, в обоих процессах, Филипп Красивый предстает ревнителем веры; король волей божьей, он считал себя естественным защитником церкви и полагал, что на него возложена особая миссия. «Мы поставлены

Господом нашим на королевский престол, чтобы следить и защищать свободу веры Церкви и, среди всех желаний нашего разума, должны радеть об укреплении католической религии», — заявит он в приказе об аресте тамплиеров.

В этой божественной миссии хранителя подлинной веры короля поддерживали его легисты, заботившиеся о том, чтобы придать абсолютной монархии священный характер: королевский абсолютизм не может иметь границ, так как является божественным правом, и это основание даже обязывает короля (как об этом напомним Людовику XIV) использовать всю свою власть в деле искоренения ереси. И, в случае необходимости, король должен был заменить Папу, если тот казался нерешительным и равнодушным. Что, без колебания, и будет провозглашено на заседании Генеральных Штатов в Туре, 29 мая 1308 г., с достаточно ясной угрозой Клименту V; если бы он не выполнил своего долга, его могла бы постичь судьба, аналогичная участи Бонифация VIII.

Забавно заметить среди этих легистов, претендующих быть большими католиками чем сам Папа, во время обоих процессов того же Гильома де Ногаре, отчасти подозреваемого в том, что был «сыном катара», и стремящегося смыть с себя это досадное подозрение. Безусловно, в посмертном процессе над Бонифацием он защищал свои личные интересы, в то время как в деле тамплиеров он, кажется, не имел такой же заинтересованности; может быть поэтому его действия более скрытны, но мы находим следы его рвения. В объявлении о созыве Генеральных Штатов в Туре присутствует такое выражение: «Все должно восстать против этой столь преступной заразы: законы и оружие, животные и четыре стихии». Этот оборот, хотя и написан от имени короля, уже фигурировал в речи де Ногаре, произнесенной в Лувре 12 марта 1303 г. против Бонифация: влияние очевидно. Ногаре выступит лично перед следственной комиссией в Сансе 28 ноября 1309 г. во время второго допроса Жака де Моле.

Итак, в обоих случаях, мы видим как Климент V, находящийся под давлением короля и общественного мнения, обвинявших его в медлительности и безразличии, еще раз демонстрирует то же терпение, использует те же методы затягивания времени в поисках компромиссного решения, стараясь избежать взрыва и скандала. Но — важное отличие, — в то время как Климент V спас память о

Бонифации, он, в конце концов, совершенно не двусмысленно приговорил тамплиеров. Значит, мы должны спросить самих себя: а мог ли орден быть спасен?

IV. НАЧАЛО ПРОЦЕССА ТАМПЛИЕРОВ

Большой процесс о тамплиерах начался по весьма мелочному поводу: как в Туре напомним об этом Гильом де Плезиан, первыми доносчиками были «люди слишком низкого происхождения, чтобы дать ход столь большому делу», но Бог может воспользоваться самыми обездоленными людьми (и, добавим, самыми сомнительными).

В 1305 г. в тюрьме в Ажене, содержался тамплиер, совершивший некое преступление. Так как у него не было духовника, чтобы исповедаться, он перед смертью признался в преступлениях против веры и злодеяниях другому заключенному, горожанину из Безье, Эскену де Флуараку (или Эскиу де Флойрано), который, возможно, сам вышел из ордена. Придя в ужас от этих откровений, а, возможно, чтобы извлечь из этого выгоду, вышеуказанный Эскен де Флуарак поведал о них, мы не знаем почему, королю Хайме Арагонскому, который, не желая ввязываться в столь сложное дело, отослал доносчика к королю Франции, так как главная резиденция ордена находилась в этой стране.

Необходимо заметить, что разоблачения этого сомнительного субъекта послужат канвой всему процессу: с самого начала, в этих разоблачениях мы находим те же основные жалобы, которые будут приведены в ордере на арест и во время всего следствия.

Филипп Красивый: впал ли он в ярость сразу или обрадовался возможности извлечь из доноса неожиданную выгоду? Известно, что он заставил начать официальное расследование в Корбее. Было не сложно найти братьев, покинувших орден тамплиеров, и даже тех, кто был исключен за их безнравственное поведение, возможно готовых выполнить прямые указания короля. В любом случае, разоблачения Флуарака были подтверждены, так как с этого момента король, кажется, принял решение.

В ноябре 1305 г. Филипп Красивый присутствовал в Лионе на посвящении Бертрана де Го в папский сан: возможно, он сообщил ему о своих открытиях, но мы не знаем, что именно он ему сказал.

Предложение об объединении

Климент V тут же попытался остановить досадное развитие этого процесса. Используя идею, ранее сформулированную своими предшественниками, в частности Григорием X, на церковном соборе в Лионе, он предложил Жаку де Моле проект слияния его ордена с орденом госпитальеров. Этот проект был оправдан, так как орден тамплиеров больше не имел никакого основания для существования.

Моле отказался, и его ответ, как и все иные, которые он будет давать впоследствии, кажется посредственным и запутанным: он напоминает о разнице двух уставов и уважении к данным обетам. Его основной аргумент неизменно материален: два объединенных ордена соберут меньше пожертвований, чем порознь и, таким образом, смогут сделать меньше милостей. «Если ордены объединятся вместе, они не сделают столько же, сколько один делает в настоящее время». Парадоксально, он добавляет странную угрозу: «Если объединение состоится, орден станет таким сильным, таким могущественным, что он сможет защитить и защитит свои права от кого угодно». Зачем отвергать проект, который дал бы ему подобную власть?

Очевидно, что великий магистр упустил тогда хорошую возможность; но, у нас нет основания думать, что он мог тогда почувствовать неотвратимость и степень опасности.

Жак де Моле

Пора задуматься, кем был Моле, на которого вскоре обрушится самая тяжелая ответственность и, который, как покажется всем, очевидно, не соответствовал своей роли. К сожалению, мы не много знаем о нем; задаются вопросом, как тамплиеры могли избрать руководителем столь ничтожного человека. Он являлся одним из тех, кто жил в Палестине, в отличие от многих новых братьев, которым Восток был не знаком; но неведомо, участвовал ли он в сражениях. После избрания великим магистром, в 1295 г. он, кажется, считал своей основной миссией обеспечить возвращение ордена на Запад. Он ли выбрал Францию, будучи французом, а не Испанию или Португалию? Нам это не известно. В момент ареста ему было 64 года. Самое удивительное, что он сам предстанет перед комиссией как «бедный, неграмотный рыцарь». Безусловно, образование тогда было мало распространено, но избрать неграмотного человека для управления столь влиятельным орденом, — есть от чего прийти в сомнение, даже если Моле немного преувеличил свое невежество. Итак, необразованный, неловкий, не очень мужественный, — достаточно много недостатков для 22-го и последнего великого магистра ордена Храма.

Но кто может сказать, каким интригам он обязан своим избранием? Не все предыдущие выборы тоже были объяснимы: в 1256 г. был избран тот самый Тома Берар, которого сами тамплиеры называли «скверным магистром» и который, возможно, несет самую большую ответственность за отклонения в ордене.

Как бы то ни было, отказ от слияния с госпитальерами был принят на орденом совете: великий магистр не обладал абсолютной властью. Учитывая старинное соперничество, чтобы не сказать ненависть, которая поставила в противоборство два ордена, шансов, что предложение Папы будет принято, было мало, и не в характере Климента V было навязывать его своим авторитетом.

Встреча в Пуатье

Все так и осталось до весны 1307 г., когда Папа и король Франции встретились в Пуатье. Нам известно, что Филипп Красивый именно там рассказал Папе о разоблачениях, которые до такой степени потрясли Климента V, что побудили его начать собственное расследование.

24 августа Папа пишет королю: «Вы не забыли, что в Пуатье мы с Вами многократно говорили о тамплиерах. Мы не можем поверить в то, что было нам сказано по этому поводу, настолько это кажется невозможным. Однако мы вынуждены сомневаться и начать расследование с великим смятением в сердце».

Важное письмо, которое показывает, что Климент V начал колебаться. Не начал ли он вскоре торопить свое расследование, в то время как Жак де Моле, по крайней мере официально, как уточняет Папа, тоже его требовал? Но, по своему обычаю, он будет пытаться выиграть время и вскоре будет побежден.

Предосторожности

С этого момента тамплиеры не могли не знать, что попадут под следствие и, безусловно, предприняли некоторые предосторожности.

Брат Жеро де Кос уточнит в своих показаниях, что в этот момент магистр заставил изъять и сжечь экземпляры устава, хранившиеся у братьев. Не все это сделают, так как устав (по крайней мере официальный) дойдет до наших дней. Но это объясняет то, что архивы были спрятаны настолько хорошо, что никогда не были найдены. А было ли что-то, что надо было прятать тамплиерам?

Это также объясняет исчезновение казны, которую ищут и поныне. То, что было захвачено, далеко не соответствует богатству ордена, даже если его преувеличивали. Из списков конфискованного имущества, которые известны нам, хотя бы по Нормандии, следует, что орден обладал богатыми сельскохозяйственными угодьями. В имении возле Байе было захвачено 33 головы крупного рогатого скота, 100 баранов, сотня боровов и свиней, 28 коней, запасы зерновых. В этом поместье на сельскохозяйственных и животноводческих работах было занято 24 человека, а в церкви был найден всего один потир, возможно, не представляющий большой ценности, поскольку об этом не говорится. И ни единой монеты, что, безусловно, удивило комиссаров, которые записали: «Не было ни денье». Надо отметить, что бочки тоже были пусты.

Таким образом, тамплиеры были готовы к неприятностям и приняли некоторые меры предосторожности. Но, очевидно, они были далеки от того, чтобы предположить, что преследования последуют так скоро и будут столь серьезными; они должны были рассчитывать на затухание процесса и примирительную позицию Папы. Плохо они знали короля Франции.

Были ли удивлены тамплиеры своим арестом? Брат Жан де Вобелан, сержант епархии Суассона, признается комиссии, что был предупрежден об аресте «за три дня». Очевидно, он был не единственным, и было бы странно, если бы он не предупредил своих руководителей. Однако лишь немногие пытались скрыться.

V. ПРОЦЕСС ИНКВИЗИЦИИ

Видя колебания Папы, король решил действовать немедленно. Именно на королевском совете 14 сентября 1307 г. постановили арестовать тамплиеров. Только один человек попытался противостоять этому: архиепископ Нарбоннский, Жиль Асцелин, который предпочел отказаться от должности канцлера. Мы еще встретимся с ним, но вследствие этой отставки освободился очень важный пост, который будет отдан 23 сентября Гильому де Ногаре.

Аресты, решение о которых было принято 14 сентября, начались только 13 октября: было бы удивительно, если бы ничего не стало известно в течение этого месяца.

Так как было необходимо подготовить эту операцию, король составил тайные инструкции таким образом, чтобы схватить тамплиеров в один день по всему королевству. Учитывая сложность сообщения, можно считать, что эта полицейская операция была проведена очень хорошо. На рассвете в пятницу 13 октября 1307 года все тамплиеры Франции были арестованы; нигде не было оказано сопротивления.

Из суеверия ли король выбрал пятницу 13-го числа? Об этом говорилось тогда, и это возможно так.

Приказы короля

Мы располагаем текстом секретных инструкций Филиппа Красивого, предписывающих разом арестовать всех тамплиеров и сразу же начать расследование в ожидании суда Церкви.

Король напоминает о своей миссии защитника веры и о тех преступлениях, в которых тамплиеры рьяно обвинялись. Вследствие этого он приказывает, чтобы все братья ордена после ареста держались в заточении и были допрошены в присутствии комиссаров инквизиции. Дознаватели «тщательно изучат правду, и если в этом будет необходимость, с помощью пытки». Это выражение может нас шокировать, но оно было принято во всех делах о ереси. Признания будут фиксировать письменно в присутствии свидетелей, с точки зрения формы — все очень традиционно.

Что было не обычно, так это список пунктов, по которым нужно было вести допросы: в них мы находим обвинения Флуарака и результаты неофициального расследования проведенного в Корбее. Четыре основных обвинения:

а) во время вступления в орден каждый кандидат должен был трижды отречься от «пророка, то есть Господа нашего Иисуса Христа», и трижды плюнуть на крест;

б) затем его освобождали от одежды, и тот кто его принимал «целовал его в копчик, ниже пояса, затем в пупок, затем в рот, а затем говорил ему, что если один из братьев ордена захочет переспать с ним плотски, он должен это вынести по уставу ордена»;

в) каждый брат носил шнурок, который обвязывали «вокруг шеи идола, имевшего форму мужской головы с большой бородой»; этой же голове поклонялись в капитулах провинций;

г) наконец священники ордена «не причащают телом Господа нашего», что вызвало специальное расследование среди священников ордена.

Мы рассмотрим эти основные обвинения. Самое малое, что можно о них сказать, что они очень серьезны. К тому же дознаватели должны передать как можно быстрее «копию признаний тех, кто исповедуется в вышеназванных грехах или в принципе в отрицании

Господа нашего Иисуса Христа». С этого момента понятно, что это станет основным пунктом следствия, неопровержимым доказательством ереси ордена.

Затем следует фраза, которая чрезвычайно возмутила историков и которая, тем не менее, является всего лишь оборотом стиля во всех процессах о ереси: «Они могут заслужить прощение, если признаются, вернувшись к вере святой Церкви; иначе, они будут приговорены к смерти». Ничто не позволяет здесь думать, что король имел в виду что-то иное, кроме защиты веры.

Вмешательство инквизитора

С 22 сентября главный инквизитор Франции Гильом Эмбер от своего имени, допросив нескольких тамплиеров, приказал начать расследование и разослал своим комиссарам аналогичные инструкции.

Много было споров о том, действовали ли король и инквизитор согласованно: нам кажется, что да, не только из-за согласованности дат, но и потому, что Филипп Красивый не мог начать преследование по вопросу веры без согласия компетентных церковных властей. Но из этого нельзя и заключить, что Гильом Эмбер действовал по приказу короля: обвинения были достаточно серьезными, чтобы вызвать беспокойство у обоих.

Как бы то ни было, вмешательство инквизитора изменило саму природу дела: речь теперь шла не о светском правосудии, а о процессе инквизиции.

Первые признания

Почти все тамплиеры признались во всем, что хотели от них услышать. Но они признались под пыткой.

Это не шокировало современников: пытка широко использовалась как в процессах инквизиции, так и в гражданских. Единственное, что было необычно, это то, что ее применяли к монахам. С нашей точки зрения все эти признания не имеют ценности.

Пытки

Так как речь шла о людях, славившихся своим мужеством, вероятно, палачи прибегали к самым изощренным пыткам. Возможно, были большие различия в зависимости от места и по отношению к разным людям.

Некоторые из жертв расскажут позже, какие мучения они перенесли. Самое впечатляющее заявление — это рассказ Бернара дю Ге из епархии Альби: «Меня так много пытали, столько допрашивали и держали в огне, что мясо на моих пятках было целиком сожжено, и кости выпали чуть позже» (и он показывал две пяточные кости).

Брат Понсар де Жизи, приор Пейена: «Я прошел через это три раза... мне связали руки за спиной так сильно, что кровь текла из под ногтей. Меня положили на дно каменного мешка, где я пролежал порядка часа... если меня только снова станут пытать, я скажу все, что от меня захотят».

Брат Эймон де Барбон: «Меня трижды подвергли пытке, мне заливали воду в горло через воронку. Семь недель я сидел на хлебе и воде... мое тело страдает, а душа скорбит... я боюсь попасть туда снова. Целый год я терял рассудок от этих пыток».

И, наконец, деталь, которую описывает нам брат Жерар дю Пассаж из епархии Меца, она доказывает, что в XX в. мы не изобрели ничего нового: «Мне подвешивали гири к гениталиям и другим членам до тех пор, пока я не терял сознания».

Не надо думать, что такие методы были приняты повсеместно: большинство ограничивается тем, что сообщает, что они были посажены в заточение на хлеб и воду. Самым мучительным испытанием для них было одиночество. Они также жаловались на невозможность посещать церковную службу. Для подавляющего большинства страдания в основном были моральные.

Протест Папы

Удивленный такими быстрыми действиями, Папа, как только узнал об арестах и начале расследования во Франции, выразил протест Филиппу Красивому:

«Пока мы были далеко от вас, вы простерли свою длань к людям и имуществу тамплиеров; вы даже посадили их в тюрьму и, что является верхом несчастья, вы их не отпустили. Судя по тому, что говорят, вы пошли дальше, прибавив к страданиям заточения другие страдания, которые из-за нашего целомудрия и чистоты Церкви мы полагаем необходимым сейчас обойти молчанием».

Можно восхититься этим застенчивым намеком: как будто бы Церковь сама никогда не применяла пыток!

Но заметим, что Папа протестовал в основном против формы: тамплиеры подчинялись только ему. Климент не утверждал, что верит в их невиновность. И, что еще любопытнее, Папа обращается только к королю, делая вид, что не знает о роли великого инквизитора. Наконец, чтобы исправить ситуацию, он объявляет, что посылает двух кардиналов, «дабы все это обернуть во славу Господа и римской Церкви».

Признания Жака де Моле

Тем временем Жак де Моле и трое других высших сановников ордена предстали перед Парижским университетом. Речь шла о втором лице в ордене Гуго де Пейро, досмотрщике Франции, Жоффруа де Шарне — командоре Нормандии и Жоффруа де Гонневиле, командоре Аквитании и Пуату.

Никто из них, и это доказано, не подвергался пыткам. Однако признания де Моле были пагубными для ордена:

«Коварство врага рода человеческого... привело тамплиеров к столь слепому падению, что с давних пор те, кого принимали в орден, отрекались от Иисуса Христа, подвергая опасности свои души, плевали на крест, который им показывали и по этому же поводу совершали некоторые другие чудовищные вещи».

24 октября 1307 г. в присутствии самого инквизитора Франции великий магистр признался, что сам допускал те же ошибки:

«Вот уже сорок два года как я был принят в Боне... Брат Умбер (де Пейро) принес латунный крест, на котором было изображено Распятие, и приказал мне отречься от Христа, чей образ находился передо мной. Не по своей воле я сделал это. Потом тот, кто принимал меня, заставил меня плюнуть на крест, но я плюнул на землю... только один раз».

С его точки зрения, то же самое заставляли делать всех остальных. И, напротив, он отрицал все, что касалось содомии.

Эти удручающие признания Жака де Моле будут не единственными, он повторит их многократно с некоторыми изменениями. Но, судя по другому документу, его поведение было еще более достойно жалости. Вот, что мы читаем в действительности в ответе Парижского университета на запрос короля:

«Установлено, что вышеназванный магистр сначала добровольно признался в своих грехах инквизитору... в присутствии многих добропорядочных людей; что затем, подумав в течение нескольких дней, в присутствии того же инквизитора, многих священников и Парижского университета, плача, он исповедовался в своем грехе и грехах своего ордена, произнеся речь публично... Плача от стыда

человеческого, однажды он попросил подвергнуть его пытке, чтобы его братья не могли сказать, что он добровольно явился причиной их гибели».

Конечно, ему в этом отказали, заявив, что это было бесполезно, так как имелись его признания: пытка же не применялась без нужды. Таким образом, Моле не только не пытали и не угрожали пыткой, но он просил об этом, чтобы прикрыться, и в этом оправдании ему было отказано! Он плачет, и признается, произнося речь! К тому же, добавляет наш документ: «Напрасный страх перед мыслью о страдании не мог заставить человека постоянно делать такие признания... И, невозможно, чтобы сам магистр ордена находился в неведении о таких вещах».

Защитники чистоты ордена должны были бы объяснить такое прискорбное поведение великого магистра.

Признания других высших сановников ордена

Такие же признания, по-прежнему, публичные и не вырванные пыткой, дали и другие руководители тамплиеров.

Гуго де Пейро: тот, кто принимал меня «отвел меня за алтарь и показал мне крест, на котором был изображен распятый Иисус Христос и приказал мне хулить того, чей образ был представлен и плевать на крест. Против моей воли я отрекся от Иисуса Христа устами, но не сердцем. Но, не смотря на приказ, который был мне дан, я не плюнул на распятие».

Затем он признается, что так же поступал по отношению к тем, кого он принимал в орден, но никогда не делал это искренне. Некоторые сначала сопротивлялись, но «в конце концов, все отрекались и плевали». Заметим, что он также допускает бесстыдные поцелуи, которые отрицают остальные.

Жоффруа де Шарне: «Приняв меня, и повязав плащ вокруг шеи, мне принесли крест, на котором находилось изображение Иисуса Христа: и тот же брат (Амори де ла Рош) сказал мне, что я не должен верить в того, чей образ был там представлен, так как это был лжепророк, и он не был Богом. Он заставил меня трижды отречься от Иисуса Христа устами, но не сердцем».

Потом, он принял одного брата по тому же церемониалу, но затем от этого отказался и принимал всех остальных не требуя никакого ни богохульства, ни плеванья, ни чего-то бесчестного. «Потому, что он сам был принят постыдным» святотатственным и противным католической вере образом».

Итог

Из 138 арестованных тамплиеров, все признали то же самое, кроме трех (Жан де Шатовийяр, Анри д'Эрсиньи и Жан де Пари), которым посчастливилось быть принятыми без навязывания чего бы то ни было, кроме ритуального поцелуя в уста.

Признания самых высокопоставленных руководителей и Жака де Моле были чудовищны, и общественное мнение встревожилось.

Реакция Папы

Только один человек, казалось, все еще не был убежден — Папа. Конечно, он не мог больше бездействовать: в булле «*Pastoralis praeeminentiae*», от 17 ноября 1307 г., он приказывает арестовать тамплиеров по всей Европе. Но он не отказывается взять дело в собственные руки и просит Филиппа Красивого передать ему всех заключенных. Филипп согласился неохотно и выдал Клименту некоторое число тамплиеров. Но, так как Церковь не обладала достаточным количеством тюрем, пришлось многих оставить в королевских темницах. В феврале один из заключенных сбежит из церковной тюрьмы Пуатье и Папа не сможет его вернуть, несмотря на обещанную крупную награду.

Таким образом, большинство тамплиеров проведут свое долгое заключение в светских тюрьмах: так случалось часто, когда две ветви власти помогали друг другу. Также будет и с Жанной д'Арк.

Но, наконец, Папа решился показать свою власть.

Расследования за рубежом

С самого начала Филипп Красивый разослал письма иностранным монархам, чтобы разоблачить перед ними орден и попросил поддержать его речение за веру. Но все осторожно решили ждать реакции Папы.

Когда пришла булла, приказывающая арестовать тамплиеров, монархи, в основном, подчинились и приступили к арестам и допросам.

Очень полезно узнать, что дали эти следственные процедуры за рубежом, о которых говорят очень мало, к тому же они не оказали влияния на короля Франции. Французский король не мог не воспользоваться аналогичными результатами в других странах, что он и сделал во время заседания Генеральных Штатов: не только невероятно, сказал Филипп, что такие преступления были допущены только во Франции, но «напротив было доказано, что они были совершены повсюду на земле и за морем, и таким же образом».

Это утверждение излишне преувеличено.

В Португалии, после чисто формального расследования и благодаря королевскому покровительству, тамплиеры были отпущены на свободу. В Арагоне они отказались сдаться и были осаждены в своих крепостях. Церковный собор, проходивший в Таррагоне, без серьезного расследования объявил их невиновными.

В других странах, там, где допросы велись церковными властями, дела обстояли иначе. В Англии, хотя большинство тамплиеров настаивало на своей невиновности, некоторые (и без пыток) признались, в частности, в отречении от Христа во время их вступления в орден. В Германии и Италии были получены признания, некоторые из которых были такими же удручающими, как и во Франции.

Во Флоренции комиссия выслушала, очевидно, еретические признания, но достаточно разноречивые: специалисты считают их близкими к иоанитской ереси, известной на Востоке, которая, тем не менее, не отрицала Христа. Наконец, на Кипре, помимо

противоречивых свидетельств, было получено откровенное показание великого магистра ордена госпитальеров.

В общем, результаты были менее значимы, чем во Франции, где, безусловно, проявили большее рвение. Но эти результаты не были отрицательными, и этого было достаточно, чтобы снять с Филиппа Красивого подозрение в том, что он их продиктовал и принудил к этим признаниям.

VI. РЕАКЦИЯ ПАПЫ

Дело казалось почти завершенным, когда произошло драматическое событие, которое вызвало гнев короля и породило надежду у заключенных. В начале 1308 г. Климент V приостановил полномочия инквизиторов. Итак, все надо было начинать с начала.

Решение было абсолютно законным: инквизиция подчинялась Папе, который мог забрать у нее какое-то дело и рассматривать его лично. Хотя подобный случай является достаточно редким, он не уникален в истории этой организации. Народ, чья ненависть к тамплиерам дошла до крайности, не понимал, почему медлят с наказанием. Шептались, естественно, что Папа дал подкупить себя золотом тамплиеров. Слали петиции королю, требуя смертной казни виновных.

Колебания

Однако, все еще колебались. Климент V не принял окончательного решения. Король консультировался с докторами Парижского университета о своих полномочиях. В силу привилегий, данных ордену с момента его основания, тамплиеры подчинялись только Папе и были независимы от любой светской власти: был ли достаточен для отмены этой привилегии тот факт, что речь теперь шла об избобличенных еретиках и позволяло ли это королю продолжить преследование? Именно эту проблему канонического права необходимо было, решить.

2 марта 1308 г. Университет высказал свою точку зрения, отрицательную по отношению к действиям короля: в любом случае, речь шла о вопросах ереси и церковном ордене, а следовательно, дело подпадало исключительно под церковную юрисдикцию.

Действительно, в случае с еретиками, «дозволительно светской власти арестовывать их с намерением передать церкви», но «власть мирского судьи не позволяет вести процесс о ереси никому, кто не назначен Церковью». К тому же тамплиеры, хотя и были рыцарями, давали монашеские обеты, и «исключительно только клирики должны их судить». И, наконец, «в силу самой природы преступления, все, что касается этого преступления относительно любого лица, подлежит Церкви».

Мы видим, что не все так были послушны желаниям государя, как это могло бы показаться. Эта точка зрения не связывала короля, но обезоружила его, и он не решился ее проигнорировать. Тогда он придумал и организовал настоящую кампанию, чтобы склонить мнение на свою сторону. Мы обладаем некоторыми «ремонстрациями» и «прошениями», вроде бы исходящими от народа, но, в действительности, составленными Пьером Дюбуа. В них Папа серьезно обвиняется, и ему угрожают низложением, а короля призывают заменить этого «сына дьявола», который из-за подношений и посулов, из страха, любви или ненависти отрекается от Господа и истинного правосудия!

Когда почва была подготовлена и дело приняло общенациональный размах, король решается созвать Генеральные Штаты, надеясь, что этот «плебисцит» даст ему полномочия защитника веры.

Генеральные Штаты

Генеральные Штаты были созваны в Туре с 11 по 20 мая 1308 г. Открывая их, Филипп Красивый напомнил, что это происходило всегда в связи с намерением его предшественников «изгнать ересь» и что он не смог остаться равнодушным к «отвратительным преступлениям» тамплиеров. «Небо и земля трепещут под дыханием столь великого преступления, и все стихии пришли в замешательство». Он призывает всех своих вассалов принять участие в этом «святом деле».

На заседании, как и ожидалось, Филипп получил то, что желал: хотя знать, кажется, слегка колебалась, горожане и духовенство были возмущены слабостью, а возможно и сообщничеством, Папы и поручили королю смело защищать веру.

Климент V, по-прежнему, хранил молчание.

Консисто́рия

Филипп научился лучше понимать Папу и не доверял ему. Нельзя было повторять унижение в Ананьи. Как преодолеть колебания Климента? Король задумал встретиться с ним в Пуатье, поставить его в известность о решении Генеральных Штатов, призвать его действовать. Но разве Папа был обязан выполнять решения светского собрания? Тогда было решено созвать консисторию, на заседания которой будет допущен король и где он сможет изложить свою точку зрения!

Консисто́рия собралась 29 мая. Гильом де Плезиан произнес на ней, от имени короля, длинную обвинительную речь. Он заявил, что факты, в которых обвиняются тамплиеры, являются «доказанными, ясными, не подлежащими обсуждению, более ясными, чем полуденный свет», и, что роль римского понтифика заключается в защите веры. Архиепископы Нарбонны и Буржа объявили, что абсолютно уверены в приведенных доказательствах.

Но папа, по-прежнему, колебался. Однако не стоит думать, что он подчинялся королю Франции. Он произнес хитроумную и запутанную речь: безусловно, если раньше он любил тамплиеров, то теперь может их только ненавидеть... если они, действительно, являются такими как их описывают. Но их арест был незаконным и «получается, что признания не точны». Он не сомневается ни в добрых намерениях, ни в искренности короля Франции, но в столь серьезном деле важно принять решение только после зрелого размышления.

Эта речь возмутила короля и его советников. 14 июня Гильом де Плезиан резко обратился к Папе, предостерегая его против опасности, когда увертки возобладают над верой. Если святой отец, в чьи обязанности это входит, не хочет действовать, тогда «все те, кого касается это дело, будут призваны на защиту веры».

Еще раз Папа ни от чего не отказывался, но и не торопился с решением.

Папское расследование

Такая неспешность Климента V удивляет: разве он еще не убежден в виновности тамплиеров? Надо думать, что еще нет, потому, что он со своей стороны начал личное расследование.

И здесь появляется один из самых важных фактов всего процесса, и на который, обычно не обращают достаточно внимания: только приступив лично к новым допросам, Папа, наконец, решился действовать. Он лично выслушивает 72 тамплиеров и, безусловно, без пыток: вот момент, когда правда может вырваться наружу, без давления, момент, когда решается судьба ордена. И 72 свидетеля, выслушанные Папой, снова повторяют все признания, сделанные ранее!

У нас нет протоколов этих слушаний, они находятся в архивах Ватикана. Но они известны благодаря... Наполеону, который был увлечен делом тамплиеров и приказал захватить в Риме секретные архивы. Возможность их прочитать была, и Рейнуар проанализировал их, до того как они были возвращены. В них не было найдено чего-то существенно нового, тем более не нашли и ключа к загадке тамплиеров; но известно, как минимум, что эти документы широко подтвердили материалы предыдущих допросов; к тому же, и Климент V ясно об этом скажет.

В этот момент, — и только в этот момент — Папа изменит свое отношение: насколько он колебался до сих пор, настолько отныне он будет показывать свою твердость. То, что он услышал, его убедило, и он больше не изменит своего мнения. Папа уступил не давлению со стороны короля, а результатам своего личного расследования, произведенного без какого либо участия французского двора, доказательствам виновности тамплиеров, ставшей теперь безусловной, доказательствам, собранным им самим, исключаящим какую бы ни было возможность обмана или угроз.

Почему Климент V не выслушал Жака де Моле и высших руководителей ордена? Просто потому, что их не было на месте и надо было их перевозить. Папа попросил перевезти их в Пуатье. Безусловно, в этом была какая то злая воля, так как 17 августа

пленники были еще только в Шиноне, где конвой был вынужден остановиться из-за болезни. Конвой вскоре прибудет, но, не выслушав Жака де Моле, Климент V примет, наконец, свое решение.

Решение Папы

Климент V хорошо разбирался в хитросплетениях права, и стоит ли удивляться тонким дистинкциям, которые он делал. В общем, он разделил вопрос об ордене и вопрос о людях.

1) Судьба ордена зависела только от него. Но этот вопрос был слишком сложен, чтобы он на этом этапе мог принять решение. И тогда он решил:

— что участь тамплиеров будет рассмотрена на церковном соборе, который должен был собраться в Вьенне в 1310 г.: в действительности придется отложить его на год;

— в ожидании церковного собора комиссия, созданная папой, должна была собрать всю информацию, касающуюся ордена. Во главе этой комиссии он поставил архиепископа Нарбонна Жиля Асцелина, известного своей неподкупностью и который, мы помним об этом, отказался участвовать в аресте тамплиеров. Ему будут помогать епископы Байе, Лиможа и Манда, три архидьякона и другие священники.

2) Что касается людей, за исключением четырех высших руководителей, Папа передает их Инквизиции, которой он отдает, таким образом, частично свои полномочия. Их будут судить в каждой епархии епископ при участии двух доминиканцев и двух францисканцев.

Это разделение ордена и людей очень важно, чтобы понять последующие события. Одни и те же люди будут вызваны свидетелями для дачи показаний перед комиссией, и, одновременно, их будут судить персонально. Не могло не произойти конфликта полномочий.

Но, чисто логически, различия обозначены; личные ошибки тамплиеров вовсе не свидетельствуют, что сам орден запятнал себя преступлениями против Господа, и никому не придет в голову приговорить орден под предлогом того, что некоторые его члены погрязли в ереси. Таким образом, надо было, с одной стороны, судить личные ошибки отдельных братьев и, с другой стороны, оценить повлекли ли за собой коллективную ответственность число и характер этих ошибок. Действительно, не всегда будет легко разделить две

точки зрения; но комиссия, которой не надо было судить людей, была, таким образом, гораздо более свободна в своих поисках и тем большую ценность имеет в наших глазах ее расследование.

3) Что касается высших руководителей, Папа отделит их от общего судебного процесса и оставит за собой решение о них, которое он сформулирует позже.

Допрос высших сановников ордена

Эти четыре человека, по-прежнему, находились в Шиноне. Не имея возможности выслушать их самому (из-за болезни), Папа решил, чтобы допросить их, послать трех кардиналов.

Это был удобный случай для Моле и его товарищей, чтобы отречься от своих признаний, если их вырвали силой. Они знали, что процесс начали заново, что Папа ведет расследование об ордене, что сотни их братьев могут быть подвергнуты новым испытаниям и ждут их реакции и поддержки. В конце концов, на карту поставлена честь и судьба ордена Храма...

Что же они делают? В присутствии кардиналов, без всяких пыток и давления, они повторяют свои признания.

Чего же более?

Булла 1308 г.

12 августа 1308 г. Климент V опубликовал свое решение и сформулировал свои директивы в булле «Faciens misericordiam». Эта булла представляет собой один из основополагающих документов дела и надо перечитать ее внимательно.

«Как только мы приняли сан понтифика, еще до того как мы приехали в Лион, чтобы принять там знаки нашего достоинства, и, затем позже, многократно нам секретно доносили, что магистр, приоры и другие братья воинства Храма Иерусалимского и весь орден совершили ужасающие преступления вероотступничества, идолопоклонничества, впали в низкий грех содомии и различные ереси. Нам казалось невероятным и противоречащим правде, что люди, которых считали столь благочестивыми, так как они согласились проливать свою кровь во имя Христа и постоянно подвергать себя смертельной опасности, показали себя настолько забывшими о спасении своей души, что повели себя таким образом. Мы отказывались слушать эти доносы.

Наш дорогой сын во Христе Филипп, славный король Франции, тоже был извещен в свою очередь об этих преступлениях; он провел расследование, так как это было возможно, чтобы сообщить нам об этом очень подробно. Тем временем слухи, враждебные тамплиерам, не прекращали распространяться. Рыцарь ордена, принадлежавший к знатному роду и пользующийся безупречной репутацией среди братьев, предстал перед нами и под клятвой свидетельствовал, что во приема братьев в орден можно наблюдать следующий обряд (мы должны сказать — позорный поступок): по требованию того, кто принимает в орден, неофит отрекается от Иисуса Христа и плюет, с ненавистью к распятому, на крест, который ему подносят; и один, и второй совершают другие действия, не соответствующие ни законам, ни приличиям. После таких

признаний, мы больше не могли не прислушиваться к подобным слухам: это было нашим долгом.

Наконец, предъявленные королем, а также герцогами, графами, баронами и прочими представителями знати, духовенства и народа Франции или их представителями отчеты и отзывы показали нам, что магистр, приоры, сам орден были запятнаны этими и многими другими преступлениями; изначальные предположения были подтверждены различными признаниями и показаниями, сделанными перед большим числом прелатов и перед инквизитором Франции, записанные, чтобы сообщить нам, каковые показались нам настолько убедительными что, отныне, стало невозможным отвергать их без скандала и опасности.

Вот почему мы решили приступить к расследованию, и мы уже допросили 72 священника, рыцаря и других братьев известного ордена; они дали нам клятву рассказать нам правду; из этих допросов, на которых присутствовали многие из наших братьев, в нашем присутствии был составлен подлинный документ, который мы зачитали на публичном заседании церковного собора и каждому присутствующему на его языке; они заявили, что настаивают на своих показаниях.

После чего, желая самому допросить магистра и высших сановников ордена, мы попросили предстать перед нами в Пуатье самого магистра, приоров Франции, заморских земель, Нормандии, Аквитании и Пуату. Но многие из них были слишком больны, чтобы совершить путешествие верхом с этой целью. Так как мы твердо стремились узнать от них всю правду и понять, были ли их признания и показания, сделанные перед инквизитором Франции, в присутствии нотариусов и судей, точными, мы доверили допросить магистра и его приоров нашим дорогим сыновьям кардиналам Беренгарию Фредолу, Этьену де Сюизи, Ландольфу Бранкаччи, чья мудрость и верность казалась нам безусловной.

Эти кардиналы лично изложили магистру и высшим сановникам причину их приезда Они поощряли их давать показания без страха, в полной свободе. Магистр и приоры, перед тремя кардиналами, четырьмя государственными нотариями и большим числом членов комиссии произнесли клятву на Евангелие и без малейшего давления или угрозы один за другим признали, среди всего прочего, отречение от Христа и плевание на крест. Некоторые из них признались, что по такому же церемониалу они приняли в орден большое число братьев. Некоторые, наконец, сделали другие признания столь ужасающие и неподобающие, что мы предпочитаем не упоминать их, стараясь не увеличивать их постыдность. Затем, каясь, коленопреклоненные, сложив руки (manibus complois), в слезах, попросили со смирением и рвением снятия с них отлучения от Церкви.

Церковь никогда не стремится закрыть свое лоно перед теми, кто возвращается в нее; таким образом, кардиналы, властью нам данной, дали им каноническое отпущение грехов. Затем они вернулись, чтобы представить нам подлинные протоколы всех этих показаний и сделать нам доклад. Из него мы узнали, что магистр и братья совершили серьезные преступления.

Так как орден распространен во всех частях света, и мы не можем лично провести расследование, мы просим вас данным апостольским письмом отправиться в город, епархию и провинцию Санса, призвать к себе нашим эдиктом всех тех, кто должен и хочет быть вызван и допросить их по вопроснику, включенному в нашу буллу, которую мы вам пересылаем и т. д.»

Маловероятно, что такой документ не смог убедить читателя.

Последствия

Организация комиссии и поиски свидетелей были долгими. Действительно, в течение года больше ничего не происходило. Комиссия, созданная в августе 1308 г., начнет работать только в ноябре 1309 г. Ее местонахождение было определено в Сансе, столице епархии, которой тогда подчинялся Париж; но архиепископ Санса (то есть и Парижа) не входил в комиссию. Получалось, что комиссия не зависела от него, так же как он не зависел от нее, что мы и увидим в дальнейшем.

Все это время тамплиеры находились в тюрьме. Они должны были, по логике, предстать перед судом индивидуально в своих епархиях. Но большинство епископов осторожно решили подождать результатов расследования. К тому же, так как комиссия желала выслушать всех тех, кто об этом просил, было необходимо перевезти в Санс со всех уголков Франции большую часть заключенных.

Единственный прелат не стал ждать завершения работы комиссии и приступил к суду над людьми до суда над орденом: сам архиепископ Санса. Но не будем забежать вперед.

VII. РАССЛЕДОВАНИЕ КОМИССИИ

Расследование комиссии, заседавшей в Сансе, продлится два года, включая перерывы в работе и процедурные происшествия. Начав работу 8 августа 1309 г., практически она начнет действовать только в ноябре, а завершит свою работу 5 июня 1311 г. Поэтому придется отложить заседание церковного собора, который откроется в Вьенне только 16 октября 1311 г.

Общие впечатления

Чтение протоколов расследования комиссии довольно скучно из-за бесконечного повтора одних и тех же оборотов. Как мы увидим, каждого свидетеля допрашивали по вопроснику, включающему 127 пунктов, откуда и появляются скучные повторы. Кроме того, не искажая мысль свидетелей, секретари суда резюмировали или исправили по форме показания таким образом, что вместо ощущения отражения живого слова, мы имеем только повторение одних и тех же формул.

Однако все скрупулезно было записано, включая колебания, исправления и возражения обвиняемых.

Две вещи поражают больше всего: расположение и даже доброжелательность дознавателей, и свобода, которой располагали свидетели (так как здесь они были всего лишь свидетелями, потому что расследование касалось только ордена).

Очень часто следователи вмешивались, чтобы подбодрить свидетеля, гарантировать, что ему не причинят никакого зла. Потрясенные рассказами о пытках следователи старались подчеркнуть, что они не собираются вновь прибегнуть к таким же методам. И, даже больше, они часто предлагали свидетелям сохранить в тайне их показания до церковного собора.

Многие вещи кажутся им невероятными, необъяснимыми: они настаивают, просят уточнить. Они дают время на раздумье, которое просят свидетели.

Короче, если какое-нибудь следствие и было непредвзятым, то именно расследование комиссии в Сансе. Вот еще почему, в отличие от признаний, полученных под пыткой, показания, полученные в Сансе, особенно до 10 мая 1310 г. (позже мы увидим значение этой даты), заслуживают большего внимания.

Первый допрос великого магистра

С самого начала, 26 ноября 1309 г. слушают Жака де Моле. Новое разочарование.

Он выражает чисто символический протест: «Орден был утвержден и получил привилегии от святого апостольского престола. Меня сильно удивило бы, если бы римская Церковь вдруг решила бы его уничтожить». Но когда его спрашивают, хочет ли он защищать орден (и кому этим заниматься, как не ему, прежде всего?), его ответ очень невразумителен: «Я не настолько учен, как следовало бы... Я готов защищать его в силу моих способностей, но эта задача кажется мне достаточно сложной: как защитить его достойным образом? Я узник Папы и короля Франции и имею только четыре денье, которые могу потратить на эту защиту».

Словно речь идет о деньгах! Ему читают признания, сделанные ранее в присутствии трех кардиналов, и просят объясниться по этому поводу. Он просит два дня на раздумья:

«Вы получите их. И даже больше, если хотите».

Значит Моле не отказывается от своих признаний и не выказывает никакого возмущения. Как обычно он кажется вялым и разочарованным.

Рьяный защитник

На следующий день брат Понсар де Жизи будет выглядеть гораздо более благородно. Хотелось бы найти другие такие примеры, но это единственное исключение:

«Все обвинения против ордена, в частности, что мы отрекались от Иисуса Христа, плевали на крест, давали разрешение братьям совокупляться между собой плотски и другие безобразия, все это является ложью. Все, в чем признались мои собратья и я сам, — это ложь! Мы говорили под воздействием жестокости, опасности, которая нам угрожала, и страха, так как нас пытали... *(за этим следует рассказ о пытках, который мы уже упоминали)*. Если меня снова подвергнут пыткам, я откажусь от всего, что говорю здесь, и скажу все, что захотят».

Очень важное заявление, хотя бы потому, что оно показывает ту свободу, которую комиссия давала свидетелям. Брат Понсар де Жизи не пострадал за свой мужественный ответ.

Второй и третий допрос великого магистра

28 ноября состоялся второй допрос Моле, у которого было время подумать. Поступит ли он также как брат, которого выслушивали накануне? Нет, он отказывается защищать орден: «Я всего лишь неграмотный и бедный рыцарь». Так как Климент оставил за собой право решать его судьбу, он ждет пока предстанет перед самим Папой. Но не хочет ли он защитить орден? Нет, «так как он такой же смертный, как и все люди, и думает только о сегодняшнем дне». Может быть он хочет сделать какое-нибудь заявление? Он заявляет, что ни один орден не собрал столько средств для Церкви и не отдал столько жизней в защиту христианской веры, как орден Храма. Конечно, говорят ему, но всего этого не достаточно для спасения души, если нет настоящей веры. Тогда он заверяет всех в своей христианской вере, доказывает, что верит в Господа и Троицу (будет записано, что он умолчал об Иисусе). «Когда душа отделится от тела, видно будет, кто был плох, а кто хорош и мы узнаем правду о том, что сейчас обсуждаем».

Следователи были поражены. Ни слова о страданиях его братьев, ни каких комментариев о его предыдущих признаниях. Он попросит присутствовать на мессе, что ему охотно разрешат, и не скажет больше ничего.

Спустя пять месяцев, 2 марта 1310 г., он будет еще более лаконичен: поскольку его дело должен рассматривать сам Папа — пусть его отведут к Папе. Комиссия объясняет ему, что не уполномочена его судить, но «ведет расследование против ордена, как такового», и, что она должна выполнить свою задачу. Моле делает вид, что не понимает: орден не интересуется великого магистра и только личное решение Папы персонально *о нем* занимает его мысли. Моле отсылают, не добившись больше ни слова.

Допрос других высших руководителей

Также плачевно и поведение других сановников, которые, кажется, не знают о цели, преследуемой комиссией.

Жоффруа де Гонневиль отказывается защищать орден, когда ему это предлагают: он не способен защищать его, находясь в заточении и будучи безграмотным (он тоже!). Его пытаются успокоить: «Вы можете здесь говорить без страха: не бойтесь ни грубости, ни оскорблений, ни пыток, мы не сделаем этого с вами и не позволим сделать; напротив, мы помешали бы этому, если кто-то попытался бы применить их к вам». Напрасный труд, Гонневиль хранит молчание. И тоже просит препроводить его к Папе, который должен решить его судьбу. Орден его не интересует. Вот все, что смогут из него вытянуть.

Надо признать, что та беззастенчивость, с которой руководители бросили своих братьев, возмутительна, но как ее объяснить? Осознавали ли они свои грехи до такой степени, что сами требовали наказание за них? Надеялись ли они, наоборот, на какую-то помощь, какое-то внешнее вмешательство? Непонятно, что и думать.

Другие свидетели

Так как высшие руководители уклонились, таким образом, необходимо было обратиться к простым братьям, чтобы они выступили в защиту ордена. Для этого их надо было привезти в Сане, вот почему комиссия продолжала заседать до февраля. Многие удивляются медлительности, с которой их собирали, и полагают, что светские власти всячески мешали этим путешествиям. Возможно это так, но надо помнить о медлительности сообщений, в особенности в разгар зимы.

В феврале 1310 г. в Сансе наконец собрали около 550 тамплиеров, около 100 человек из них объявляют, что готовы защищать орден. Расследование можно продолжать.

Вопросник

Допросы велись по стандартному вопроснику, составленному королевской канцелярией, включающему 127 вопросов и одобренному Папой. Таким образом, каждый свидетель должен был ответить все на те же 127 вопросов. Такая процедура будет очень долгой и чрезвычайно скучной для читателя, но, по крайней мере, можно быть уверенным, что ничего не было забыто.

Сначала защитникам ордена читают целиком весь вопросник по латыни. Их спрашивают, хотят ли они услышать французский перевод. Любопытно заметить, что все эти неграмотные заявляют, что им достаточно выслушать вопрос по латыни:

«Не хватало еще, чтобы нас заставили выслушивать такие низости по-французски. Все здесь лживо и мерзко!»

Вот, наконец, все хорошо! Отныне, на допросах каждый вопрос будет переводиться на французский язык; некоторые даже будут отвечать на провансальском.

Но так как невозможно выслушать целиком сто адвокатов, защитникам ордена предложат выбрать среди себя шесть или десять «прокуроров», которые будут говорить от имени всех, свободно советуясь между собой и всеми остальными заключенными. Они колеблются, так как говорят, что им нужно было бы получить разрешение или согласие магистра.

Увы! им скажут, что магистр и высшие руководители отказались защищать орден. Понятно, что это немного смущает братьев. Архиепископ Нарбонны советует им поторопиться, так как день, на который назначено открытие церковного собора, приближается. В конце концов, они выберут четырех представителей, среди которых самым замечательным будет Пьер де Болонья.

Расследование до 10 мая

Несмотря на это напоминание, ничто не происходит до 1 апреля. Так как тамплиеры жаловались на условия их содержания, комиссия посетит тюрьмы.

И, наконец, 1 апреля Пьер де Болонья от имени заключенных братьев тамплиеров, делает заявление:

«Артикулы, посланные в булле монсеньером Папой, этот бесчестный, низкий, бессмысленный и ужасный вопросник, является ложью, грандиозной ложью, ложью несправедливой. Сфабрикованной из разных документов врагами ордена. Вера ордена Храма чиста и не запятнана и всегда такой была. Все братья ордена, которые признали подобную ложь, целиком или частично, солгали. Кто, однако, осудит их? Они говорили под страхом смерти».

Как хотелось, чтобы и другие, а особенно Моле говорили также! К несчастью, пока речь идет об общих положениях: все будет обстоять гораздо хуже, когда перейдут к отдельным пунктам.

А пока идут споры по процедурным вопросам. 7 апреля Пьер де Болонья читает другое аналогичное заявление. Четырем прокурорам разрешено посетить в тюрьме других братьев.

Наконец, 11 апреля начнутся индивидуальные допросы, которые вскоре приведут к катастрофе. Хотя казалось, что все складывается благоприятным образом, больше не было ни угроз, ни страхов, защитники договорились между собой... И тем не менее, один за другим, все свидетели, выслушанные с 11 апреля по 10 мая, повторяют прежние признания и признают основные факты!

Эти допросы, с 11 апреля по 10 мая, являются свободными, а следовательно, самыми важными. Они широко подтвердили факты, установленные ранее расследованием Папы и кардиналов: но об этом обычно историки не говорят!

Совет в Париже

10 мая Пьер де Болонья просит сделать срочное заявление и сообщает комиссии, что многих тамплиеров будет судить в Париже Совет провинции под председательством архиепископа Санса. Он протестует и просит заранее отозвать это решение.

Архиепископ Нарбонны справедливо отвечает ему, что это не входит в компетенцию комиссии: «Это нас не касается, мы не можем в это вмешиваться потому, что вы должны обращаться не к нам». Все же четыре прокурора подают апелляцию. Комиссия рассматривает ее и, в конце концов, решает, что не имеет полномочий вмешиваться.

Допросы возобновляются 11 мая, но 12-е заседание неожиданно прерывается: в ходе заседания становится известным, что 54 тамплиера, которых судили в Париже, только что приговорены к сожжению. Всеобщее смятение. Тогда комиссия решает обратиться к архиепископу Санса, чтобы попросить его отсрочить казнь. Мотив: приговоренные должны быть заслушаны комиссией. Но архиепископ Санса откажется и 54 приговоренных будут казнены.

Брат Эймери де Вилье-ле-Дюк потрясаяще расскажет об этом комиссии: «Вчера я видел, как в повозках везли 54 наших брата, чтобы сжечь их живьем. Я слышал, что их сожгли. О! Я, если бы я должен был быть сожжен, я не вынес бы этого, ибо я слишком боюсь смерти, я уступил бы... я признался бы, что убил Господа Нашего!»

Эти воины, возможно, не блещут мужеством, но зато этот пример выходит за рамки вопросника и передает атмосферу происходящего.

Крах

С этого момента началось крушение ордена. Свидетели больше ничему не верят. Пьер де Болонья бежит из тюрьмы и никогда не будет найден. Остальные откажутся защищать орден. Работа комиссии затянется до ноября.

Допросы возобновятся с января по май, но не дадут ничего нового.

Однако, надо упомянуть странное поведение брата Жана де Поленкура. Допрошенный 8 января 1311 г., сначала он заявит: «Я настаиваю на признаниях, которые уже сделал. Я признался, что отрекся от Господа во время моего вступления в орден». Члены комиссии предлагают ему хорошенько подумать: «Скажите все-таки правду, во имя спасения вашей души. Вы ничем не рискуете, если скажете нам правду». Тогда Жан де Поленкур отпирается от своих слов: «Ну, тогда нет, я не отрекался ни от Господа, ни от Иисуса Христа, я признался под страхом смерти». И ему позволяют уйти. Но 12-го он просит выслушать его снова и повторяет свои первые признания. Члены комиссии больше ничего не понимают, просят принести клятву на Евангелие, спрашивают, не заставил ли его кто-то снова изменить свое решение. Нет: «Я подумал, что я совершаю зло, совершая клятвопреступление, и попросил своих стражников снова отвести меня к вам... я клянусь, что во время вступления в орден, я отрекся от Господа и плюнул на серебряный крест».

Эти несчастные совершенно обезумели от страха.

Завершение работы

5 июня 1311 г. комиссия прекращает свою работу. Она выслушала, в основном до 10 мая 1310 г., 131 свидетеля, дававших свободные показания.

Досье было передано Папе, который представит его церковному собору в октябре. Документ достаточно поучительный: он содержит очень многочисленные признания. Теперь остается только детально изучить содержание этих показаний.

VIII. КЛЮЧЕВЫЕ ОБВИНЕНИЯ

Из 127 пунктов вопросника я рассмотрю только основные обвинения. Многочисленные вопросы касаются уточнений по деталям. Другие относятся к фактам установленным, но недостаточно убедительным: например не вызывает никаких сомнений, что тамплиеры брали на себя обязательства исповедоваться только капелланам ордена, любой внешний духовник был исключен. Рыцари давали клятву соблюдать тайну в вопросах, интересующих орден, и не покидать его. Все это, естественно, объясняется независимостью и самой природой ордена.

Другие претензии являются надуманными: такие обвинения как подозрение в поклонении кошке, отпали сразу.

С другой стороны, надо рассмотреть пять основных обвинений. Я начну с наименее страшного.

1. Принудительная содомия

Вопросы с 40 по 45: «Вновь принимаемым братьям говорили, что они могут совокупляться плотски друг с другом, (41) что им это дозволено, (42) что они должны себе позволять это и взаимно терпеть, (43) что совершение этого, вовсе не является для них грехом, (44) что они сами совершали это, или многие из них (45) или некоторые из них».

Любопытно, что именно против этого обвинения, менее страшного, чем другие, тамплиеры защищались лучше всего.

Все отрицали, что содомия носила обязательный характер. Большинство признавалось в следующем: во время приема в орден им запрещали иметь сношения с женщинами; и им рекомендовали, что в случае если обет безбрачия становится слишком тяжек для них, то лучше вступить в связь с братом, чем с женщиной, дабы избежать скандала.

Выслушаем сначала высших руководителей.

Гуго де Пейро: «Я говорил им, что если они испытывали некоторое естественное сексуальное возбуждение, которое толкало их на невоздержанность, им было дозволено охладить пыл с другими братьями. Все это я говорил не сердцем, а только устами: такую практику позволял наш устав... Я думаю, что всех принимали в орден таким же образом».

Жоффруа де Шарне: «Я слышал как брат Жерар де Созе, командор Оверни, говорил братьям одного из капитулов, что лучше плотски совокупляться с братьями ордена, чем вступать в связь с женщинами. Однако, я никогда этого не делал и никогда не был к этому принужден».

Затем руководители рангом пониже.

Матье дю Буа-Одема, приор Клиши: «Он сказал мне, что если желание побуждает меня удовлетворить мои мужские инстинкты, я должен уложить спать с собой одного из братьев и вступить с ним в плотскую связь. Таким же образом я должен был позволить взаимно вступить в связь со мной моим братьям. Однако никогда я этого не делал».

Пьер де Болонья: «Он сказал мне, что если меня терзают соблазны плоти, я волен совокупляться с братьями нашего ордена, и в этом нет греха. Однако всегда думал, и думаю по-прежнему, что это является отвратительным грехом, и никогда я этого не совершал».

Наконец, один из низших чинов брат Гильом де Шалу-ла-Рен, причетник: «Затем они заставили меня дать обет безбрачия в отношении женщин, прибавив, что если некий природный жар будет обжигать меня, я могу охладить свой пыл с одним из братьев ордена, но я клянусь, что никогда этого не делал».

Во всем этом присутствует лишь общая формулировка, за которой не следовало действия, и просто возникает искушение поверить в некий грубый розыгрыш, шутку дурного вкуса, которые часто можно встретить в казарме. Так как брат Жеро де Кос вспоминает, однако, что во времена магистра Тома Берара трое братьев, совершивших подобный грех, были посажены в тюрьму. То есть мужеложство, все-таки, в ордене было наказуемо.

То, что индивидуальные случаи содомского греха имели место, вряд ли можно было бы оспаривать. Удивительно, если бы было иначе в мужском коллективе. Наиболее точным примером, безусловно, является следующая история, пересказанная братом Гишаром де Марсийяком, которая послужила единственным основанием всему этому важнейшему обвинению:

«Мессир Гуго де Маршан из лионской епархии, который являлся мне родственником, по моему ходатайству был принят в Храм в Тулузе... Братья привели его в мою спальню; они заперли дверь изнутри как можно надежнее... Они заперлись с Гуго так надолго, что всем тем, кто ждал снаружи, стало противно. Затем они открыли дверь в спальню и привели Гуго ко мне... он был совершенно бледный, потрясенный и подавленный... На следующий день Гуго привели в мой дом в Тулузе. Я попытался расспросить его с глазу на глаз. Он мне ответил: «Никогда больше я не смогу ни радоваться, ни жить в мире с самим собой». В дальнейшем, много раз я спрашивал его о причине смятения, никогда он не захотел мне в этом признаться».

Свидетель добавляет, что Гуго де Маршан до конца своих дней находился в отчаянии из-за этого и заказал себе печать с надписью «Печать погибшего Гуго».

Однако, из всех выслушанных тамплиеров, только двое признались в том, что совершали этот грех: Гильом де Варнаж и Рауль де Таверне, которые давали этому следующее объяснение: «С этим приходилось мириться из-за жаркого заморского климата». То есть речь далеко не идет о всеобщей и обязательной содомии.

2. Непристойные поцелуи

30-й вопрос: «Во время вступления в орден братья... целовали друг друга в губы, в пуп или в голый живот, а также в анус или копчик».

Здесь надо различать различные виды ритуалов.

1. Простой мирный или братский поцелуй, который по восточной традиции совершался в губы: это чисто символический жест.

2. Безусловно, таким же символическим был поцелуй в грудь или в сердце (через ткань).

3. Более двусмысленным являлся поцелуй в плечо, как правило, обнаженное: «в плечо, в обнаженную плоть», говорит Жоффруа де Татан; «в обнаженную плоть, в плечо сзади», уточняет Жак де Труа.

4. Но многие свидетели признаются в более странном ритуале: традиции поцелуев в копчик или даже в анус (но через ткань).

Нельзя отрицать этот факт ввиду многочисленности свидетелей, заявивших, что совершали этот ритуал или так поступали с ними.

Гуго де Пейро: «Я отводил их в сторону и заставлял их целовать меня в копчик, в пуп и в губы».

Ренье де Ларшан: «Я поцеловал его сначала в низ позвоночника, затем в пупок и, наконец, в губы».

Пьер де Тортвиль: «Снова, по его приказанию, я поцеловал его в копчик, в пупок и в губы».

Жан дю Тур, казначей тамплиеров в Париже рассказал о другой церемонии: «Брат Жан затем поцеловал меня трижды, сначала в низ позвоночника затем в пупок, и, наконец, в рот».

Пьер де Болонья: «Я поцеловал приора в пупок и нижнюю часть тела. Я видел, как также принимали брата Арто, который вступал одновременно со мной, а в дальнейшем, и многих других».

Этот жест казался многим свидетелям столь же отвратительным, сколь и непонятным, но никто не придавал ему большого значения. Только один свидетель добавляет к этому что-то существенное — это Пьер де Сиврей: «Приор поцеловал меня в копчик и, вот, вдруг, он упал на землю! Его унесли полуживого...»

Обычно, это происходило менее драматично, в армейском стиле. Так Николя де Амьен, рассказывает: «Брат который меня принимал, сказал мне без обиняков: поцелуй меня в зад. — Скорее я позволю себя убить, ответил ему я».

Наконец, Гишар де Марсийяк: «Я слышал, как об этом говорили пятьсот раз или более, это было публичным правилом, что неофит целовал принимавшего его в анус, если не наоборот. Вот почему, — говорит он, — прием проводился секретно и за закрытыми дверями».

Я прекращу это монотонное цитирование. Факт более чем установлен, но в чем его смысл? Ничто не позволяет усмотреть в нем что-либо иное, кроме традиционной «прописки», унижения новичка, то, что в наших высших школах называют «bizutage». Не стоит забывать, что мы имеем дело с людьми военными и перейдем к делам более серьезным.

3. Пропуск слов в молитве

Вопрос 20: «Священники ордена опускали в канонах мессы слова молитвы».

Здесь речь шла о факте куда более важном, который позволял установить связь между ересью тамплиеров и катарской ересью. Некоторые историки, не колеблясь, устанавливают эту связь и утверждают, что орден был заполнен и извращен катарами. Тема диссертации Миньяра: «Доказательства манихейства в ордене тамплиеров» (1833 г.), о котором вновь вспомнила Режи́н Перну.

1. Является ли факт установленным?

Большинство свидетелей, которые делали признания по остальным пунктам, заявляли, что ничего не знают об этом: с их точки зрения священник нормально читал мессу. Но, поскольку эти свидетели не были священниками, их свидетельства не говорят ни о чем, кроме их невежества.

Признания священников гораздо интереснее; но в ордене было не так уж и много священников. Об этом рассказали четверо.

Готье де Бюр и Этьен де Дижон, выслушанные комиссией 21 декабря 1310 г., уточнили, что их просили, читая мессу, убрать четыре слова из канона (слова «hoc est corpus meum» — «сие есть тело мое»). Но оба утверждали, что никогда этого не делали.

То же самое заявлял Бертран де Вилье из епархии Лиможа, который получил аналогичное указание от приора Оверни, Жерара де Созе (которого нельзя было допросить, так как он уже скончался). И, наконец, то же свидетельство от Жана де Бранля, из храма Соль-сюр-Ионн. И эти двое также уверяют, что никогда не учитывали таких просьб.

Итак, всего четыре заявления. Но, ввиду малого числа выслушанных священников это все-таки много. И, однако, это нельзя считать общим правилом.

2. Но, если допустить, что такая практика существовала, чему она служила, если никто ее не соблюдал и не проверял, выполняется ли

она? Все-таки признания говорят о простом указании, без какого либо дальнейшего контроля.

В таком случае можно допустить некое проникновение катарской ереси, имеющей временный и локальный характер, но ни в коем случае не являвшейся общей еретической практикой.

4. Идолопоклонство

Двадцать вопросов с 47 по 67 вопросника посвящены ритуалу идолопоклонства, «а именно головам, одни из которых имели три лица, другие — одно, некоторые — человеческий череп».

Но, очевидно, что факты были неправильно поняты и неправильно изложены Папе. Посмотрим, что дали допросы.

А. Прежде всего многие свидетели говорят о голове, которой они поклонялись больше или меньше во время некоторых церемоний.

Гуго де Пейро: «Эта была человеческая голова, я видел ее, держал в руках и трогал в Монпелье, во время капитула, и я поклонялся ей также, как и все другие присутствующие братья, но только устами и из слабости, но не сердцем».

Ренье де Ларшан: «Я видел эту голову двенадцать раз во время капитулов, в частности в Париже, во вторник после дня св. Петра и Павла... Это была голова с бородой. Они ей поклоняются, целуют ее и называют своим Спасителем».

Гильом де Эрбле, милостынщик при королевском дворе: «Что касается головы, я видел ее во время двух капитулов, которые проводил брат Гуго де Пейро, досмотрщик Франции. Я видел, как братья ей поклонялись, но никогда не делали это искренне. Я думаю, что она деревянная, посеребренная и позолоченная снаружи... Мне кажется, что она с бородой или с чем-то вроде белой бороды».

Гуго де Бюр: «Это было не дерево, может быть серебро, либо золото, либо медь. Это походило на человеческую голову с лицом и длинной бородой».

Бартоломео Бошье: «Это походило на голову тамплиера в шапке с длинной белой бородой».

Б. До настоящего момента описания достаточно совпадают. Но другие рассказывали, что видели голову с двумя лицами. И Гуго де Пейро, который должно быть иронизировал или старался усугубить ошибку, единственный скажет, что «эта голова имела четыре ноги, две спереди и две сзади».

Однако можно смириться с этими противоречиями, допустив, что существовало несколько различных голов.

Остановимся сейчас на объяснении.

В. Заметим, однако, что не все свидетели видели голову, и некоторые утверждают, что речь идет о бессмысленной сказке. Напротив, те, кто видел голову, очень ее испугались (!).

Рауль де Жизи, сборщик налогов в Шампани: «Эта голова, я видел ее на семи капитулах, которые проводили брат Гуго де Пейро и другие... Когда ее выносили, все падали ниц на землю, снимали капюшоны и поклонялись ей... Лицо ее ужасно, мне кажется, что это было лицо демона. Каждый раз, когда я на нее смотрел, меня охватывал такой ужас, что я с трудом мог глядеть на нее, трепеща всеми членами». Вот тебе и бравый солдат! И когда ему замечают, что поклоняться незнакомой голове — преступно, он отвечает: «Мы поступали гораздо хуже, отрекаясь от Христа, после этого можно было поклоняться голове!».

Из всего этого следует, что доля правды в этом была, но свидетели абсолютно не поняли, что это было. Досмотрщик Гуго де Пейро, возможно был единственным, кто мог дать объяснения, но он от них воздержался. Почему?

Г. Продолжим исследование, поскольку у нас есть возможность пойти по правильному пути. Многие свидетели рассказывают об этой странной церемонии. Мы приводим описание Гуго де Бюна, который, кажется, совершенно в здравом рассудке:

«Брат вынул из шкафа голову и положил ее на алтарь. Затем веревочкой он перевязал ее, затем передал мне веревочку, посоветовав носить ее под поясом».

Эта веревочка достаточно известна, это был символ целомудрия. Если голова могла служить для благословения веревочки, значит, не могла она быть такой уж вредоносной. Не идет ли речь, всего-навсего, о реликвии?

Брат Ги Дофен рассказывает, что в Назарете он обвязал своей веревочкой колонну благовещения. Может быть, это просто была традиция прикладывать веревочку к священному предмету, чтоб придать ей больше силы. Суеверие, конечно, но христианского

характера. К тому же свидетели говорят, что орден обладал реликвиями, в частности св. Поликарпа и св. Эуфимии. Не была ли голова простым ковчежцем?

Гильом д'Арбле (или де Эрбле), королевский милостынщик, хотя и видел голову с серебряной бородой, подумал, что это была голова одной из одиннадцати тысяч девственниц!

Д. Вероятность, что речь идет о ковчежце (возможно с мощами мученика ордена) могла бы быть подтверждена следующим фактом. 11 мая 1311 г. комиссия, заинтригованная этими разноречивыми свидетельствами, запросила у хранителя имущества ордена, находится ли среди захваченных предметов деревянная или металлическая голова. Хранитель принес комиссии голову из позолоченного серебра: это было лицо женщины, внутри которого нашли две завернутые кости со следующей единственной надписью «Caput LVIII m». Хотя вовсе не существовало привычки нумеровать мощи, трудно предположить, чем другим могла быть эта коробка с костями.

Свидетели не признали в женской голове ту бородатую голову, но можно предположить, что речь идет об аналогичном предмете.

Е. Бафомет. Это правда, что все слышали, что тамплиеры поклонялись идолу по имени Бафомет. Различные авторы спорят о смысле этого имени. Но имя Бафомета встречается редко и только в материалах допросов. Поэтому возникает вопрос, не возникло ли оно, просто-напросто, из показаний сержанта из Монпеза (возле Монтобана), который признал, что «поклонялся бафометовскому образу». Жители северной Франции находясь в неведении, что просторечный язык Прованса легко изменяет имена собственные, не знали, что на провансальском языке Бафомет означал «Магомет». Бафометическое изображение означает, таким образом, «мусульманское изображение», и бравый сержант безусловно не знал, что мусульманская религия запрещает как изображение человека, так и Господа. Он поверил, что ему показывали мусульманского идола и на этой ошибке перевода были построены целые научные теории.

Этого можно было бы, безусловно, избежать, если бы прочитали следующий фрагмент, с ностальгией написанный около 1265 г., трубадуром, по имени Оливье Тамплиер: «Они (турки) знают, что

каждый день унижают нас, поскольку Господь, бодрствовавший ранее, спит и Бафомет творит властью, ему данной и возвышает султана Египта».

Ж. Похоронная история. И разве можно верить отвратительной истории, пересказанной свидетелем Антонио ди Верчелли, старым нотариусом Храма, побывавшем в Палестине? Это ошеломляющая история, основанная на простых слухах и не подтвержденная непосредственными свидетелями. Вот она во всей своей отвратительности:

«В Сидоне я слышал, что один правитель этого города, полюбил благородную даму из Армении, но никогда за всю свою жизнь не познал ее плоти; когда она умерла, он пришел познать ее тайно в ее могилу в ночь сразу после похорон. Вскоре после этого он услышал голос, который сказал ему: „Возвращайся, когда настанет время родов; ты найдешь своего отпрыска, и он станет вождем человечества“. Когда наступил назначенный срок, рыцарь пришел в склеп и нашел человеческую голову между ног дамы. И второй раз он услышал голос, который сказал ему: „Сохрани эту голову, она принесет тебе счастье“».

3. Поскольку никаких, более убедительных открытий не было сделано, мы вынуждены принять за гипотезу тот факт, что тамплиеры поклонялись реликвиям. Но почему, в таком случае, Гуго де Пейро, который наверняка знал правду, ведь его имя часто связывают с этими церемониями, не дал подобного объяснения, не создавая столько тайн? Возможно, он обладал ценной (или считавшейся такой) реликвией, привезенной с Востока, и хотел уберечь ее от грабежа? Ведь западные церкви, жадные до реликвий, не колеблясь, воровали их!

Как бы то ни было, обвинение в ереси не может основываться на поклонении идолам.

До настоящего времени получается, что мы не нашли ни одного серьезного обвинения и приговор ордену нам кажется мало обоснованным. Таким образом, надо перейти к главному обвинению, которое, в конечном итоге, и составляет весь процесс.

IX. ОТРЕЧЕНИЕ ОТ ХРИСТА

Тринадцать первых вопросов, заданных комиссией, касались именно этого обвинения; но достаточно большое количество деталей было признано не точными (например, факт мочеиспускания на крест), и, в конечном итоге, обвинение было сведено к следующему: во время приема в орден неопит должен был отречься от Иисуса Христа и плюнуть на крест.

Свидетельства

Свидетельства по этому пункту согласованны, точны и отягчают обвинение. Если исключить все, что могло быть вырвано под пыткой или при помощи угроз:

а) Признания Жака де Моле и руководителей ордена на первом допросе перед Университетом и инквизитором в Париже;

б) Повторение этих признаний в Шиноне в присутствии трех кардиналов, посланных Папой;

в) Признания, полученные самим Папой во время личной встречи с 72 тамплиерами;

г) Признания, полученные в Англии и Германии;

д) И, наконец, показания, собранные комиссией в Сансе с 11 апреля по 10 мая 1310 г., которые я сейчас и хочу проанализировать.

Прежде всего, брат Жан де Сен-Бенуа, которого комиссия выслушала 13 апреля на смертном одре: «Я был принят сорок лет тому назад в Ла Рошели братом П. де Лежьеном. Во время моего принятия в орден он сказал, что нужно отречься от Господа нашего. Я теперь не помню, называл ли он его Иисусом, Христом или распятым, он сказал мне, что это все едино. Я отрекся устами, но не сердцем».

Жан Тайлефер из епархии Лангр, выслушанный 14 апреля: «В день моего вступления я отрекся от Христа, только один раз по приказу капеллана, который меня принимал; я сделал это устами, но не сердцем. Затем меня принудили плюнуть на крест; я плюнул только один раз и мимо» (отметим, что здесь именно священник дает приказ об отречении).

Жан Англичанин, выслушанный 15 апреля: «Я был принят в орден в ла Рошели в Сентонже братом Пьером де Мадии... Он отвел меня за алтарь и приказал трижды отречься от Иисуса и плюнуть на крест, который мне показали. По его приказу я трижды отрекся от Иисуса, устами, но не сердцем, и плюнул на крест».

Гуго де Бюр из епархии Лангр, выслушанный 24 апреля: «Брат принес мне крест и велел плюнуть на него и топтать его ногой, отрекаясь трижды от Иисуса. Я был этим совершенно потрясен и отказался. Тогда брат сказал мне, что так надо, что это правило ордена

Храма: и если я не подчинюсь, они хорошо знают, как они должны поступить... Тогда я отрекся от Иисуса трижды устами, но не сердцем и плюнул рядом с крестом только один раз и не стал топтать его ногами».

27 апреля Жерар де Пассаж из епархии Меца рассказывает похожую историю. Допрашивающие переспрашивают: «Вы не подумали, что плевать на крест является грехом? — Да, но я сделал это из-за моей клятвы». В конце концов, он плюнул только один раз на основание креста.

Жоффруа де Татан из епархии Тура, выслушанный 29 апреля: «Брат Жан отдал мне приказ, прежде чем надел на меня плащ, трижды отречься от Иисуса. В этом я уверен. Трижды я отрекся от него, произнося: я отрекаюсь от Иисуса, я отрекаюсь от Иисуса, я отрекаюсь от Иисуса. После чего приор велел принести крест и попросил меня плюнуть на него; я плюнул рядом, отказываясь плюнуть на него... Он сказал мне, что таково правило, он объяснил бы мне его, но совершенно ничего не должен мне объяснять».

Раймон де Васиньяк, выслушанный 6 мая, рассказывает о своем вступлении в орден в Лиможе почти также: «Я подчинился, я отрекся от Христа только один раз, устами, но не сердцем. Я плюнул рядом с крестом... а (приор) сказал мне только, что таково правило».

Бодуэн де Сен-Жюст из епархии Амьена, выслушанный 7 мая: «Брат Пьер де Браэль, приор Соммере, отвел меня в соседнюю комнату, где, при закрытых дверях, велел мне отречься от Бога. Ужаснувшись, я отказался. Он ответил, что так надо, иначе со мной случится несчастье. Я был раздавлен страхом... Я отрекся от Бога, как меня попросили, устами, но не сердцем и только один раз».

Жак де Труа из епархии Труа, выслушанный 9 мая: «Брат Рауль заставил меня отречься от Господа нашего, который висел на деревянном кресте. Это было мне отвратительно, как вы понимаете, но, боясь, что они убьют меня, так как у них был большой меч, вынутый из ножен, в конце концов, я трижды произнес отречение от Христа, — трижды, устами, но не сердцем: „Я отрекаюсь от Господа нашего, потому, что вы этого хотите“. Затем брат Рауль велел мне топтать ногами серебряный крест, на котором было изображено распятие, и плюнуть на него. Его положили на землю. Я трижды

наступил на него, я уточняю, на ноги распятого, я плюнул рядом, но не на него».

И, наконец, добавим, именно из-за деталей, следующий рассказ Жеро де Кос из епархии Родез, который был выслушан только 12 января 1311 г. Его вступление в орден происходило в Кагоре:

«Четверо или пятеро сержантов ордена закрыли дверь зала на засов и достали крест, длиной в полтора локтя. На кресте не было никакого изображения распятия. Они сказали нам, указывая на крест: „Отрекитесь от Господа!“ Мы, потрясенные и испуганные, конечно, отказались. „Так надо, — сказали они, — доставая из ножен свои мечи“. Тогда, от страха, мы, безоружные, отреклись от Господа. Я сделал это устами, но не сердцем; двое других, я думаю, также.

„Плюньте на крест“, — приказали нам сержанты. И, так как мы отказались, они сказали нам, что избавят нас от этого, при условии, что мы промолчим и не выдадим их».

Однако иногда неофит был избавлен от отречения, либо потому, что его ни о чем не просили, либо потому, что не настаивали. Так, например, Альбер де Рюмеркур, принятый в орден в возрасте 67 лет, отказался: «Так как вы стары, мы избавим вас от этого, как и от всего остального».

За исключением этих нескольких отступлений, все признались в этом. Несколько сотен свидетелей, все, за исключением 15 человек, признали, что выполнили этот ритуал, были принуждены к нему или принуждали к нему вновь посвящаемых. Разнообразие региональной принадлежности свидетелей показывает, что речь идет, конечно, о ритуале общепринятом в ордене: он практиковался также и за границей.

Форма и природа ритуала

Ритуал включает многочисленные варианты по форме. Иногда отрываются трижды, иногда только раз; плюют один или три раза, и совершенно не имеет значения, если плюют в сторону.

Чаще всего на кресте присутствует изображение распятия, но иногда случается, что это просто крест. Он может быть деревянный или серебряный; иногда он просто изображен на требнике, а однажды, безусловно, за неимением ничего другого, довольствовались крестом, украшающим плащ.

Отречение всегда касается Иисуса, и не важно как его называют. Даже те, кто заявляет, что отрекся от Бога, прекрасно понимают, что речь идет о Иисусе, так как он представлен на кресте.

Еще более любопытно, что ритуал никогда:

- не предваряется объяснением или предупреждением: все свидетели заявляют, что были удивлены и испуганы тем, о чем их просили и к чему они были совершенно не готовы до церемонии;

- не сопровождается объяснениями: в тех случаях, даже если обещали объяснить произошедшее, этого никогда не делали.

Например, брат Рено из орлеанского приорства рассказывает, что те кто его принимал, сказали: «Замолчи, мы расскажем тебе об уставах ордена в другой раз». Но, объяснение откладывается для тех, кто его ждал и о нем больше никогда не заговаривают.

Наконец, и, прежде всего, вовсе не требовалось, чтобы отречение было искренним. Несмотря на единообразие формулировки, которую используют редакторы, все свидетели утверждают, что отреклись «уставами, но не сердцем».

Брат Жан де Ромре свидетельствует, что его заверили, принуждая к отречению, что это всего лишь «розыгрыш» (*truffa*). Так как это был всего лишь простой сержант, он этому поверил. В данном случае довольствовались словами, не требуя искренности. Но это исключительный случай: остальные свидетели не заблуждаются по поводу характера отречения и видят в этом важное действие.

Однако это чисто формальное отречение навязывают грубой силой: обнажая мечи, угрожают бросить в застенки, приговорить к

смерти.

Только иногда, неопита освобождают от части ритуала, а точнее от плевания, если он обещает ничего не говорить.

Отречение — это ритуал, присущий церемонии принятия в орден. Он даже не влечет за собой никакого продолжения: о нем даже больше не говорят. Тамплиер не получает никакой инициации, его не заставляют принять какую либо доктрину, от него больше не требуют каких-либо извращенных ритуалов.

Большинство заявляло, что, так как это воспоминание смущало их, они не решались говорить об этом даже между собой. И все-таки, однажды, брат Боско де Мазюалье из епархии Лиможа, попросил объяснения у приора Буржа: «Брат Пьер ответил мне, что не надо быть слишком любопытным, иначе я навлеку на себя гнев братьев и руководителей ордена. Отправляйся ужинать, сказал он мне. Речь идет о пророке, тебе это слишком долго объяснять».

Признаемся, что все это удивительно и понять это трудно.

Смысл и распространенность ритуала

Самое удивительное, что и сами руководители заявляют, что не знали значения ритуала, который выполняли и к которому их принуждали.

а) Прежде всего надо отбросить те объяснения, которые могут быть соотнесены с ортодоксальной верой. Можно подумать о сходстве с тройным отречением св. Петра, но столь простое объяснение непременно бы дали неوفитам. Итак, все свидетели согласны рассказывать о действительном отречении от Иисуса Христа.

б) То же замечание можно сделать по поводу объяснения, данного двумя тамплиерами нижних чинов: они говорили, что это было испытание, которое нужно пройти на тот случай, если мы попадем, в плен и неверные заставят нас отречься от Господа. В этом случае вряд ли отказались бы дать подобное объяснение, которое подтвердило бы полезность испытания. И означает ли этот ритуал, что в подобных обстоятельствах тамплиер должен был отречься от Господа, чтобы спасти свою жизнь? Наоборот, мы знаем, что многие, угодив в плен к сарацинам, предпочли смерть.

в) Жоффруа де Гонневиль, на первом же его допросе, попытался дать историческое объяснение этому ритуалу. Брат Робер де Тортевиль, принимая его в орден, заставил отречься и объяснил ему: «Этот обычай нашего ордена был введен по обету, данному плохим магистром ордена, который был пленником султана и получил свободу, поклявшись, что обяжет к нему наших братьев». Это заставляет вспомнить о магистре Жираре де Ридфоре, который, попав в плен к мусульманам, был освобожден на условиях, оставшихся загадочными: его даже подозревали в предательстве.

Но данное объяснение безусловно надуманно: подобное обещание, вырванное, к тому же, силой и данное язычнику, не могло наложить обязательств на великого магистра и, уж тем более, на весь орден. В случае необходимости, Папа, обязательно, освободил бы от такой клятвы.

г) К тому же, если невежественные братья не все понимали в значении символа, высшие руководители не заблуждались по этому

поводу. Жоффруа де Шарне заявляет: «После того как я был принят и на меня надели плащ, мне принесли крест с изображением Иисуса Христа. Брат Амори велел мне не верить в того, чей образ был нарисован на нем, так как это был лжепророк, а не Бог». Затем он добавляет, что сам не принуждал к этому ритуалу тех, кого он сам принимал в дальнейшем: «Так как я прекрасно убедился, что то, как меня самого принимали, было отвратительно, нечестиво и противоречило вере католической», нельзя объяснить яснее.

Лучшим доказательством того, что речь идет об очень важном деле, является то, что тамплиеры позволили приговорить себя по этому единственному факту. Никто из них, даже Моле, не пытались объяснить этот ритуал. Таким образом, они признали его антихристианский характер.

Ритуал и исповедь

Поскольку это требование сильно смущало простых братьев, после вступления в орден их посылали исповедаться в этом грехе, и все заявляют, что этот грех был им отпущен, при наложении символической епитимьи.

Так, например, Жану де л'Омону, сержанту парижской епархии, наставник просто сказал, после того как он, дрожа, плюнул рядом с крестом: «Кретин, иди теперь исповедайся!»

Члены комиссии были удивлены, что исповедники не были встревожены такими откровениями. Но не стоит забывать другой, очень важный и серьезный факт: тамплиер мог исповедоваться только священнику ордена и давал в этом клятву. Таким образом, это всегда был священник ордена, который, кажется, довольно легко, давал это странное отпущение грехов. Брат Жан де Баали уточняет в своем признании: он отправился исповедаться к брату Пьеру Мино, тому самому, который только что его принял. И, так как комиссары удивились, что он выбрал именно того, кто только что заставил его совершить грех, в исповедники, он пояснил: «Мне сказали, что без разрешения моих начальников я не могу исповедоваться кому-либо другому, кроме братьев ордена».

Откуда мог возникнуть этот запрет исповедоваться вне ордена, если не для того, чтобы избежать огласки вне братства возмутительных фактов, о которых священники ордена были, напротив, осведомлены?

Вот показания Пьера де Моды о легкости и почти автоматическом характере отпущения грехов. Так как он отказывался отречься от Христа, приор сказал ему, что это правило ордена и добавил: «Давай же, не сомневайся, капеллан может отпустить тебе этот грех».

Таким образом, отречение от Христа сопровождалось пародией на таинство епитимьи!

X. СТРАННАЯ ЕРЕСЬ

Не было никаких сомнений, что отречение от Христа и плевание на распятие должны были означать появление глубоких отклонений в ордене, тайное принятие веры или идеала, отличных от христианства, даже если простые братья не рассматривали это таким образом.

Безусловно, такое утверждение кажется чрезмерным, и историки отказались принять его: «Оно входит в формальное противоречие с духом и задачами ордена Храма, его вооруженной борьбой, жертвованиями, самоотверженностью и преданностью римской Церкви»^[2]. Они стараются доказать, что речь шла лишь о шутке над новобранцами, призванной в извращенной форме указать неофиту на его обет подчиняться, напомнив ему о тройном отречении св. Петра. К сожалению, сами тамплиеры никогда ничего подобного не говорили, хотя речь шла о спасении их жизней; руководители никогда не давали подобного объяснения, хотя речь шла о спасении ордена и жизни их братьев.

Мы видели, что в 1307 г. Папа еще не был убежден в виновности тамплиеров. В октябре он приказал кардиналам допросить руководителей ордена в Шиноне: Моле и его заместители легко могли бы объяснить, что оскорбление распятия вовсе не было антихристианским действием, но являлось напоминанием об отречении св. Петра. Папа мог бы признать эту церемонию дурным обычаем, и, возможно, запретил бы ее, но при этом был бы совершенно счастлив такой ценой положить конец делу, которое было столь мучительным для него. Филипп Красивый, возможно, отреагировал бы сурово, но лишился бы своего единственного оружия, что могло позволить Папе решиться на сопротивление. Если Климент V и был убежден в реальной и глубокой виновности ордена, то именно на основании признаний, сделанных в Шиноне. Итак, что говорит Моле кардиналам, пришедшим допросить его? «Хитрость врага рода человеческого привела тамплиеров к слепому падению», в течение долгого времени те, кого принимали в орден, отрекались от Христа «рискуя своей душой». Итак, это очевидное признание в ереси или в сговоре с дьяволом, а вовсе не в простом двусмысленном жесте.

Папа лично выслушает 72 тамплиера и получит аналогичные признания. Он квалифицирует эти действия как бесчестный, низкий поступок и преступление. Никто из обвиняемых и не подумал заметить ему, что ритуал мог быть невинным.

В ноябре 1309 г. Моле вспоминает перед следственной комиссией, как затем это будут делать будущие историки, о жертвах ордена в Святой земле и добрых делах. Ему заметят, что «все это не имеет никакого значения для спасения душ, если в этом отсутствует фундамент католической веры». Речь не идет о возникновении «лютеранского» конфликта между верой и делом. Просто делается упор на спасение души. Тогда Моле покорно заявляет о своей христианской вере, но многократно повторяет свои предыдущие признания, не стараясь смягчить их значимости: речь идет именно о проблеме спасения души. Только рядовые братья, никогда не верившие, что действительно отреклись от Христа, будут горячо протестовать. Высшие руководители ордена никогда не попытаются объяснить ритуал отречения в христианском смысле.

Итак, ересь очевидно установлена.

Но какая странная ересь! Она приводит нас в замешательство, и надо признать, что мы не осведомлены о чем-то главном, что могло бы нам помочь понять ее.

Прежде всего, кажется, что высшие руководители до процесса никогда не осознавали тяжесть этих фактов: они представляют ритуал как древний обычай, смысл которого, вроде бы, потерян и которому никто не придавал значения. Однако, христиане, столь невежественные в теологии, как их представляют, не могли сомневаться в отвратительном, дьявольском характере отречения от Христа. Если простые братья пугались отречения, как более образованные руководители могли легкомысленно трактовать этот поступок? И почему никогда не упразднили этот святотатственный ритуал? Во время допросов высшие руководители, не имея возможности отрицать столь известный факт, кажется, больше всего старались скрыть его смысл: именно потому, что правда не могла быть раскрыта.

Но, одновременно признаваясь в этой отвратительной практике, высшие руководители заверяли, что исповедовали христианство и просили разрешения присутствовать на мессе. Нельзя постоянно подозревать их в том, что они разыгрывали комедию. Насколько можно

понять из протоколов, которые не передают живую интонацию слов, сановники были уверены, что являются добрыми христианами. Не боялись ли они навлечь на себя проклятье? Их двусмысленное поведение понять гораздо сложнее, чем поведение настоящих еретиков: например, катары мужественно всходили на костры, проповедуя свою собственную веру, отрицая Церковь и человеческую сущность Христа. Почему, если тамплиеры перешли в другую веру, то никогда не сказали об этом? Почему не нашелся среди них, хотя бы один, кто признался бы в своей вере, какой бы она не была? Встречались же приговоренные инквизицией, признававшие, что заключили договор с дьяволом! Что касается тамплиеров, кажется, что они были просто запуганы и старались только спасти свою шкуру. Но для верующего это не главное: разве их вовсе не заботило спасение души, в какой бы форме они себе его не представляли? На это различие в поведении мы еще раз обратим внимание, когда попытаемся сопоставить их тайную доктрину с доктриной катаров. У катаров были многочисленные мученики, также добровольно и мужественно принимавшие смерть, как и мученики первых веков христианства; у тамплиеров мы не найдем ни одного подлинного мученика, я имею в виду умершего за публично признанную веру в качестве «свидетеля». Все заверяли, что являются христианами, зная, что отреклись от Христа. Конечно, большинство отреклось устами, но не сердцем и речь не о них. Но руководители, носители тяжелой тайны, которую они не могли открыть, почему они хотели умереть христианами? И, если они являлись христианами, почему ничего не могли сказать о своем заблуждении, о доктрине, которую они признавали дьявольской? Признание на исповеди этого греха, разве не являлось условием, необходимым для действительного отпущения грехов?

Вот почему мы задаемся вопросом: действительно ли имелась тайная доктрина, которую точно можно было бы квалифицировать как ересь. Ересь — это прежде всего доктрина, отличная от официальной догмы, но связанная и обоснованная аргументами; это концепция сущности человека и души, это религия, подразумевающая связь с божественным началом и, чаще всего, культ. Каким образом тамплиеры, которые не были ни теологами, ни даже интеллектуалами, могли выработать религиозную доктрину? Прежде всего, это были

солдаты, к тому же, все более и более становившиеся банкирами: никто, никогда не видел военных или финансистов, разработавших религию или философию. Именно монахи становятся еретиками, те, чьи знания и размышления побуждают к сомнению в догмах или интерпретации текстов в моменты досуга. Вспомним о трудолюбивой, духовной эволюции Лютера! Ничего подобного нет у тамплиеров. Безусловно, это монахи, но так мало склонные к интеллектуальным размышлениям!

Таким образом, следует допустить, что не сами тамплиеры выковали свою ересь, что они лишь восприняли доктрину извне, что они были заражены, соблазнены какой-то сектой. Но мы увидим, что напрасный труд пытаться их привязать к известным сектам или доктринам. Их ересь кажется абсолютно негативной, ограничивающейся отрицанием Христа.

Это уникальный случай в истории религии. Все ереси, все верования имеют доктрину, известную, хотя бы посвященным, и которая составляет предмет посвящения или обучения. В ордене Храма нет обучения, нет посвящения и даже объяснения. Отречение от Христа не навязывается как последствие или посвящение в таинство духовной подготовки, оно является необходимой формальностью при вступлении, после чего о нем даже не говорят. Какими бы скрытными не представляли бы мы себе апостолов тайной доктрины, какими бы осторожными не являлись они в отношении мало надежных неопитов, кажется невероятным, что они никогда не попытались довериться нескольким избранным последователям и завоевать их на благо своего дела. Чему может служить доктрина настолько тайная, что не позволяет себе иметь последователей?

Итак, все кажется странным, необъяснимым и можно сожалеть, что следственная комиссия проявила себя мало настойчивой по отношению к священникам ордена, когда они признались в практике опущения слов из мессы. Кажется, никому не пришло в голову спросить объяснения этому правилу, как будто бы оно само по себе являлось достаточно понятным всем фактом. Кажется, никто не подумал и о том, что капелланы ордена, которые обладали монополией на исповедь братьев, обязательно знали что-нибудь о преступлении, признания в котором они выслушивали после каждого вступления в орден и, безусловно, были готовы к тому, что слышали.

Процесс над тамплиерами, это процесс инквизиции, дознаватели в Сансе — высшие прелаты: можно ли представить, что обнаружив столь грандиозную ересь никто из них не попытался узнать ее происхождение, природу и степень угрозы для католической веры? Это можно было бы объяснить, если бы признания соответствовали хорошо известной доктрине или характерному ритуалу; но одно только отречение от Христа, не приводит нас ни к одной конкретной доктрине. Следователи заботились лишь об установлении факта, с чем мы можем их только поздравить. Но какое странное безразличие к природе ереси! Правда, никто ничего больше не мог им сказать, так как виновные сами не знали причин своих преступлений, а руководители замкнулись в суровом молчании.

При наличии этих проблем остается только попытаться догадаться, смирившись с недостаточностью расследования, сравнивая признания тамплиеров с известными доктринами. Попытаться догадаться, чтобы понять, не может ли одна из них дать нам ключ к загадке. Это пытались сделать довольно часто и безрезультатно, и я попытаюсь всего лишь изложить отрицательный итог, который не лишен интереса из-за несовпадений, которые в итоге были выявлены.

Герметизм

Начнем с того, что отделим все то, что походит на алхимию, каббалу и другие оккультные практики. Нигде мы не найдем ни малейшего намека на факты подобного рода, опыты или тайные церемонии. Общество, возмущенное богатством тамплиеров, предполагало, что они изготавливают золото. Однако оно не имело никакого представления о банковских процессах, которые, будучи весьма крупномасштабными, являются единственно разумным объяснением доходов ордена. Кроме того, даже если магистры предавались в тайне поискам философского камня, эликсира вечной молодости или секретов Гермеса, что, кажется, очень мало соответствует их активной жизни, из этого вовсе не следует, что они должны были принудить весь орден к отречению от Христа без какой-либо связи со своими поисками.

Говорят, от Христа отрекались, чтобы умиловить дьявола и это было платой за сделку, по которой магистры пообещали сатане отдать души всех братьев. Необоснованная наивность: какими бы не были наивными люди средневековья, не надо принимать их за полных идиотов, по крайней мере, они знали, что дьявол не удовлетворится одним поступком, без последующих, который мог бы повязать раскаивающегося верующего.

В архитектуре церквей и замков храмовников, в некоторых орнаментах конструкций пытались увидеть загадочные символы. К счастью, нашелся «технар», который смог доказать несостоятельность этих гипотез — господин Эли Ламбер в своей «Архитектуре тамплиеров» (1955 год). Тамплиеры, безусловно, привезли с Востока несколько необычных для нас архитектурных приемов, таких как восьмиугольная ротонда, но они были не единственные, кто их использовал. Мы даже не уверены, что все памятники, приписываемые тамплиерам, были построены ими, и символические знаки, которые там можно разглядеть, принадлежат всем братствам средневековых строителей. Желание прочесть в камне тайное послание тамплиеров, которое они не доверили никакому письменному источнику, является просто фантазией.

Таковыми же несостоятельными являются попытки соотнесения с предполагаемой живучестью культа Изиды. Как и все языческие культы, культ Изиды был запрещен императором Феодосием в 392 г. И, хотя, я соглашаюсь, что в течение какого-то времени его тайно практиковали, ничто не позволяет допустить, что он сохранился до XIII в. Допустим вероятность следующего: загадка Изиды являлась предметом посвящения. Публичный ритуал культа Изиды, такой как нам его описал Апулей, был достаточно сложен, возможно, он смог рассказать о церемонии посвящения, включавшей несколько ступеней. Непонятно, как это было достаточным для поклонения Изиде — плюнуть на распятое.

Катары

Более серьезной может показаться диссертация, которая пытается соотнести секретную доктрину Храма с катарской церковью, и не стоит удивляться, что она была успешно защищена. Процесс над тамплиерами начался всего спустя 63 года после костра в Монсегюре, где погибли вовсе не все катары. Еще в начале XIV в. инквизиция продолжала заниматься ими.

Данное предположение построено, в основном, на двух аналогиях, которые кажутся мне достаточно спорными:

— опущения в мессе слов: по признаниям, полученным инквизицией, это также практиковалось священниками, тайно принявшими катарство (однако, не надо думать, что их было много); но мы уже видели, что у тамплиеров это не было обычной практикой и что ее выполнению не придавалось никакого значения;

— отказ катаров от символа креста, символа казни, и утверждение, что Бог не мог умереть: сходство есть, но еще нигде не было сказано, что катары предписывали плевать на крест. Далекие от того, чтобы отрицать Христа, они почитали в нем небесное существо, охотно называли его Богом или Сыном Божьим и лишь отрицали его воплощение во плоти. Напротив, тамплиеры отрицали в Иисусе Господа, но не человека. Аналогия далеко не убедительна.

Этому тезису противоречат к тому же следующие замечания.

Прежде всего, как я уже это сказал, мы не встречаем у тамплиеров никакого посвящения, которое могло бы потребоваться для принятия новой веры, никакого образования, сопоставимого с тем, которому катары законно придавали такое значение.

Во-вторых, заметим, что если орден впал в катарскую ересь, то произошло это задолго до процесса. Но для этого было бы не достаточно допустить временное влияние нескольких преследуемых катаров, нашедших пристанище в ордене Храма, и следует предположить, что его руководители уже давно перешли в катарскую веру. Однако не кажется, чтобы во время гонений на катаров орден, даже скрытно, выступал на их стороне.

Заметим к тому же, что инквизиторы проявляли большую бдительность в отношении доктрины и практики катарской церкви: это был наиболее часто встречающийся предмет их исследований. Как же судьи в Сансе не подумали установить связь между ересью, которую они только что открыли, и той, которая была им так хорошо знакома? Мы не видим ни одного вопроса, ни одного намека, которые позволили бы думать, что аналогии, найденные так поздно нашими историками XIX или XX в., удивили бы дознавателей или просто привлекли бы их внимание.

Наконец, и это главное препятствие, катары соблюдали жизненное правило, столь отличное от жизни тамплиеров. Храмовники вовсе не соблюдали обет бедности и их богатство возмущало; они чрезмерно много ели и пили, в противоположность аскетам Монсегюра. Исключение общения с женщинами не может рассматриваться как общая характеристика, иначе пришлось бы подозревать в катарской ереси все религиозные ордена! Более того, тамплиеры, в отличие от катар, соблюдали церковные обряды, присутствовали на мессе, исповедовались и особенно практиковали соборование. Известно, что у катар существовало одно таинство, но самое главное, «consolamentum», даваемое умирающим, без которого они не могли достигнуть благодати. Даже если отправляя мессу они разыгрывали комедию, тамплиеры, перешедшие в катаризм, не могли бы обойтись без «consolamentum». Однако Моле и Шарне умерли по-христиански и никогда никто из братьев ордена не просил ни о какой другой помощи перед смертью, кроме помощи католического священника.

Я уже обращал внимание на это существенное различие в отношении к смерти: у катар не отказывались от своей веры, даже если за это надо было взойти на костер. Конечно, среди них тоже были трусы и колеблющиеся, но потрясает число тех, кто принял смерть с радостью. Именно катарская церковь насчитывала бы самое большое количество свидетелей защиты, которые позволили бы себя уничтожить. А среди высших руководителей воинствующего ордена не нашлось ни одного, кто последовал бы примеру мучеников Монсегюра^{3}? Я не могу в это поверить.

Манихейцы и гностики

Инквизиторы, мало осведомленные в истории религии и одержимые св. Августином, обвинили катаров в манихействе. В действительности, две доктрины далеки от того, чтобы их можно было спутать, за исключением фундаментального дуализма. Но нельзя ли, в частности, говоря о тамплиерах, вспомнить о манихейских влияниях, приобретенных на Востоке? Все можно предположить, но затем надо бы найти какие-либо доказательства, а я не обнаруживаю никаких следов манихейского дуализма в признаниях тамплиеров, никакого манихейского воспитания в ордене.

Предполагали, и это более правдоподобно, что в Средние века продолжали существовать некоторые тайные секты, вышедшие из гностицизма (что снова нас приводит к катарам). Полагают, что именно в такие секты вступил Данте до того как вернулся в католическую веру: такой смысл заложен в «темном лесу», где он блуждал, по его признанию, до тех пор, пока теология, которую символизирует Беатриче, не вывела его на «прямой путь». Утверждали, что Данте тайно вступил в орден Храма. Это утверждение мне кажется слишком смелым. Ему приписывают симпатии к ордену только потому, что в XX главе Чистилища он намекает на преступления Филиппа Красивого.

Каким бы не был личный случай Данте, воинам-банкирам Храма весьма далеко до этого эрудита. Пюстицизм — это философская доктрина, впитавшая неоплатонизм, весьма сложный и даже смутный: вступление в секту подобного рода требовало долгого посвящения. С какой бы стороны мы не искали, мы все время сталкиваемся с этим отсутствием образования: все происходит так, как будто после отречения от Христа ничто не имело значения. *Гностики* относили спасение души к поиску открывшейся мудрости, и сложно представить, что магистры Храма отказали братьям в этом знании, являвшемся необходимым условием спасения.

Ислам

Мы исчерпали западные гипотезы, может быть нам повезет больше на Востоке? В силу пребывания ордена Храма на Востоке и длительных контактов, которые были этим вызваны, предполагали, что тамплиеры попали под исламское влияние. Но здесь необходимо оговориться.

Крестоносцы, и особенно те, кто остался жить в Палестине, не проводили все свое время в борьбе с неверными. В силу обстоятельств, устройство христианского королевства в Иерусалиме повлекло за собой необходимость адаптироваться в стране и поддерживать мирные отношения. С первого момента существования королевства, Фульхерий Шартрский, капеллан короля Балдуина I, писал:

«Жители Запада, вот мы и превратились в жителей Востока. Вчерашний француз или итальянец, перенесенный на новую почву, превратился в галлилеянина или палестинца. Житель Реймса или Шартра превратился в горожанина Тира или Антиохии. Мы уже забыли место нашего рождения. Отныне один обладает здесь домом и челядью... другой взял в жены сирийку или армянку, иногда даже крещеную сарацинку и живет с целой прекрасной семьей местных жителей. Мы пользуемся по очереди различными языками этой страны... Зачем нам возвращаться на Запад, если на Востоке исполняются все наши желания?».

Они не проводили свое время в самоистреблении. Когда они сражались, они вкладывали в это страсть, и здесь тамплиеры были первыми. Но борьба не мешала взаимному уважению, вежливым отношениям, куртуазному поведению. Так, в битве под Яффой Ричард Львиное Сердце потерял коня, Малик-аль-Адил, брат Саладина, заметил это, и тут же послал ему двух арабских скакунов, считая, что не подобает королю сражаться пешим. Несколько позже, когда тот же Ричард заболел, сам Саладин послал ему персики и шербет.

Крестовый поход Ричарда Львиное Сердце создал предпосылку для попытки найти политический компромисс, к которому тамплиеры тоже имели отношение: собирались выдать замуж за Малик-аль-Адила родную сестру Ричарда, Жанну Сицилийскую, чтобы установить

длительный мир между соседями. Но проект провалился из-за разницы религий.

Короче, тамплиеры, как впрочем и сами короли Иерусалима, старались противопоставить кровопролитной войне политику мирного сосуществования, а крестоносцы, прибывая из Европы, плохо понимали это стремление заключать договоры с религиозными врагами. Можно ли из этого сделать вывод, что было влияние ислама, религиозное взаимопроникновение? Ничто не позволяет так считать, и мы даже имеем доказательства обратного.

Во времена короля Балдуина II, посол султана по имени Усама ибн Мункыз был принят в Иерусалиме и получил по этому поводу разрешение помолиться в мечети, занятой тамплиерами. Этот посол рассказывает, в своих воспоминаниях, как один тамплиер показал ему изображение Богородицы с младенцем и сказал: «Вот Бог, когда он был ребенком». И добрый мусульманин добавляет: «Да будет превознесен Аллах над тем, что говорят нечестивые, на великую высоту». Такие отношения вовсе не позволяют представить исламизацию ордена.

Правда, во время процесса один из свидетелей скажет: «Мне известно из надежных источников, что многие султаны были приняты тамплиерами и что рыцари позволяли им даже молиться их суевериям и взывать к Магомету». Факт нельзя отрицать, но речь шла об обходительном жесте, доказательстве терпимости: невозможно усмотреть в этом увлечения исламом.

Единственным показателем мусульманского влияния можно считать только определение «пророк» в отношении Иисуса Христа, присутствующее в некоторых рассказах об отречении. Альбер де Карнели говорит, что его принуждали отречься от Христа, который был всего лишь «лжепророком»; Жан де Баали уточняет, что ему сказали: «Плюнь на пророка!». Слово часто повторяется в показаниях. И, все-таки, было бы сложно усмотреть в этом, что либо кроме формулировки, отрицающей божественное происхождение Иисуса и извлечь из этого аргумент, свидетельствующий о присоединении тамплиеров к вере Корана.

Проблема остается в том же: если мы и видим, что тамплиеры отрекались от Иисуса, мы нигде не встречаем свидетельств того, что они заменили христианство на другую религию. Они вовсе не ведут себя как мусульмане, они едят свинину и пьют вино; они исполняют

христианские обряды, не только на публике, но и в частной жизни, они празднуют христианские праздники и показывают глубокое почитание Девы Марии. Однако глубокое влияние ислама должно было бы выразиться в каких-либо действиях, каких ни будь особых обрядах: но об этом вопрос нигде не ставился.

И, безусловно, нельзя считать доказательством этого, якобы существовавшего, исламско-христианского синкретизма, поклонение «бафомету». Например, пытались, раскладывая слово «бафомет» (baphomet) найти в нем соединение имен Иоанна Крестителя (Jean-BAPtiste) и Магомета (MaHOMET)^{4}. Упоминание о Крестителе могло напомнить о мандейцах (mandéems), но их влияние всегда было ничтожным и ничто не позволяет думать, что во времена крестовых походов они все еще существовали в Сирии или в Палестине. К тому же тамплиеры не почитали как-то особенно Иоанна Крестителя, самым почитаемым, помимо Девы Марии, был апостол Иоанн. Кроме того, не надо забывать, что «бафомет» — это идол, изображение, предмет; речь идет не об абстрактном символе, но о *«бафометовском изображении»*. Мне сложно вообразить, чем могло являться совокупное изображение Крестителя и Магомета. В любом случае, вряд ли оно склонило бы нас в сторону влияния Ислама, который наоборот запрещал любое фигурное представление божества и его пророков.

Ассасины-убийцы

Упоминая об этой секретной доктрине, действительно еретической, нельзя ориентироваться на то, чем она пыталась казаться. Речь не идет о полном переходе в ислам, но только о тайном влиянии мусульманской секты, являвшейся, в свою очередь, диссидентской. Упоминали о секте ассасинов или убийц, о существовании которых говорится только в книге Марко Поло, тогда когда ее уже больше не существовало. Именно Марко Поло мы обязаны неточным переводам названия «Старец горы» (Шейх-эль-Ибель).

Разве наличие некоторых, поверхностных аналогий позволяет говорить о таком сближении? Именно во времена создания ордена Тамплиеров основатель секты, Хасан, поселился в крепости на Кавказе, но это совпадение не позволяет установить какую-либо связь между этими двумя событиями. Члены секты носили белый плащ, я с этим согласен, но заметим, что на Востоке это не является характерным знаком.

Установлено, что, завоевав Сирию, секта вступила в контакт с тамплиерами, как и со всеми христианскими властями: благодаря ее помощи король Балдуин II в 1129 г. чуть было не овладел Дамаском. То, что христиане пытались использовать раздоры в мусульманском мире, являлось всего лишь дипломатической тактикой. Непонятно, что могло заинтересовать тамплиеров в задачах секты, которая стремилась, в основном, свергнуть султана в Исфахане и создать в Иране государство исмаилитов. Однако все эти планы рухнули из-за нашествия монголов, которые в 1265 г. сожгли крепости «убийц» и убили последнего Старца горы.

Так как библиотека «старца» тоже погибла во время пожара, нам немного известно о секретной доктрине ассасинов, что позволяет строить любые предположения. Что доктрина существовала — это очевидно, и она соотносилась с движением исмаилитов, которое само вышло из шиизма: это одновременно некий вид неоплатонизма и мессианизма, отвергающий букву Корана и стремящийся придать ему символическое толкование. Все это достаточно смутно и не позволяет узнать, чем секта в точности отличалась от движения исмаилитов

вообще. Но и у ассасинов присутствовало знание, обсуждение текстов, достаточно долгое посвящение, короче, все то, что как раз, кажется, отсутствовало у тамплиеров.

Секта особенно известна своими преступными методами (откуда и произошло наше слово «assassin» — «убийцы»). Мы не встречали сведений о том, что тамплиеры злоупотребляли гашишем, ни о том, чтобы они совершали по приказу и фанатично убийства кинжалом. Короче, некоторые отношения добрососедства вовсе не позволяют делать заключение о философском влиянии и, тем более, о совместных действиях. Уничтожение секты в 1265 г., уход ордена тамплиеров на Запад, безусловно, положили конец этим отношениям. Было бы, очевидно, абсурдным делать из Жака де Моле исмаилита.

Доктрина всеобщего братства

Не столько благодаря прямому религиозному влиянию, сколько влиянию философскому, тамплиеры могли прийти к мысли о некоем всеобщем единстве людей, несмотря на различия в вере. Они могли бы стать первыми проповедниками всеобщего братства, терпимости и в некотором роде провозвестниками нашего XVIII в. Именно, благодаря этому идеалу (приписываемый ордену Храма безосновательно), движение франкмасонов символически и соединяет себя с тамплиерами.

Представим на мгновение, что их постоянные связи с мусульманами, развиваясь, побудили бы магистров Храма создать такой идеал, и проповедовать глубокую религиозную философскую терпимость, основанную на всеобщей любви к роду человеческому. Очевидно, что такое стремление должно было остаться тайной, так как оно радикально противоречило амбициям Пап и особенно Иннокентия III, мечтавшего, напротив, о всеобщем объединении христиан против ислама. Таким образом, надо было бы допустить, что орден, напрямую подчинявшийся Папе, дошел до того, что предал своего руководителя и сотрудничал с его противниками. Такая гипотеза, для того, чтобы приобрести некую правдоподобность, потребовала бы каких-либо обоснований. Мало того, что их не существует, но эта гипотеза сталкивается со следующими основными противоречиями.

Прежде всего, если такой тайный план предусматривал отказ от политики Ватикана, то он нисколько не требовал обострения религиозного противостояния. Безусловно, если представить такую перспективу, Иисус превратился бы просто в великого посвященного, одного из пророков, такого же, как Магомет, а не в Сына Божьего. Но, было ли тогда необходимо и уместно так акцентировать отречение от Иисуса, навязывать его жестокостью, неподготовленным умам с риском выдать секретные цели ордена? Идея подразумевает наличие духа терпимости, как по отношению к христианам, так и к другим конфессиям; она должна была привести к тому, что Иисус стал бы

частью более широкой концепции божественного, а не к тому, что от него отрекались и покрывали плевками распятие.

К тому же, эта концепция слишком опережала ментальность Средних веков и должна была предполагать такое же отношение со стороны противников. Однако даже во времена, когда Саладин делал некоторые благожелательные поступки в отношении христиан, мы нигде не встречаем доказательств тому, что он желал установить с ними длительное и глубокое взаимопонимание; напротив, он старался их изгнать из Святой земли и ему это удалось. Тот международный идеал, который приписывают тамплиерам, таким образом, потерпел бы крах: зачем бы они поддерживали этот идеал, рискуя своей жизнью после отступления на Запад, когда больше не оставалось никакой надежды претворить его в жизнь?

И более того. Если в XVIII в. существовал идеал сближения между христианами и мусульманами, искренняя политика объединения и терпимости, то мы скорее находим все это не у тамплиеров, а у императора Фридриха II Гогенштауфена. Тогда, кажется, тамплиеры должны были бы его поддержать: мы же видим, что они были ему враждебны.

Серьезно увлеченный арабской культурой, как нам известно, император поддерживал постоянную переписку с мусульманскими учеными, что и привело его к глубокому религиозному скептицизму, также укрепив его враждебность к замыслам папской власти. Когда он был вынужден отправиться в крестовый поход и прибыл на Восток, он сделал это не для того, чтобы сражаться с мусульманами, а для того, чтобы попытаться заключить договор. Вопреки всем ожиданиям, он преуспел в этом и добился от султана Аль-Камила договора, по условиям которого, Иерусалим стал своего рода нейтральным и интернациональным городом, с гарантией свободы отправления религиозных культов. Концепция слишком современная для того времени, и она не могла не вызвать неодобрения со стороны Рима. Но она также не получила поддержки тамплиеров. Безусловно, этот договор не позволял им получить обратно мечеть Аль-Акса, первое помещение, где они обосновались, и которое султан не мог теперь отдать христианам. Но можно ли думать, что из-за единственного здания, каким бы символичным оно не являлось, тамплиеры резко воспротивились бы неожиданному договору, в результате чего без боя

было воссоздано маленькое христианское королевство в Палестине и можно было снова защищать Гроб Господень? Не только Яффаский договор 11 февраля 1229 г. не получил их поддержки, но тамплиеры будут стараться расторгнуть его в дальнейшем. Они не присутствовали при въезде Фридриха в Иерусалим, на его коронации. Тамплиеры были взбешены и угрожали, что если император не покинет Святую Землю, отправить его в темницу, откуда он никогда больше не выйдет!

Надо ли говорить, что Фридрих был отлучен от церкви. На Западе все догадывались о чисто политических целях этой меры, а подданные Фридриха остались верны ему, вопреки Папе. Разве отношение тамплиеров не показывает, что они поддерживали политику Рима? Фридрих так хорошо это понял, что в свою очередь, пригрозил конфисковать имущество Храма в Германии и на Сицилии. Я понимаю, что тамплиеры не могли бы открыто оказывать свою поддержку императору, отлученному от церкви. Но между осторожной холодностью и открытой враждебностью существует огромная разница.

Итак, тайная цель великих магистров — надуманная гипотеза. Всякая надежда рухнула бы с потерей Акры. Хотя тамплиеры все еще оставались на Кипре, кажется, что они больше не интересуются Востоком: процесс над тамплиерами, во времена Филиппа Красивого — это чисто западное дело. Можно ли поверить, что Жак де Моле и высшие руководители ордена позволили бы приговорить и дали бы погибнуть стольким братьям во имя защиты тайны обряда, утратившего силу и отныне лишённого всякого смысла? И, конечно, если допустить, что можно установить какую-то связь между фактом, что невежественных монахов принуждали к плеванью на крест, и желанием создать над всем разнообразием культов некий вид всеобщей религии братства или предвольтерьянской философии.

Политические амбиции

Возможно ли вообще приписывать тамплиерам столь возвышенные и бескорыстные стремления? Говорят, что, благодаря своей мощи и богатству, они стремились завоевать господство над миром: возможно их цель была более материальна чем духовна. Тогда становится понятным, почему они не пожелали позволить императору Фридриху II осуществить то, к чему они стремились сами.

И здесь надо уметь делать различия. Благодаря международному характеру ордена и привилегиям, которыми он пользовался, тамплиеры повсюду представляли собой, а особенно во Франции, настоящее государство в государстве, державу, неподвластную монархам. Эта опасность не ускользнула от внимания советников Филиппа Красивого, которые создавали абсолютную монархию. Для короля разрушение такой державы являлось задачей гораздо более серьезной и закономерной, чем овладение богатствами ордена.

Филиппа Красивого считают монархом, победившем в Ананьи светское могущество Пап. По правде говоря, в основном, он воспользовался благоприятными обстоятельствами: претензии Рима на всемирное господство над христианским миром, достигшие наивысшего расцвета при Иннокентии III, были подорваны императором Фридрихом II. Сам Фридрих II оказался побежденным в этой долгой борьбе империи и папства, поскольку после его смерти в 1250 г. оказалось невозможным найти ему преемника. Но и папская власть вышла из этой борьбы очень ослабленной, и, когда Бонифаций VIII, некоторое время спустя, после внутренних проблем в Церкви, захочет продолжить политику Иннокентия III, будет слишком поздно. Филипп Красивый будет только таскать чужими руками каштаны из огня, положив конец конфликтам и с опозданием осуществляя задачу императоров.

Какую роль сыграли тамплиеры в ходе этой борьбы, которая пронизывает весь XIII в.? Внешне они находились на стороне Папы, которому подчинились. Отрекшись от них, Климент V, таким образом, лишает самого себя инструмента полезного для своей борьбы. Но во времена Климента V папская власть, ослабленная и даже изгнанная из

Рима, отказалась от властных амбиций прошедшего века, не имея и средств к их осуществлению. Отказываясь от помощи тамплиерам, Климент V, в действительности, лишился всего лишь орудия, ставшего неэффективным, архаичным и морально устаревшим.

Остается только узнать, не пытался ли орден тамплиеров, именно в силу ослабления папской власти, вести свою собственную игру. Тамплиеры, чьи отделения находились по всей Западной Европе, обладая существенной финансовой мощью и военной силой, не мечтали ли об установлении некоего тайного, надгосударственного правительства, некий вид «синархии» (совместное управление)? Однако, можно вообразить это стремление в двух формах: либо как попытку, повторяющую, по-своему, папскую программу, которая ставила целью только христианское господство; или, все-таки, она была направлена и на мусульманский мир. Но, в этом случае, необходимо было бы найти, с другой стороны, аналогичную организацию, обладающую столь же мощными средствами. Секта ассасинов, возможно, могла бы сыграть такую роль сообщника, но она исчезла в 1265 г. и не имела преемника. Мы плохо понимаем как тамплиеры, особенно с момента потери Палестины, могли вынашивать такие планы в отношении мусульманского мира, безусловно разъединенного, но совершенно избежавшего христианского влияния. Допустим, однако, что они ограничивали свои амбиции христианским миром.

Мне кажется, что эти гипотезы, несущие отпечаток современной истории, все-таки не объясняют ересь тамплиеров: зачем нужно было, чтобы втайне овладеть христианским миром, заставлять, прежде всего, отречься от Христа? Конечно, можно было бы предположить, что когда эта цель была обнаружена, процесс превратился просто в комедию, предназначенную свергнуть сомнительных противников, не раскрывая их настоящих намерений. Но совсем иное впечатление дает чтение документов процесса; судьи очень серьезно относятся к вопроснику, речь действительно идет о религиозном процессе, важность которого для вопросов веры и ортодоксальности очевидна для ведущих следствие. Ничто, абсолютно ничто, не позволяет предполагать, что процесс имеет тайную подоплеку, и факт отречения от Христа присутствует в слишком большом числе признаний,

полученных без насилия, что не позволяет рассматривать его в качестве простого предлога.

К тому же, в гипотезе тайного плана мирового господства, тайна была необходима для успеха предприятия. Зачем же добавлять в него учреждение абсолютно бесполезного ритуала, который мог лишь привлечь внимание к подозрительному характеру ордена? Кажется, эта странная церемония совсем не способствовала укреплению послушания монахов-солдат, и так достаточно гарантированного торжественной клятвой, а этот ритуал забывался после вступления. Нельзя судить об этом, рассуждая как современные люди. В те времена веры и легковерия, когда дьявол присутствовал постоянно, страх проклятья был сильнее страха смерти: религиозная клятва связывала узами более надежными, чем принуждение к ритуалу, который мог лишить вечного спасения и поэтому приводил в ужас братьев, вступающих в орден.

Все это действительно несостоятельно.

Параллельная иерархия и секретные уставы

Итак, мы могли бы оставить эти химеры, не только слишком маловероятные, но противоречащие историческим данным, если бы они не нашли некое подобие подтверждения в тезисе достаточно курьезном и очень романтическом, который завоевал некоторое доверие, (правда теперь его уже никто не поддерживает): тезисе о параллельной иерархии.

Многие писатели были потрясены несостоятельностью Жака де Моле в течение всего процесса, безвольным и ничтожным характером этого персонажа: как управление столь мощной организацией было доверено человеку, столь недостойному своих задач? Именно отсюда, безусловно, и родилась эта идея: а не был ли Моле всего лишь марионеткой, статистом, предназначенным скрыть настоящего тайного магистра ордена? Что если известные руководители, трусливые и кажущиеся невежественными, представляют только фасад, а настоящая иерархия осталась тайной? Смелая гипотеза, надо признать, но мы постараемся ее поддержать.

Сначала вспомним странное заявление Жоффруа де Гонневилья на его первом допросе. Речь идет об одном из главных руководителей ордена, поэтому нельзя приписать это заявление ошибке или неведению. Итак, Гонневиль сказал, объясняя отречение от Христа: «Есть некоторые, кто считает, что это было одно из плохих и извращенных введений в уставы ордена магистра Ронселена». Будет отмечено, что Гонневиль, который, однако, должен был знать, о чем говорит, ограничивается пересказом анонимного суждения. Но это суждение еще более удивительно, если вспомнить о том, что в списке великих магистров ордена, который нам известен (см. приложение), не фигурирует никакой Ронселен и, что в уставах, которыми мы располагаем, также не фигурирует никакое «добавление», касающееся плевания на крест.

Однако, Ронселен вовсе не является неизвестной личностью: один Ронселен дю Фо, провансальский рыцарь был принят в орден в 1281 г. магистром Гильомом де Боже. Кажется, он не поднимался по иерархической лестнице, но это может придать некую

правдоподобность гипотезе о второй, параллельной и тайной иерархии. Среди свидетельств, собранных в Англии, куда более свободных и независимых, чем во Франции, фигурирует заявление, сделанное тремя английскими братьями: «В действительности в Храме существуют два вида приема: первый касается вступления и проходит без какой либо предосудительной церемонии, вторая церемония, очень тайная, которая происходит только несколько лет спустя, и которой удостоиваются только некоторые». Если не считать, что эта разница присуща английскому ритуалу и является существенной, это могло бы заставить задуматься о наличии тайной группы внутри самого ордена.

Что касается уставов, можно полагать, что вне рамок официального устава, всем известного, мог существовать другой, тайный. Действительно, даже во Франции, мэтр Рауль де Прель, адвокат, уверял, что получил от одного тамплиера, брата Жерве де Бове следующее признание: «В ордене существовал столь необычный регламент, который держался в такой тайне, что любой предпочел бы скорее позволить отрубить себе голову, чем выдать его». По словам свидетеля, брат Жерве «имел книжечку со статутами ордена, которую он охотно показывал, но он имел другую, более секретную, которую за все золото мира не показал бы никому». Свидетель, однако, не объясняет, по какой причине был удостоен такого признания. К тому же распространение подобных «книжек» казалось бы достаточно подозрительным, если бы мы не знали, что до ареста Жак де Моле постарался их уничтожить.

Как видите до этого момента — никакой точной информации.

Но в 1877 г. как гром среди ясного неба обнаруживаются тайные уставы магистра Ронселена. Вот что, действительно, было интересно. Увы! Документ является весьма сомнительным, как по своему происхождению, так и по содержанию.

Объясняют, не предоставляя ни малейших доказательств, что этот документ вроде бы фигурировал в секретных архивах Ватикана, откуда он был украден в 1780 г. епископом Копенгагена. Странное поведение для епископа, очень своевременная кража, которая хорошо объясняет, почему документ не находился в архивах Ватикана, когда Наполеон приказал их изъять. После чего документ был похищен, в свою очередь и у епископа, при весьма загадочных обстоятельствах. Следы этого ценного произведения затерялись до его счастливого

обнаружения в Гамбурге в 1877 г. Автор этого сценария является одним из неизвестных предтеч шпионских романов.

Однако, взглянем на содержание. Документ озаглавлен: «Здесь начинается книга крещения огнем и тайных уставов, составленных магистром Ронселеном». Но, вместо ожидаемых сенсационных разоблачений, мы читаем всего лишь несколько банальных правил против болтовни и невежества. В общем, ничего, что заслуживало бы быть названным «крещением огнем», если не считать важного заявления, которое могло бы сойти за изложение масонской доктрины всеобщего братства:

«Знайте, что Господь вовсе не делает различий между людьми, христианами, сарацинами, евреями, греками, римлянами, франками или болгарами, ибо всякий человек, который молится Богу, спасен».

Если это действительно было написано в XIII в. в ордене, задачей которого было бороться против неверных, можно было бы подумать, что тамплиеры на несколько веков опередили философов эпохи просвещения. Слишком большое опережение во времени, чтобы быть правдоподобным! Очевидно, что произведение было составлено гораздо позже, чтобы подтвердить преемственность между тамплиерами и вольными каменщиками. Хотелось бы, чтобы документ был подвергнут анализу каким-либо специалистом службы подделок, но что с ним вообще стало? Ручаемся, что он должен был быть украден в третий раз.

Самое удивительное, что эти, так называемые, уставы сами себя изобличают, так как в них написано: «Секретные уставы никогда не будут переведены и никогда не будут отданы в руки братьев». Тогда, откуда эта версия и как получилось, что брат Жерве де Бове имел их экземпляр?

К тому же, даже если в ордене существовала параллельная иерархия, секретная доктрина и тайные уставы, это не объясняет нам, каким образом Ронселен, этот загадочный персонаж, смог навязать ордену такие глубокие преобразования. Ему понадобилось бы согласие магистра Гильома де Боже, который умер при осаде Акры, не оставив каких либо инструкций. Таким образом, реформа ритуала приема в орден с принуждением плеванья на крест не могла быть творением тайного магистра, необходимо было получить поддержку Совета,

чтобы изменить правила. Смог ли Ронселен переубедить всех руководителей?

И, наконец, известно, что другие братья приписывали введение извращенного ритуала «плохому магистру» Тома Берару: он умер в 1272 г. за девять лет до приема Ронселена. Все это не слишком хорошо согласуется.

Однако, существование тайного устава вполне вероятно: о нем говорят многие свидетели и, очевидно, именно его Моле старался уничтожить перед арестом. Что касается содержания секретных уставов, мы можем строить только гипотезы: Моле и высшие руководители, которые их знали, ничего не рассказали по этому поводу.

Гораздо меньше я верю в существование параллельной иерархии. Нигде нет свидетельств, что существовало два последовательных приема в орден, второй из которых был тайным и предназначенным для избранных, как рассказывают об этом братья из Англии. В таком случае, зачем вводили столь опасный и бесполезный обряд в обыкновенную церемонию приема в орден, предназначенную для всех? По словам тех же свидетелей обычный прием проходил «без какой-либо предосудительной церемонии». Во Франции было иначе, если бы все обстояло как в Англии, возможно, не было бы процесса или, по крайней мере, приговора. Версия трех английских свидетелей кажется нам гораздо более логичной, но именно она делает еще более непонятным введение предосудительного ритуала в общий обряд приема. Возможно, различные формы встречались и в Англии.

Я сильно сомневаюсь, что Ронселен мог быть тайным магистром: как же Гонневиль так легко выдал такой секрет, а потом замолчал на семь лет? Я охотнее поверил бы в то, что он старался направить следователей на ложный путь. И, наконец, если существовала параллельная иерархия, настоящая, чем она занималась во время всего процесса? Нигде не видно, чтобы тайные руководители стремились оказать хоть малейшую помощь узникам, и тем более защитить орден от опасности. Не могли ли они, в нужный момент, обратиться к Клименту V? Нас хотели бы заставить поверить, что их единственной заботой была эвакуация архивов и богатств, после чего они исчезли, не оставив следов. Нет, действительно, я не смог бы принять столь легковесные объяснения.

Ускользающая правда

Итак, мы должны признать, что мы не способны узнать правду, которая ускользает от нас. Все объяснения кажутся надуманными и случайными. Остается голый факт отречения от Христа и плевание на крест. Следовательно, в основном, стремились к установлению этого факта, который им казался достаточно убедительным сам по себе, и они мало беспокоились о его объяснении. Высшие руководители ордена отказались отвечать комиссии и умерли, унеся свою тайну в могилу. Если случайно не обнаружатся архивы храма (если они не были уничтожены), вполне возможно, что мы никогда не узнаем истинной подоплеку дела.

Но один факт остается непреложным, вне всяких сомнений — это факт наличия ереси, какой бы она не была. Основные, главные обвинения являются вторичными или не существенными, и только отречение от Христа образует базу процесса. Но этот факт оказался, сам по себе, достаточно серьезным чтобы обосновать уничтожение ордена и казнь людей: а разве могло быть иначе? Понятно, что Филипп Красивый был потрясен подобными признаниями, что Папа, после долгих колебаний, решился распустить погрязший в грехах орден. Один историк, однако, чрезвычайно симпатизирующий тамплиерам, сделал следующее заключение:

«Уж слишком многочисленными, слишком согласованными по сути, слишком точными и детальными воспоминаниями кажутся эти признания при чтении, нельзя не поверить, что обвинение, выдвинутое против тамплиеров не имеют какой либо основы: обвинители сознательно нанесли удар... Тогда нужно допустить, что уязвимость ордена в этом была реальной... интригующая тайна оставалась, и, в конечном итоге, именно из-за нее орден и был осужден» (*Раймон Урсель: «Тамплиеры»*).

К такому же, очень близкому, мнению приходит герцог де Леви-Мирпуа: «После того как мы пытались пролить как можно больше света на разнообразные и противоречивые аспекты этого темного дела, решение, принятое Климентом V, кажется нам разумным и мудрым» («*Унижение в Ананьи*», 1969, с. 289).

XI. КОНЕЦ ДЕЛА

Объемное досье комиссии, которое я только что коротко изложил, с его пробелами и повторами, было передано Папе, который должен был собрать по этому поводу церковный собор. Отложенный из-за затянувшегося расследования, этот церковный собор открылся 13 октября 1311 г. в Вьенне, в имперском городе, принадлежащем императору Германии, но расположенном недалеко от Франции и близко к Авиньону.

Церковный Собор

Было не слишком удобно собрать в столь маленьком городе такое внушительное собрание, и сложно представить то количество народа, которое скопилось в этом маленьком, провинциальном поселении, ставшем на семь месяцев столицей христианского мира.

Прежде всего, это был Папа со своей свитой и близкими, персонал папской курии (от докторов канонического права до простых писцов), хранители казны (необходимой для оплаты расходов) и маленькая папская армия. Затем, конечно, кардиналы с их пышным сопровождением. Не все приглашенные прелаты прибыли, и Папа был этим разгневан. Но, все-таки, прибыло 114 церковных иерархов, среди которых были патриархи Антиохии и Аквилеи, итальянцы, испанцы, арагонцы, несколько англичан и германцев и около пятидесяти французов, конечно, все со своей свитой. Приехали и аббаты, монахи, чье число нам не известно, но было, возможно, достаточно большим. Со стороны светских властей большинство государей уклонились, как, например, король Арагонский, или им помешали, как, например, королю Англии; но все отправили своих послов, сопровождаемых роскошным эскортом. И, наконец, 1500 воинов, для поддержания порядка, и толпа верующих, паломников, торговцев, ростовщиков и менял, а возможно и проституток, привлеченных таким потоком мужчин без женщин. В узких улочках маленького города расположилась настоящая ярмарка!

Вопрос о тамплиерах был не единственным в повестке дня, обсуждалось много других проблем. Серьезно обсуждали даже проект крестового похода, но без особого энтузиазма. Однако с самого начала стало ясно, что дело об ордене Храма важнее всех других проблем. После церемонии открытия и вежливых приветствий Климент V, как известно, «пересказал весь процесс». Затем, дело было вновь отправлено на изучение в комиссию и в течение нескольких месяцев, казалось, ничего не происходило, что не замедлило наскучить толпе. Комиссии работали без проблеска и все ждали прибытия короля Франции, в отсутствии которого, кажется не могли начать публичное обсуждение.

В комиссии вскоре возникла серьезная проблема: надо ли основывать решение только лишь на документах, переданных комиссией из Санса, или надо снова начинать обсуждение и еще раз проводить следствие по делу? Для многих эта потеря времени и денег казались бесполезными, но, вдруг, в октябре произошло неожиданное событие: сначала семь рыцарей Храма, а затем еще двое других, желая защитить орден, предстали перед комиссией и попросили, чтобы их выслушали. Этот приезд, а еще больше вымыслы, которые он породил в толпе, жаждущей в накалившейся обстановке новых сведений, наделал много шума. Утверждали, что в окрестностях города собралась армия в две тысячи рыцарей Храма, готовая идти на штурм! Безусловно, это была неправда, но своего рода безумие начало овладевать умами, разогретыми суетой стольких людей, которые беспрестанно общались между собой и распространяли самые необоснованные слухи. Чтобы избежать беспорядков, Климент V приказал арестовать девять прибывших тамплиеров. Это ставят ему в упрек, не понимая, что это было единственным средством обеспечить их безопасность. Ведь толпа была очень враждебна к тамплиерам, и каждый человек знал об ужасных преступлениях ордена.

А затем снова ничего не происходило и время тянулось в обстановке праздников и церемоний, приездов и отъездов известных персонажей: так как многие из них, даже прелаты, устав от бездеятельного ожидания, предпочитали вернуться домой, куда звали их другие заботы. Наконец, в марте прибыл король Франции в сопровождении своего двора и принцев и, безусловно, с небольшим вооруженным войском. Возможно ли, будет, наконец, начать процесс против тамплиеров?

Роспуск

У Климента V было время хорошенько все обдумать. Инцидент с девятью тамплиерами, увертки комиссии вызывали опасения, что церковный собор не решится на возобновление следствия. К тому же, он знал, что обвинения обоснованы и, что публичное обсуждение причинит Церкви существенный вред. Помимо огромных расходов, которые надо было предвидеть, разве не стоило опасаться волнений в маленьком, перенаселенном городе, где инциденты уже происходили все чаще? Таким образом, он стремился избежать публичного скандала. 22 марта Папа созывает консисторию, которая его поддерживает, и решает разрешить вопрос сам, своей властью, не дожидаясь мнения церковного собора.

В этом всегда стремятся увидеть доказательство недобрых намерений Папы. Ничего этого нет: учитывая досье, он уверен, что признания, полученные в Сансе будут повторены в Вьенне, но ценой какой потери времени и какого скандала? Собор длится уже почти шесть месяцев, он стоил довольно дорого и многие желают, чтобы все поскорее закончилось. Папа болен и спешит закончить с этим изнурительным делом, из которого ничего хорошего для Церкви выйти не может. Принимая самостоятельное решение, он полагает, — и возможно разумно — избежать худшего. Иначе говоря, следуя своей привычной методике, он пытается ограничить скандал, которого уже не смог избежать и который, с его точки зрения, слишком затянулся и вызвал слишком много суеты. С юридической точки зрения, решение законно, так как орден Храма подчиняется только Папе. Конечно, лучше было вообще не созывать этот собор! И кто знает, что может из этого получиться? Возможно, костры прямо в городе! Но это вовсе не то, чего желает Климент V.

Таким образом, при возобновлении работы, приостановленной на пасхальные праздники, на пленарном заседании в понедельник 5 апреля 1312 г., Папа зачитывает буллу «*Vox clamantis*», которая положила конец существованию ордена Храма. Однако это ни для кого не было сюрпризом, так как в течение нескольких дней весь город уже в курсе, секрет консистории хранили плохо. Никакого возмущения не

последовало, а вовсе наоборот: на этот момент все поддерживали решение и считали, что Папа поступил умело. Только епископ Валенсии, сочувствовавший обвиняемым, заявил, что сожалеет, ибо такое решение смешивает виновных и невинных, но согласился, что решение справедливо, так как орден *«согрешил распущенностью»*. Это самое малое, что можно было сказать.

Кажется, в то время никто не решился на игру слов, которую придумают будущие историки, переделав *«vox clamantis»* в *«vox Clementis»*.

Еще раз интересно показать, как Папа объясняет свое решение:

«учитывая плохую репутацию тамплиеров, подозрения и обвинения, предметом которого они являются;

принимая во внимание, как и каким загадочным образом, принимали в этот орден, дурное и неприличное христианину поведение многих его членов;

принимая во внимание клятву, требуемую от каждого из них, ничего не говорить об этом вступлении и никогда не выходить из ордена;

принимая во внимание опасность, которой подвергаются вера и души, а также ужасные преступления очень большого числа членов ордена.

Мы упраздняем, не без горечи и личной боли вышеназванный орден тамплиеров и отменяем его устав».

Было бы напрасно говорить, что булла не является приговором, что орден был распущен, но не был осужден: «опасность, которой подвергаются вера и души», «не приличное христианину» поведение, утверждение об «ужасных преступлениях», это именно и есть термины обвинения. Но решение, прежде всего, является решением церковного руководителя, обеспокоенного опасной ситуацией, и чьей наипервейшей заботой является желание положить всему этому конец. Кроме того, когда речь шла о судьбе ордена, самым тяжелым решением могло быть только решение о роспуске.

2 мая другая булла будет посвящена передаче имущества ордена ордену госпитальеров. Если король Франции действительно рассчитывал на наследство, он грубо ошибся; но трудно поверить в то,

что его юристы рассматривали возможность получения светской властью церковного имущества. Им только останется спорить из-за мелочей с госпитальерами, чтобы отдать как можно меньше имущества, на которое был наложен запрет, раздувая расходы за управление им.

Судьба людей

Однако еще не все было закончено: и если судьба ордена была решена, оставалось осудить людей. Этим и займутся, но, уже не имея возможности поставить под сомнение коллективную виновность. Однако все высказываются в пользу прощения и рыцари получают небольшие наказания, как максимум временное заключение.

Но тут, вдруг, вспоминают, что Папа оставил за собой решение судьбы четырех высших руководителей. Не имея возможности, из-за состояния своего здоровья заняться этим, он назначает по этому случаю новую специальную комиссию под председательством кардинала Альбано.

Именно эта комиссия, непосредственно созданная Папой, много времени спустя после закрытия Собора, будет судить в Париже 22 декабря 1313 г., Моле и троих сановников, обвиненных вместе с ним.

Дело закрыто, орден распущен: как поведут себя четверо обвиняемых? И что же, они еще раз признаются, как и всегда. Они повторяют свои предыдущие признания, в частности об отречении от Христа и плевании на крест. Процесс до 18 марта: у них есть время высказаться. Наконец, 18 марта 1314 года, Жак де Моле — великий магистр ордена, Жоффруа де Шарне — командор Нормандии, Гуго де Пейро — второй человек в ордене и досмотрщик Франции, Жоффруа де Гонневиль — командор Аквитании и Пуату, приговариваются к пожизненному заточению. Церковь не хочет смерти грешников, и двое последних закончат свою жизнь в тюрьме.

Последний, кровавый акт

Когда кажется, что все уже закончилось, разыгрывается финальный акт драмы: Моле и Шарне неожиданно отказываются от своих показаний, заявляя, что все обвинения, выдвинутые против ордена, были лживыми, что устав Храма был справедливым и католическим и что все предыдущие их признания были неправдой.

Как объяснить такую перемену, и отчего столь запоздалую? Становясь вероотступниками, двое приговоренных знали, что будут казнены: это было автоматическое наказание, не оставляющее выбора. Они это знали и Моле заявил, что готов пойти на казнь.

Это поведение в конце производит сильное впечатление на историков, но оно ничего не объясняет и не может перечеркнуть всего содержания досье. До этого момента, и даже перед комиссией, которая выслушает их отречение, поведение де Моле и де Шарне будет достаточно жалким. Если бы они с самого начала заняли ту позицию, которую выбрали слишком поздно, их заявление имело бы гораздо больше веса; но, появившись после стольких признаний, оно вовсе потеряло возможность убедить кого-либо.

Сложно отказаться от мысли, что до самого конца Моле надеялся на счастливую развязку, милость короля и Папы. И, только когда он понимает, что безнадежно приговорен закончить свою жизнь в тюрьме, он в последнем порыве предпочитает красиво уйти: театральный жест, очень зрелищный, но не достаточный для того, чтобы перечеркнуть семь лет слабости.

Невозможно разрешить эту дилемму: либо Моле из трусости лгал в течение семи лет, позволив приговорить своих братьев и поддержав обвинение против них своими собственными признаниями и привел к поражению ордена, которым руководил, — или в течение семи лет он говорил правду, но не смог вынести перспективы окончательного заточения и, ввиду своего возраста, предпочел доблесть славного конца. На следующий день, по приказу короля, двое вероотступников были сожжены на берегу Сены лицом к собору Парижской Богоматери. Моле приписывают много последних слов, но единственной фразой, которая кажется подлинной является: «Наши

тела принадлежат королю Франции, но души принадлежат Богу». И еще одна двусмысленная фраза! До самого конца этот дьявольский человек останется загадкой.

Последние актеры

Что станет с другими? Многие вернутся в монастыри, некоторые вернутся к светской жизни. Только в Португалии орден выживет, изменив название и, конечно же, устав. Повсюду дело закроют и больше никто о нем не будет говорить. Было бы абсолютно напрасно искать последователей тамплиеров: «Храм оставил пример, но не оставил наследников», очень справедливо заметил Альбер Оливье.

Папа и король не надолго пережили тех, кого считают их жертвами. Безусловно, некоторые усмотрели в этом небесное наказание, но я удовлетворюсь более разумным объяснением.

Климент V был давно болен и, насколько мы можем об этом судить, он был поражен раком желудка. Чтобы облегчить его страдания, говорят, его заставляли глотать толченые изумруды: лекарство дорогое, но вероятно неэффективное. Именно от этой болезни или от этого лекарства первый Папа, чей престол находился в Авиньоне; умер в Рокморе (Гард) 20 апреля 1314 г., всего месяц спустя после казни де Моле.

Филипп Красивый чувствовал себя хорошо, ему было всего лишь 46 лет и, казалось, что его ждут долгие годы царствования. Но во время охоты на него напал кабан и ранил. Из-за плохого лечения он умер 29 ноября 1314 года. Данте говорит, что он умер от удара свиной кожи (*di colpo di cotenna*). Небесное правосудие действительно выбрало странных исполнителей!

Заключение

После столь долгого и тщательного изучения можно ли считать, что остаются сомнения по поводу виновности тамплиеров? По-моему, каким бы не было значение ритуала плевания, он мог быть только «нехристианским», как сказал Папа. Конечно, сегодня за это бы не сожгли: Церковь вынуждена была отказаться отправлять на костер тех, кто думает не так как она, и мы рассуждаем вместе с Монтенем: «Жарить человека живым, значит слишком дорого ценить свое мнение». Но, ни Филипп Красивый, ни даже Климент V не могли быть свободны от ментальности своего времени, а тамплиеры допустили преступление, которое считалось тогда самым страшным. Еще в XVIII в. шевалье де ла Бар будет сожжен за гораздо меньшее преступление: Вольтер будет этим возмущен, но не могло существовать Вольтера в XIV в. В ту эпоху общественное мнение одобрило приговор и ставило Папе в упрек только его медлительность и слабость.

Вслед за епископом Валенсии, нам хотелось бы сделать различие, которого судьи не установили в достаточной мере, между теми, кто сознательно выполнял сам антихристианский ритуал и заставлял других, и теми бедными, непосвященными братьями, которые подчинялись угрозам, не понимая и не имея дурных намерений. Сколько таких несчастных заплатило своей жизнью за жест, который не пошатнул их веру? Трудно сказать: 54 рыцаря было сожжено в Париже 13 мая 1310 г.; остальные умерли в тюрьме. К счастью, подавляющее большинство ожидала менее жестокая участь, и они были освобождены после испытаний, войдя в орден госпитальеров.

С верховными руководителями все было иначе. Своими признаниями и даже своим молчанием эти люди признали важность жеста, тайный смысл которого они знали; они предпочли унести эту тайну в могилу, не раскрыв ее. Моле и Шарне сознательно выбрали смерть. Это было их право, но остается сожалеть, что это произошло после стольких уловок, которые создают впечатление трусости, после того, как они на семь лет покинули, смущали своих братьев и способствовали их приговору.

Но эта жертва может иметь два значения: либо они сами себя считали слишком виновными, чтобы все сказать, либо они пожертвовали собой ради идеала, который считали более высоким, чем идеал Церкви. Мы хотели бы иметь возможность выбрать эту вторую гипотезу. Но каким был этот идеал, и кому он был передан? Гуго де Пейро в своем заточении, возможно, был его последним хранителем. Ничто не было спасено. Тогда зачем эта жертва?

Загадка Храма не раскрыта. Вместо того, чтобы смириться с этим незнанием, многие хотят, чтобы в трагедии непременно были предатели. Я думаю, что Папа и король искренне ужаснулись тому, что узнали и считали, что спасают церковь от великой опасности. Но, будучи заложниками своих ролей, они преувеличили эту опасность. Ересь опасна, только если она основывается на доктрине, а мне трудно представить рыцарей храма в роли Мани, Лютера, а еще меньше Джордано Бруно или Маркса. И, если однажды какие-нибудь открытия позволят нам обрести архивы Храма, я боюсь, что историки, получив секрет, который так заинтриговал их, вынуждены будут сказать с досадой: и что, это все?

Ожидая этого, мы по-прежнему можем мечтать, воображать, например, что тамплиеры отрекались в лице Иисуса от символа невежества. Но тогда почему они не сказали об этом или не позаботились о том, чтобы передать это послание? Я в это абсолютно не верю: разве не они же равнодушно позволили уничтожить катар?

Я думаю, разумнее нам остаться на том грустном утверждении, что они сами, логично и неизбежно, были перемолоты адской машиной, которой всегда является догма, порождающая нетерпимость и преследования.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Список великих магистров ордена Храма

1. *Гуго де Пейен*, основатель ордена, о котором известно немного (1119–1136 гг.).

2. *Пьер де Краон*, или Робер Бургундский (1136–1149 гг.), который получил буллу «*Omne datum*», фиксирующую привилегии ордена.

3. *Эврар де Бар* (1149–1151 гг.), который спас Людовика VII в крестовом походе. Ушел из ордена, чтобы стать цистерцианцем.

4. *Бернар де Тремеле*, погиб при осаде Аскалона.

5. *Андре де Монбар* — родственник св. Бернара. Он также покинул орден, чтобы поступить в Клерво.

6. *Бертран де Бланфор*, тулузец (1156–1169 гг.).

7. *Филипп де Мильи*, сеньор Наблуса (1169–1171 гг.). Еще один магистр, который вышел из ордена.

8. *Одон, или Эд де Сент-Аман* (1171–1180 гг.). Захвачен в плен Саладином возле брода Иакова и казнен.

9. *Арно де ла Тур Руж*, или Торрож (1180–1184 гг.), испанец, умерший в Вероне во время путешествия.

10. *Жирар де Ридфор* (1184–1189 гг.), фламандец, захваченный Саладином и освобожденный на подозрительных условиях, вновь захвачен под Акрой и казнен как клятвопреступник.

11. *Робер де Сабле* (1191–1193 гг.), ставленник Ричарда Львиное Сердце, избранный после 18 месяцев вакантности поста великого магистра.

12. *Жыльбер Эраль* (1192–1201 гг.).

13. *Филипп де Плессье* (1201–1209 гг.).

14. *Гильом де Шартр* (1209–1217 гг.), умер от чумы в Дамьетте.

15. *Пере де Монтегаудо* (1217–1232 гг.), испанец. Конфликтовал с императором Фридрихом II.

16. *Арман де Перигор* (1232–1244 гг.), убит монголами.

17. *Гильом де Соннак* (1245–1250 гг.), убит в битве при Мансуре.

18. *Рено де Вишье* (1250–1256 гг.), унижен Людовиком Святым.

19. *Тома Берар* (1256–1272 гг.), прозванный дурным магистром.

20. *Гильом де Боже* (1273–1291 гг.), погиб в Акре.

21. *Тибо Годен* (1291–1295 гг.), перевел главную резиденцию ордена в Париж.

22. *Жак де Моле* (1295–1314 гг.).

Приложение 2

Вольные каменщики и тамплиеры

Исторически, если не считать легенд, которые окружают движение вольных каменщиков, оно было основано в Англии в день св. Иоанна 1717 г. В 1723 г. пастор Джеймс Андерсон дал ему «Конституцию», в которой были собраны (или придуманы) рассказы и легенды, касающиеся его происхождения. По некоторым из них, Бог мог бы считаться первым масоном, потому что он создал свет. По другим, Адам мог считаться первым масоном, получившим знания от Бога по ритуалу на востоке рая. Но, если быть точнее, данный институт восходит к *Хираму* из Тира, архитектору, который построил храм в Иерусалиме для царя Соломона: вот почему большинство символов относятся к храму и к архитектуре. Затем, довольно туманно, пытаются через римских коллег плотников показать связь с сообществами строителей средневековья. Здесь не место говорить о чисто символическом характере такой связи. Заметим, что нигде речь не шла о тамплиерах.

Французские франкмасоны происходят не от английской, а от шотландской традиции. Независимо от тайных обществ, которые в XVII в. работали во имя реставрации династии Стюартов, первая ложа была основана в Париже в 1726 г. под патронажем св. Томаса Кентерберийского: именно из нее, после многочисленных потрясений и переделов, произошла ложа Великого Востока. Никогда и здесь не было никакого упоминания о тамплиерах.

Но в 1756 г. барон Хант создает группу раскольников в шотландской традиции, создав «исправленный» или «ортодоксальный» ритуал. Движение приживется в основном в Германии, где оно будет иметь честь иметь в своих рядах таких людей как Гете, Лессинг и Моцарт. Именно барону Ханту, первому, придет идея установить связь между тамплиерами и масонством.

Чтобы подтвердить свою теорию, он рассказывал, что после роспуска ордена Храма, магистр провинции Овернь, Пьер д'Омон, смог сбежать с двумя приорами и пятью рыцарями, переодетыми каменщиками. Они, якобы, нашли убежище в Шотландии, где с

великим командором Хамптонкуром и многими местными братьями они создали новый тайный орден, великим магистром которого был выбран Омон. Ни тени доказательств, естественно, в поддержку подобных утверждений.

Мне кажется, что легенда может не приниматься всерьез по двум причинам. Прежде всего, из-за даты основания этого секретного ордена: июнь 1312 г. Безусловно, орден только что распустил Папа, но так как Жак де Моле был еще жив, было совершенно невозможно избрать его преемника. Однако, кажется, Хант полагал, что Моле уже умер, как будто бы он был сожжен в Вьенне! В другом месте нам рассказывают, что беглецы, переодевшиеся каменщиками, именно по этой причине, выработали ритуал «масонства», назвавшись «свободными и принявшими масонами», потому, что они выбрали свободу и приняли новый устав. Но мы знаем, что символика храма и строителей имеют другое происхождение. Она была принята в 1717 г. по совершенно другим причинам. Итак, кажется, Хант пытался использовать тамплиеров только для того, чтобы оправдать свое раскольничество.

Надо ли добавлять, что не существует следов ни этого тайного ордена, ни тайных братств, которые были бы связаны со строителями соборов? Но, так как эти две версии происхождения несовместимы, они остаются немного размытыми, и Жака де Моле продолжают почитать в ложах, как мученика свободной мысли, жертву нетерпимости, предшественника доктрины истинного братства. Это никому не может повредить, но исторически ничто не позволяет удостоивать такими почестями последнего великого магистра Храма, который был бы сильно удивлен тем идеям, которые ему приписывают, если вообще он был способен в них что-нибудь понять.

Можно всегда сказать, что основатель ордена Храма Гуго де Пейен не случайно обосновался с разрешения короля Бодуэна II на том месте, где находился храм Соломона, и усматривать в этом некое оккультное влияние. Это значило бы приписывать великое предвидение этому Пейену о будущей роли скромного ордена (в начале тамплиеров было всего девять), который он создавал для защиты паломников и который разросся только благодаря поддержке св. Бернара. У истоков возникновения ордена ни что не предвещало его падения.

Масонский «храм» — это храм Соломона, а не ордена, чье название происходит от этого храма.

Приложение 3

Сокровища тамплиеров

К религиозной и философской загадке Храма, для любителей тайн, прибавляется еще и тайна сокровищ. До сих пор существуют те, кто с помощью лозы, оккультных приемов, спиритизма или просто с помощью дедукции пытаются найти казну тамплиеров. Я не хотел бы разрушать их иллюзии, но найти знаменитые сокровища весьма проблематично.

Вероятно, сокровища Храма все же существуют, к тому же это слово может подразумевать как архивы, так и коллекцию ценных предметов или сундуки, заполненные золотом. Учитывая богатство ордена и, даже принимая во внимание, привычные в этой области преувеличения, имущество, захваченное Филиппом Красивым, не может представлять собой все запасы Храма: добрую их часть, безусловно, спасли от конфискации.

Я уже говорил, что если тамплиеры и не поняли в нужный момент серьезность угрозы, нависшей над ними, они, все-таки, могли быть проинформированы об опасности. Решение об аресте было принято на королевском Совете 14 сентября 1307 г., а выполнено лишь 13 октября: в этот промежуток времени неизбежно должна была быть утечка информации. Мы знаем, что Жак де Моле приказал уничтожить экземпляры устава, то есть он предчувствовал удар со стороны короля и было бы странно, если бы он не приказал скрыть хотя бы самые ценные предметы.

О составе скрытого имущества можно только строить гипотезы. Прежде всего, надо вспомнить, что большая часть имущества, хранившегося в ордене, ему не принадлежала, но была передана ему на хранение, — также как суммы на счетах клиентов и содержание сейфов не принадлежит сегодня банкирам. Нам мало что известно о процедурах возврата, которые начались, но можно полагать, что вклады были возвращены. Остаток собственного имущества ордена состоял из даров, трофеев и процентов прибыли, вложенных в золото или ценные предметы: все это должно было представлять большой запас. Конечно, золото было редкостью в Средние века, но его было

гораздо больше на Востоке, а большая часть имущества Храма наверняка была возвращена на родину из Палестины, так как надвигающуюся опасность предвидели заранее: битва под стенами Акры ни в чем не походила на взятие Константинополя.

Часть этих сокровищ осталась на Кипре, где она долгое время служила защите острова. Что касается ценностей, привезенных в Европу, мы не знаем, были ли они сконцентрированы в Париже или вообще во Франции, или разделены между провинциями и учреждениями ордена. Таким образом, могло существовать несколько хранилищ.

Безусловно, парижская казна была самой важной, так как именно в этом городе находилась «штаб-квартира», под руководством Гуго де Пейро, досмотрщика Франции. Если допустить, что она была эвакуирована, куда могли ее направить? Логично, что если опасность крылась во Франции, то в соседнюю страну, и, возможно, именно в Англию, которая была самой близкой и самой надежной страной. У ордена были свои корабли, и сокровища могли отправиться вниз по течению Сены, и, в таком случае, естественным направлением могла быть только Англия. Это рассуждение, мне кажется, должно заставить поразмыслить тех, кто ищет главную казну во Франции.

По мнению Жерара де Седа^{5} эту гипотезу может подтвердить заявление тамплиера из Немура, некоего Жана де Шалона, которое фигурировало (или вроде бы фигурировало) в архивах Ватикана^{6}. Этот брат видел на закате солнца накануне ареста, как из храма в Париже выехали три телеги с соломой, под которой были спрятаны сундуки. Свидетель добавляет (но откуда он мог это знать?), что эти сундуки содержали сокровища Гуго де Пейро, которые должны были быть отправлены за границу на кораблях ордена.

Из этого заявления, вроде бы, должно следовать, если ему можно верить, что не все сокровища были эвакуированы сразу. Эти три повозки, безусловно, представляли последнюю поездку, и каждый хранитель должен был эвакуировать часть, доверенную ему. Другие части общей казны, таким образом, могли были быть спрятаны во Франции, посланы в Испанию или в Прованс, а то и переправлены на Кипр. Итак, еще есть надежда у тех, кто думает, что сокровища были спрятаны в Живоре^{7}, в Аржини на Роне^{8}, в Валькрозе в Варе^{9}, в Индре-и-Луаре и т. д.

Парижская казна, напротив, возможно, попала в Англию. Что с ней стало? В этой стране тамплиеров не преследовали, и у них было достаточно времени, чтобы свободно и как можно лучше распорядиться ей в своих интересах. Однако меня удивляет, что в Англии искателей сокровищ меньше.

Безусловно, можно вообразить — разве это не более соблазнительно? — что корабли не смогли покинуть Францию из-за погоды или потому, что побережье было под наблюдением, и что их ценный груз был спрятан в склепе, где и покоится до сих пор. Жалко, что Морис Леблан, когда писал «Полую стрелку», не добавил эту находку к прочим находкам Арсена Люпена.

Я добавлю личную гипотезу, о которой, мне кажется, никто не думал, поскольку она была бы слишком разочаровывающей. Допустим, что Климент V получил некую конфиденциальную информацию, позволяющую ему получить часть богатств? Он не стал этим хвастаться, хотя бы для того, чтобы скрыть их от алчности короля Франции. Климент V тоже нуждался в деньгах: расходы на Церковь, его семья, его врачи стоили ему слишком дорого, — уж не говоря о его любовнице, прекрасной Брюнесенде, графине де ла Марш, о которой современники говорили, что она стоит Церкви дороже, чем Святая земля.

Приложение 4

Тамплиеры и художественный вымысел

История тамплиеров всегда будила воображение. Наряду с историческими исследованиями, существует целый пласт литературы, посвященной делу Храма, которая основывается больше на искусстве культивировать тайну, чем на критических рассуждениях и анализе текстов.

Я не осуждаю художественный вымысел при условии, если эти произведения честно представляются тем, чем являются на самом деле, то есть романами.

Конечно, историки тоже могут формулировать гипотезы по поводу какой-либо тайны. И они не лишили себя этого удовольствия в истории о тамплиерах. Но гипотезы историка всегда ограничиваются содержанием документов или общими знаниями, которыми мы обладаем по каждой эпохе. Когда свысока смотрят на эти ограничения, жонглируют хронологией или говорят об оккультизме, то получают шанс иметь максимальный успех у мало информированной и жадной до сенсаций публики. Произведение, основанное на домыслах, более соблазнительно, чем объективное исследование; вымысел побеждает правду. Также и, несмотря на то, что специалисты указывают, что это было невозможно, многие еще предпочитают верить, что человек в железной маске был братом близнецом Людовика XIV, а загадка Людовика XVII более известна из «Виконта де Бражелона», чем по кропотливым исследованиям мэтра Мориса Гарсона^{10}.

Было бы сложно перечислить все художественные произведения, которые вдохновило дело тамплиеров. Я ограничусь упоминанием трех книг, появившихся недавно, которые достаточно хорошо излагают все то, что может быть придумано на эту тему, если не брать на себя труд прочитать буллы Климента V и протоколы допросов.

Но дело тамплиеров породило не только романы, но и один из самых грубых «розыгрышей» истории в середине XIX в. Чтобы рассеять все неясности, сначала я перескажу эту забавную историю.

1) Папа нового Храма

Климент V упразднил орден Храма и Церковь никогда больше не возвращалась к этому приговору. Но любители тайн не могли остановиться на этом и очень часто пытались приписать тамплиерам дальнейшее подпольное существование. Среди сект, которые претендовали на то, что получили оккультной передачей секреты Жака де Моле, самой удивительной является та, которой удалось добиться того, что сам Наполеон воспринимал ее серьезно, удалось провести известных людей и продержаться до 1870 г.

Однако, ее основателем был сомнительный человек и успех этой мистификации мог бы удивить, если бы мы не знали сотни других примеров удачи некоторых шарлатанов. Так как Бернар-Раймон Фабре-Палапра, родившийся в Корде 29 мая 1773 года, возможно был медиком; но гораздо более ловко он пользовался доверчивостью современников, чем практиковал свое мастерство терапевта.

В эпоху Консулата он являлся всего лишь президентом гастрономического кружка, называемого «клуб филяе»: вот где была колыбель нового Храма, может быть потому, что формула «пить как тамплиер» была там в чести. Всегда случается, что однажды, — совсем как в наши дни, один почтальон в Монфаве провозгласил себя Христом и смог убедить в этом своих сограждан — Фабре-Палапра вдруг провозгласил себя преемником Жака де Моле и преобразил «клуб филяе» в секту тамплиеров, чьим великим магистром он, безусловно, и стал.

Для того, чтобы подтвердить свои претензии, он показывал «сокровища», состоящие из шлема Моле и нескольких костей, якобы собранных в пепле костра, где сгорел мученик. Так как этого было недостаточно, он сфабриковал для себя документ, написанный готическими буквами, «Левитикон», который показывал преемственность великих магистров Храма... от Иисуса Христа! На нем можно было увидеть подписи таких знаменитых людей как Байяр, Монморанси, Кольбер, Монтескье (жаль, что не было подписи Иисуса Христа). Довольно удачной уловкой было использование подлинного списка великих магистров масонов^[11] с момента регентства до герцога Коссе-Бриссака, известного тем, что он стал преемником Людовика XV в любовной связи с экс-фавориткой дю Барри. К несчастью, Бриссак, командир швейцарских гвардейцев, был убит, в своей тюрьме, в сентябре 1792 г. и его голова была брошена к ногам

его любовницы. Так как его не было там, чтобы разоблачить эту ложь, начиная с этой даты, у нас нет никаких фактов кроме слов Фабре-Палапра. Хотя, ничего подобного нет в завещании Бриссака, написанном в тюрьме, Фабре-Палапра утверждал, что герцог передал власть некоему Радиксу де Шевилону, который, в свою очередь, передал тайный факел Фабре-Палапра, предусмотрительно дождавшегося смерти Шевилонна, чтобы воспользоваться этим священным наследием.

Ни один серьезный историк, кроме несчастного аббата Грегуара, никогда не верил в подлинность «Левитикона». Позже, некий виконт д'Асфельд, порвав с Палапра, подтвердил, однако, что документ является фальшивкой.

Тем временем, махинация пользовалась колоссальным успехом и приносила тому, кто ее придумал, целое состояние. Воскресший в 1804 г. новый орден Храма обогатится, как и настоящий, но средствами гораздо более простыми, в которых не было ничего магического. Он продавал простофилям фальшивые аристократические титулы, награды, знаки отличия, церемониальную одежду и прочие безделушки. Всегда полезно играть на зависти: все те, кто не мог получить от Наполеона титулы новой аристократии, набросились на благородные звания, щедро раздаваемые великим магистром Палапра.

Самое забавное, что, кажется, сам Наполеон поверил в этот маскарад. 28 марта 1808 г., когда новые рыцари проводили церемонию в память Моле, император предоставил им свою гвардию. 16 октября 1810 г. их собрание удостоилось чести присутствия принца. Архиканцлера, герцога Пармского, проще говоря, личного присутствия Камбасереса. Надеялся ли Наполеон найти, на этом собрании клоунов, серьезную поддержку в конфликте с Папой?

Также удивительным кажется соучастие в этом некоторых прелатов. Так как, надо полагать, что воспоминания о тамплиерах вдохновляли на ересь: Палапра не удовлетворился титулом великого магистра и, в конце концов, провозгласил себя... Папой! Разрывая с Римом, и став предтечей экуменизма (он охотно принимал в свои ряды англиканцев и протестантов), он присвоил себе звание *«Суверенный понтифик Церкви, патриарх и прямой преемник Иисуса Христа, через*

орден Иоанна». Не меньше. Рим хранил молчание, а священники служили на мессах ордена.

Вопреки всем ожиданиям, новый Храм пережил падение империи и продолжал процветать во времена Реставрации. Еще в 1833 г. он организует празднование и большую церемонию во Дворе чудес (все было указано), на которой молятся за государя и едва одетые монастырские послушницы собирают деньги. Это был апофеоз Палапра, у которого стали проявляться признаки психического расстройства. Он умер в 1838 г. и был заменен английским адмиралом, адмиралом Смитом, который, не колеблясь, воспользуется завоеванием Алжира и отправится туда, чтобы возобновить борьбу с «неверными», однако весьма безуспешную.

Смит отказался от мало ортодоксальных притязаний своего предшественника, но Рим продолжал остерегаться. Когда в 1845 г. принц Шиме испросил у Папы Григория XVI отмены приговора Климента V и признания тамплиеров, святой отец с юмором ответил, что ставит при этом единственное условие: восстановление обета послушания Папе. Будучи хорошо осведомленным, он знал, что это требование будет неприемлемым для не католических членов. Попытка не удалась, к тому же Церковь никогда не выказывала ни малейшего намерения пересматривать приговор Климента V.

Несмотря на свои успехи, орден пережил несколько расколов: в 1812 г., возглавляемый графом Лепелетье д'Онэ, затем раскол виконта д'Асфельда (в действительности авантюриста по имени Латапи), которому пришла очень приятная идея ввести в орден женщин.

К 1845 г. орден насчитывал 78 приорств, 154 бальяжей и 274 командорств. Он распространен не только во Франции, но и в Англии, Германии, Швеции, Швейцарии, Испании, Португалии, Италии и Греции. Он потерпел только одну неудачу на Гаити, где президент Доминиканской республики потребовал доказательств, прежде чем дать «занять» у себя 4000 ливров: так как доказательства не были предоставлены, он выгнал так называемых тамплиеров. Ни один монарх, кажется, не предпринял тех же мер предосторожности: в 1844 г. король Швеции, чуть было не согласился быть избранным великим магистром, но он вовремя умер и избежал этого позора, а его сын Оскар I отклонил эту честь. Станный король Георг IV был более наивен и принял звание великого магистра для своего государства.

Однако, всякая мистификация имеет свои пределы и орден быстро пришел в упадок при Наполеоне III. Он разделился на национальные объединения и, загадочным образом, исчез. Последнему великому магистру осталось только передать «сокровища» в государственные архивы. Стоит ли уточнять, что там невозможно найти никаких подлинных документов, никакого завещания Моле, никаких останков архивов Храма?

Однако, идея была очень плодотворной. Мы увидим попытки ее воскрешения в Брюсселе в 1932 г., затем в Париже в 1945 г. в виде «французской ассоциации рыцарей независимого и воинствующего ордена Храма Иерусалимского», регулярно публиковавшейся в «Журналь офисьель». Но не все с этим были согласны, так например, в 1963 г. маркиз де Во называет себя «*нынешним, законным и неоспоримым Суверенным Великим Магистром тамплиеров во всем мире*»^{12}. Но он тоже не знает, где находятся архивы Храма.

И, наконец, 24 июня 1967 г. было создано еще одно новое братство тамплиеров^{13}. Их было всего лишь трое, но кто может быть уверен, что у них не будет последователей?

Однако, никто, кажется, сегодня не имеет ни размаха, ни наглости Фабре-Палапра, которому удалось надуть Наполеона, трех королей Франции, несколько зарубежных монархов и многих людей, претендовавших на принадлежность к элите, просто продавая титулы, придуманные гербы и регалии. Но, некий Врен-Люка, разве не продал Академии Наук письма Клеопатры, Марии Магдалины и Верцингеториг... на старо-французском и на бумаге с королевскими лилиями?^{14}

2) Романы о деле тамплиеров

Gérard de Sède. «Les Templiers sont parmi nous», éd. Juillard, 1962.

Jérôme de Céd. «Тамплиеры среди нас». Paris, 1962.

Аннотация этой книги утверждает, что она соединила «строгий смысл исторического исследования с настоящим полицейским расследованием». Я воздержусь от комментариев по поводу строгости исследования, но я без колебания отнесу эту книгу к хорошим полицейским романам. Здесь есть старинный замок с подземельями, склеп с саркофагами, знаменитое сокровище, немного алхимии, немного криптографии. Все это увлекательно и, в конце концов, почти сожалеешь, что это неправда. К тому же, можно сожалеть, что автор

излишне грешит... уточнениями. Так как, в конце концов, этот подземный зал замка Жизор, чье местонахождение и размеры даны с такой точностью, должен был бы быть найден при раскопках. То, что раскопок никогда не было, заставляет читателя, который «клюнул», остаться немного неудовлетворенным. Это почти как ловушка Бельфегора в музее Лувра, остается сожалеть, что на месте никаких ее следов не найдено.

В этой книге историк также узнает много нового, во что он вряд ли поверит. Например, много говорили плохого о непостоянстве Алиеноры Аквитанской, но и часто старались ее реабилитировать; но никто не сможет больше простить ей то, что она выдала Генриху Плантагенету секреты тамплиеров. И это уже в 1152 г., даты его второй женитьбы, в то время как орден Храма получил свой официальный статус только в 1128 г. и должен был быть, на тот момент, еще совсем не богатым, когда Людовик VII неосторожно расстался с женщиной, столько знавшей! То, что Папа Каликст II приехал во Францию в 1119 г. только для того, чтобы заняться таинственным замком Жизор (р. 210), является весьма оригинальным объяснением. Мыто думали до сих пор, что он уже был во Франции в качестве епископа Баланса до момента его избрания, которое произошло в Клуни, где нашел убежище его предшественник, изгнанный из Рима императором Генрихом V. Сколько секретов, о которых мы не знали, открыл нам господин де Сед!

То, что замок Жизор сориентирован по сторонам света, возможно, но, что все в нем с самого начала строительства было задумано «в зависимости от состояния небесных светил в данном месте на 24 декабря» (р. 229), также как в замке Монсегюр, по мнению других, кажется нам маловероятным, несмотря на графики. А то, что эта загадочная архитектура, посвящена культу Изида, кажется еще более удивительным, несмотря на криптографическую загадку, заставившую потерпеть поражение Шарля Нодье (которого мы вовсе не ожидали встретить в этом деле).

Я готов согласиться, что собор Парижской Богоматери был сооружен на месте древнего языческого храма. Так было со многими церквями. Но то, что это демонстрирует связь между аргонавтами и парижскими перевозчиками, очень плохо объясняется латинской надписью... с двумя орфографическими ошибками (р. 187). И,

наконец, если действительно тамплиеры отреклись от Иисуса Христа во имя служения Изиде, им надо поставить это в заслугу, так как языческие культы, запрещенные в 392 г. императором Феодосием, могли быть известны в Средние века лишь чрезвычайно редким эрудитам. А сам автор — верит ли в то, что он нам рассказывает? Иногда, чувствуется как проскальзывает сомнение или ирония, например, по поводу этого призрака загадочной королевы Бланки (р. 223), очень хорошо вписывающийся в латинскую фразу, использованную и объясненную... Арсеном Люпенем в «Графине Калиостро».

Я разрушу последнюю иллюзию: безусловно, тамплиеры никогда не «считались мастерами в искусстве криптографии» (р. 147). Эта наука оставалась очень примитивной вплоть до XVI в., когда ее первые методики были усовершенствованы венецианцами и математиками Генриха IV.

Но не слишком требуйте от автора предоставить вам доказательства: он черпал свои данные в книге, которую «невозможно найти в публичных библиотеках» (р. 163), и он сам добавляет: «конечно».

Louis Charpentier. «Les mystères templiers», (éd. Robert Laffont, 1967).

Луи Шерпантье. «Тайны тамплиеров», (изд. Робер Лаффон, 1967).

Если вы любите тайны, вот они! Много романов уже было написано о секретах Храма, связанных со всеми видами оккультизма. Но, в области вымысла, господин Шерпантье намного опередил всех своих предшественников. Он, не колеблясь, переписал всю историю западного мира с XVI в., с даты создания ордена св. Бенедикта, который, якобы, позволил спасти от «варварства» загадочные античные секреты.

Св. Бернар, тайный диктатор христианского мира, передал эти секреты тамплиерам, но ему не хватало главного элемента, скрижалей законов царя Соломона.

Если вы хотите узнать: как св. Бернар послал рыцарей в Палестину, чтобы найти эти скрижали, зарытые в руинах храма; как сногшибательные секреты, записанные на этих скрижалях, позволили спасти цивилизацию; как, получив то, чего добивался, св. Бернар уклонился от второго крестового похода, к которому он, однако,

призывал, и как орден Храма перестал интересоваться гробницей Христа; как тамплиеры открыли Америку задолго до Колумба, и поддерживали отношения с индейцами с длинными ушами и привезли оттуда тонны серебра, которое было использовано при строительстве соборов; как тамплиеры изготавливали золото, открыв источник энергии, более мощный, чем деление атома, но биологического происхождения, до сих пор не известные ученым XX в.; как орден тамплиеров почти установил мировое господство, но злобные доминиканцы, завидуя его могуществу и, наслушавшись советов Рима, сумели убедить Филиппа Красивого (чьим духовником был доминиканец, что очень опасно) уничтожить своих конкурентов; и, как, все-таки, орден выжил (так как Жанна д'Арк была тамплиершей), а Христофор Колумб узнал от португальских тамплиеров путь в Америку; как один тамплиер заранее написал предсказания, которые потом были опубликованы под именем Нострадамуса... и здесь я пасую. Читайте, все-таки, книгу. Это более увлекательно, чем Александр Дюма и превосходит все шпионские романы.

Но, все-таки, нужно сказать о религиозном процессе, который занимает весьма мало места в этой книге. По мнению господина Шерпантье, тамплиеры, конечно, отрекались от Иисуса и плевали на распятие; но тот от кого они отрекались, был Иисус, приговоренный Пилатом, а вовсе не Христос. Так как, за много веков до появления современного толкования Библии, тамплиеры проникли в секрет Евангелия, благодаря документам, найденным во время их раскопок в храме: может быть они обладали не исправленной книгой Иосифа Флавия (жалко, что они нам ее не передали, она бы нам очень пригодилась). В любом случае, они знали, что Евангелия соединили два рассказа, имевших различное происхождение: один, касающийся иудейского агитатора враждебного римлянам, вождя вооруженной банды (меч Петра), который, как раз и был приговорен и распят Пилатом, и который не заслуживает ничего кроме плевков; другой рассказ, касающийся учения истинного Христа, Учителя, который, возможно, был учителем справедливости ессеев. Тамплиеры знали все благодаря посвящению, данному им св. Бернаром, обладателем тайных знаний фараонов, создателем готического искусства, и также бывшим еретиком, по мнению Рима (!). Они знали, что земля круглая и

измерили ее размеры. Если бы они одержали победу, Францию ждал бы золотой век.

Но Церковь не могла позволить расти силе, угрожающей ее собственному господству и догмам, даже если столь ужасные секреты были переданы всего нескольким посвященным на тайных ночных церемониях. Итак, мы видим, как против Храма объединились злобный Папа Климент V, злой король Франции и чудовищные доминиканцы, творцы инквизиции. Цивилизация тамплиеров была разрушена и, поэтому, Европа познала снова голод, Столетнюю войну, страшную чуму 1348 г. Но Храм не умер, выжившие хранили и тайно передавали знания. Когда английские короли, потомки Филиппа Красивого, захотели править Францией, они вдохновили Жанну д'Арк и она открыла великий секрет Карлу VII, именно в Шиноне, где высшие руководители Храма томились когда-то в заточении. За это, она была сожжена как Моле. Но месть Храма, осуществленная оккультными средствами, благодаря способности шипа защищать розу, оставалась всегда ужасной: именно, чтобы отомстить за Моле, Людовик XVI^[15] был заточен в Тампль (Храм) и обезглавлен, и т. д.

Если этот роман вас притягивает, вы не соскучитесь. Вы узнаете из него, что Моле умер без страданий, так как владел секретом бонз, которые сжигали себя без боли (хотел бы я в это поверить ради них). Вы также узнаете в книге, где находятся сокровища (опять!) и скрижали Соломона; все это захоронено под одним из прудов, которыми испещрен лес на востоке Шампани.

После всех этих волнующих откровений, разве имеет значение, что автор немножко путает хронологию расследования и процесса? Однако господин Шерпантье испытывает некоторые сложности, пытаясь объяснить признания, полученные не под пыткой и жалкое поведение де Моле в течение семи лет. Ценой таких жертв, скажет он нам, Храм смог сохранить свои секреты. Но почему надо было молчать о стольких, полезных для человечества вещах? Почему, например, когда все было потеряно, не открыть путь в Америку или приемы, которые могли позволить увеличить урожай? Безусловно, потому, что больше не было бы тайн, а значит и книг подобного рода.

Robert Ambelain. «Jésus, ou le mortel secret des Templiers» (éd. Robert Laffont, 1970).

Робер Амбелен. «Иисус, или смертельный секрет тамплиеров» (изд. Робер Лаффон, 1970).

Из всех объяснений тайны Храма эта, безусловно, самая неблагоприятная для несчастных тамплиеров, так как допускает, что они действительно отрекались от Христа и сознательно плевали на крест.

Все это потому, что на Востоке они узнали «смертельный секрет», а именно, что исторический Иисус не тот, что описан в Евангелиях, а просто вождь разбойников, справедливо приговоренный Пилатом с двумя своими сообщниками.

Идея об Иисусе не нова и автор ограничивается вышиванием по канве, придуманной Даниэлем Массе. Я не буду особо останавливаться на этом аспекте книги, хотя именно это является в ней главным, но задержусь на том, что касается тамплиеров.

Автор не говорит нам, каким образом великие магистры Храма открыли этот «смертельный секрет»: предположительно, все доказательства этого были уничтожены, а христианские тексты «перелицованы». Итак, больше не существует доказательств, что очень удобно позволяет воображению блуждать как угодно. Но, при этом условии, нам не объясняют, как тамплиеры могли получить это невероятное объяснение личности Иисуса.

Положим, они нашли какую-либо рукопись на эту тему (с тех пор, конечно, исчезнувшую); объясните тогда, как они поверили в то, что там написано? Очень вероятно, что христиане XII или XIII в., открыв для себя подобное повествование, отбросили бы его с возмущением и продолжали бы верить в евангельские рассказы.

Надо ли добавить, что в процессе над тамплиерами нет ничего, что содержало бы хоть намек на эту тему? Даже высшие руководители называли себя добрыми христианами, просили разрешить участвовать в мессе, выказывали глубокое почитание Деве Марии. Приписывать мученикам Храма такое отречение от их веры, это, все-таки, безосновательно оскорблять их память. Не ответили ли на него заранее узники, которые в Домме, в Перигоре начертали на стенах своего узилища эти поучительные надписи: повсюду кресты и следующие слова: «*Ecce lignum crucis, credo*» (вот дерево креста, я в это верю)?^{16}.

Комментарии

¹ *Легисты* — знатоки гражданского права, получившие образование в университетах Тулузы, Монпелье, Орлеана. С эпохи правления французского короля Филиппа IV Красивого (1285–1314 гг.) занимали важное место в Королевском совете и системе центрального управления. (*Примеч. ред.*)

² Bordonove G. Les templiers. Paris, 1963. (*Примеч. авт.*)

³ Монсегюр — неприступная крепость Южной Франции, последний оплот катаров. В 1244 г. королевские войска после долгой осады заставили крепость капитулировать: около 200 катаров сожгли после сдачи крепости. (*Примеч. ред.*)

⁴ Также пытались читать справа налево: TEMpli, Omnium Nominum Pacis ABbas, здесь усматривали Бафо, порт на Кипре. (*Примеч. авт.*)

⁵ Gérard de Sède: «Les Templiers sont parmi nous», Paris, 1963. (*Примеч. авт.*)

⁶ Жерар де Сед дает их исходные данные и даже приводит фоторепродукцию, те есть это не является государственным секретом. (*Примеч. авт.*)

⁷ Gérard de Sède. Op. cit. (*Примеч. авт.*)

⁸ Robert Charroux. Trésors du monde. Paris, 1962. (*Примеч. авт.*)

⁹ Robert Charroux. Op. cit. (*Примеч. авт.*)

¹⁰ Le procès Louis XVII, éd. Amiot-Dumont. Paris, 1955; Maurice Garçon. Louis XVII ou la fausse énigme. Paris, 1968.

¹¹ Регент до 1723 г., затем герцог дю Мэн (1723–1736), Луи-Анри де Бурбон-Конде (1736–1740), Луи-Фердинан де Бурбон-Кonti (1741–1776), и, наконец, Луи Эркюль Тимолеон де Коссе-Бриссак, который был губернатором Парижа и командующим швейцарской гвардией при Людовике XVI. (*Примеч. авт.*)

¹² Le miroir de l'histoire, 1963, p. 401.

¹³ L'événement, n. de juin 1967, p. 84.

¹⁴ Cf. Jacques Franju: «Le grand canular», éd. Seghers, 1963.

¹⁵ Однако он являлся, пусть косвенным, потомком Филиппа Красивого: все упорно и называли его Капетом. (*Примеч. авт.*)

¹⁶ Сравните исследования этих граффити, сделанные Теннелъе в журнале «Archeologia», № 33 и 38. (*Примеч. ред.*).